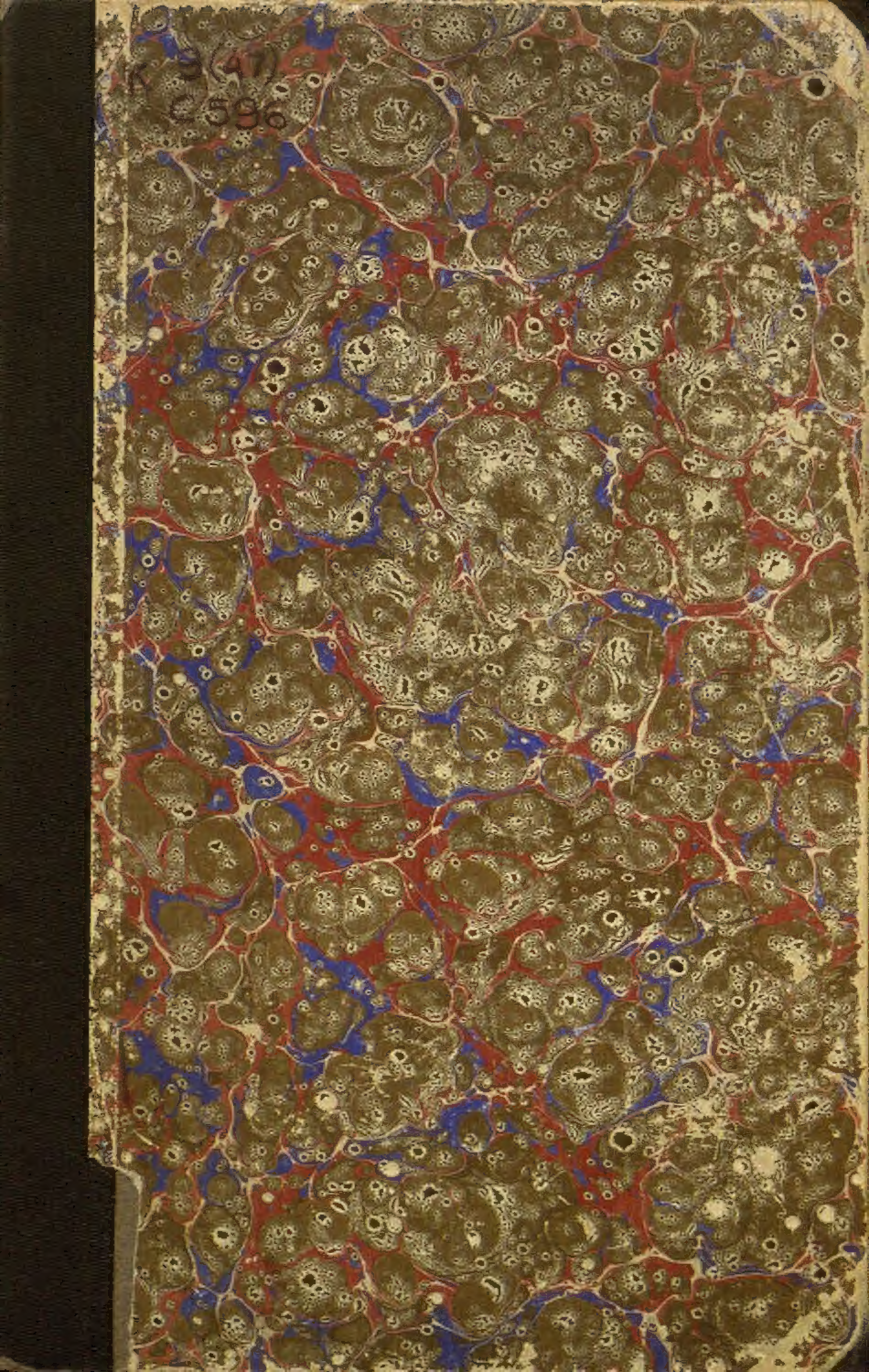
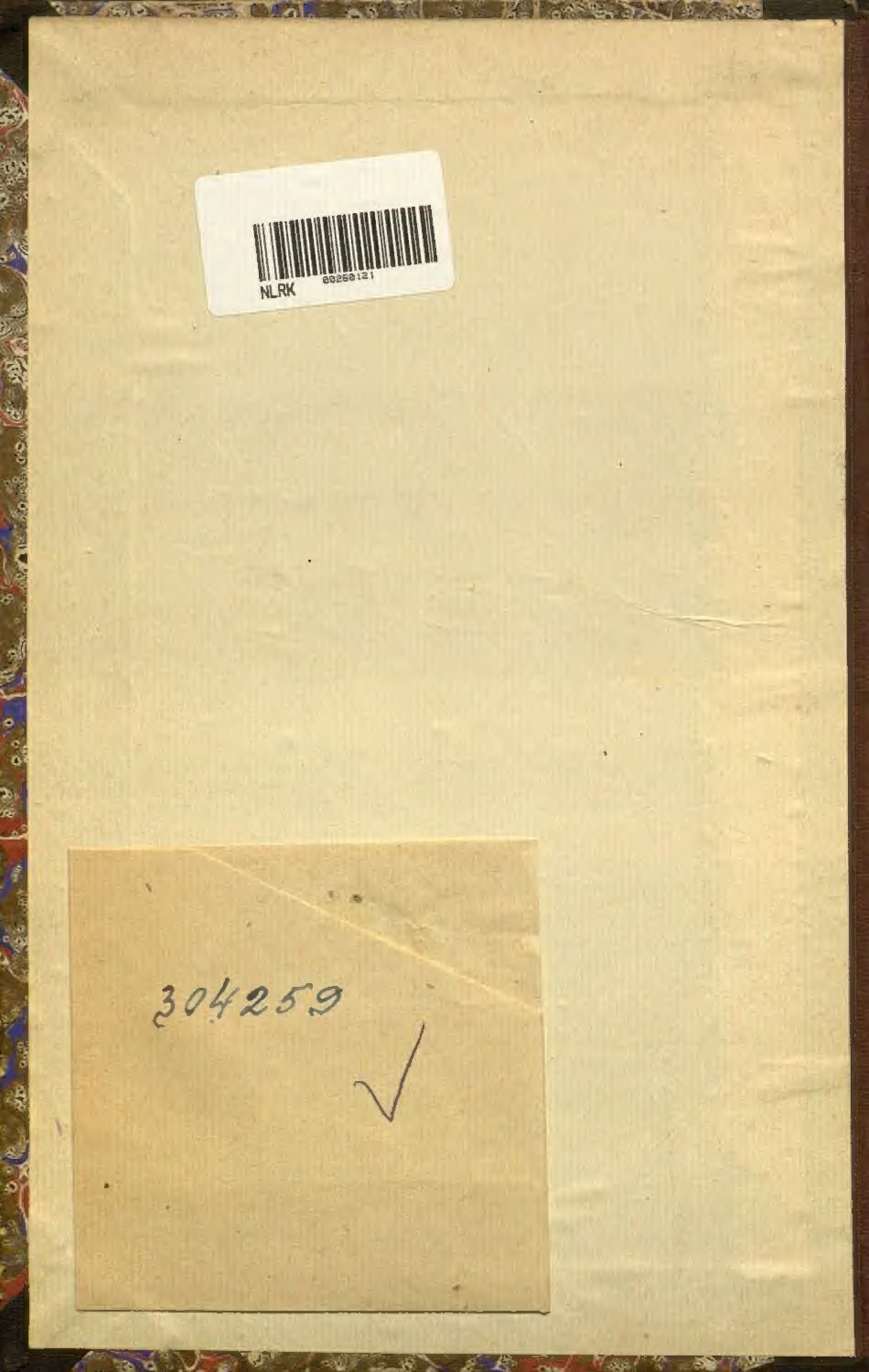
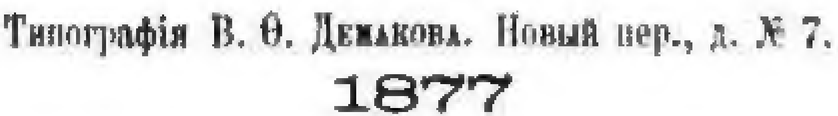



NLRK
00260121
304259

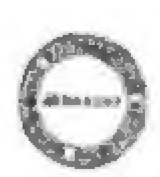
ОЧЕРКЪ
ИСТОРІИ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ
НА СѢВЕРѢ РОССІИ

П. А. Соколовскаго

С.-ПЕТЕРБУРГЪ



Типографія В. Ѳ. Демакова. Новый пер., д. № 7.



1877

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ НА СѢВЕРѢ РОССІИ.

Въ настоящее время нѣтъ нужды говорить о важности предмета, которому посвященъ предлагаемый трудъ. Сотни статей и книгъ, написанныхъ втеченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ о сельской общинѣ, возрастающій интересъ, съ какимъ мыслящая часть нашего общества относится къ каждому новому слову, бросающему свѣтъ на судьбы этого замѣчательнаго явленія, ясно доказываютъ, что оно въ достаточной степени успѣло приковать къ себѣ общественное вниманіе. При всемъ томъ въ области исторіи нѣтъ ни одного вопроса, который былъ бы такъ малъ разъясненъ, какъ вопросъ о происхожденіи и развитіи нашей общины. Теоріями, правда, литература общины не бѣдна, но положительныхъ данныхъ собрано до сихъ поръ весьма мало. Только благодаря этому отсутствію вѣрныхъ фактовъ и возможны такія рѣзкія разногласія въ мнѣніяхъ о происхожденіи общиннаго землевладѣнія, какія были высказаны съ одной стороны Бѣляевымъ, съ другой Чичеринымъ во время извѣстнаго спора о сельской общинѣ. Я старался устранить этотъ недостатокъ относительно исторіи сѣверной общины, обращая вниманіе преимущественно на прямыя свидѣтельства источниковъ о ней. Но при изученіи каждаго соціальнаго явленія приходится касаться различныхъ сторонъ быта.

Русская земледѣльческая община не представляетъ изолированнаго явленія, внесеннаго въ жизнь искусственно: она есть

необходимый, послѣдовательный результатъ всей суммы соціально-экономическихъ условій и исторіи русскаго народа. Въ виду этого, прежде чѣмъ говорить о сельской общинѣ, я считаю необходимымъ сдѣлать общій историческій очеркъ быта древняго сѣвернаго крестьянства и преимущественно съ экономической стороны. Только такимъ путемъ можно будетъ уяснить себѣ причины возникновенія и поразительной жизненности этого явленія. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе бѣдности матеріала и полнѣйшей неразработанности исторіи земледѣльческаго класса, намъ приходится ограничиться здѣсь лишь самыми общими чертами. До самаго послѣдняго времени въ исторической наукѣ господствовалъ чрезвычайно узкій взглядъ, по которому жизнь массы совершенно исключалась изъ круга предметовъ, подлежащихъ изученію историка. И въ то время, какъ на разысканія о войнахъ и придворныхъ интригахъ, на біографіи отдѣльныхъ личностей и генеалогіи родовъ тратились цѣлые годы усидчиваго труда, — на изслѣдованіе исторической судьбы многомилліонной массы, служившей базисомъ исторіи, никто не считалъ достойнымъ науки удѣлить сколько-нибудь вниманія, хотя бы для полноты картины. Только въ недавніе годы, подъ вліяніемъ движенія, вызваннаго крестьянской реформой, историки стали обращать изрѣдка свой ученый взглядъ на жизнь сословія, составляющаго основаніе общества. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы и теперь вниманіе ихъ соотвѣтствовало важности предмета. Въ наиболѣе выдающихся сочиненіяхъ по исторіи крестьянства, каковы напр. труды Бѣляева, Чичерина, Побѣдоносцева, Романовича-Славутинскаго (Дворянство въ Россіи, гл. VI) говорится почти исключительно о юридическихъ отношеніяхъ его къ другимъ сословіямъ и къ верховной власти. Экономическая же исторія, то есть то, что заслуживаетъ наибольшаго вниманія въ жизни крестьянства, задѣвается лишь мимоходомъ и разсматривается вообще весьма поверхностно. Этимъ же недостаткомъ страдаютъ и вновь появляющіяся сочиненія по исторіи крестьянства, напр. Антоновича, Тумасова и др.

Въ предлагаемомъ опытѣ я старался собрать данныя относительно экономической исторіи сѣверныхъ земледѣльцевъ, преиму-

щественно той мѣстности, которая прежде входила въ составъ новгородскихъ владѣній, а послѣ паденія Новгорода была присоединена къ Москвѣ подъ именемъ пятинъ: Вотской, Обонежской, Бѣжецкой, Деревской и Шелонской. Теперь мѣстность эта занята губерніями: новгородской, петербургской, олонецкой и отчасти псковской и тверской [1]).

По недостатку данныхъ не во всѣхъ частяхъ означенной территоріи можно съ одинаковой полнотой прослѣдить исторію земледѣльческаго класса. Всего болѣе свѣдѣній имѣемъ мы о Вотской и Деревской пятинахъ, изъ которыхъ первая занимала пространство по лѣвому берегу Волхова, вокругъ Ладожскаго озера, доходя на югъ до рѣки Луги, на западѣ до моря, на сѣверѣ теряясь въ пустыняхъ нынѣшней Финляндіи, вторая же—Деревская пятина—составляла непосредственное продолженіе первой по направленію къ юго-западу. На югѣ, западѣ и сѣверѣ, границами ея служили рѣка Ловать, озеро Ильмень и рѣка Мста, а на юго-востокъ пятина эта доходила до верховьевъ Волги. Относительное обиліе свѣдѣній объ этихъ двухъ пятинахъ дало намъ возможность изслѣдовать ихъ нѣсколько полнѣе, чѣмъ мѣстности, лежащія на югъ (Шелонская пятина) и сѣверо-востокъ отъ нихъ (пятины Обонежская и Бѣжецкая) [2]).

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія о различныхъ перемѣнахъ въ административномъ дѣленіи изслѣдуемой мѣстности можно найти въ извѣстномъ сочиненіи Неволина «О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ до XVI в.», также въ «Историческихъ разговорахъ о древностяхъ Великаго Новгорода» митрополита Евгенія. Языковъ, переведшій сочиненіе Лерберга, присоединилъ къ нему «карту для изъясненія къ сочиненію о положеніи югорской земли», въ которой обозначилъ границы пятинъ и соотвѣтствующія каждой изъ нихъ части нынѣшнихъ губерній. Много свѣдѣній этого рода сообщено Бѣляевымъ (Записки Геогра. Общества, 1852, 8) и Кеппеномъ въ его брошюрѣ «Водь и Вотская пятина».

[2]) Шелонская пятина лежала между рѣками Лугой и Ловатью, Обонежская—между Волховомъ, Ладожскимъ озеромъ, Ильменемъ, рѣками Мстою и Мдою. Бѣжецкая протянулась на востокъ, отдѣляясь отъ Деревской пятины рѣкою Мстою, а отъ Обонежской—Мдою.

*

I.

Для того чтобы характеризовать экономическій бытъ народа въ какую либо эпоху, необходимо главнымъ образомъ показать: 1) величину той доли продукта земледѣльческаго труда, которая идетъ на удовлетвореніе потребностей самихъ земледѣльцевъ, а также отношеніе этой доли къ количеству продукта, потребляемаго классами, не участвующими въ производствѣ и 2) способъ распредѣленія труда и продукта между самими производителями. Постараемся дать отвѣтъ на эти два вопроса для Новгородской области отъ самаго начала ея исторіи до введенія крѣпостнаго права.

Къ сожалѣнію до конца XV вѣка мы не имѣемъ почти никакихъ сколько-нибудь полныхъ и основательныхъ свѣдѣній о жизни крестьянства. Отрывочныя намеки источниковъ, брошенные совершенно случайно, между разсказами о другихъ предметахъ, даютъ возможность только въ самыхъ неопредѣленныхъ чертахъ возстановить болѣе или менѣе существенныя особенности быта крестьянина того времени. Недостатокъ прямыхъ указаній можно было бы конечно дополнить гипотезами, воспользовавшись для этого аналогіей съ соотвѣтствующими сторонами другихъ народовъ. Но при чрезвычайной трудности сравненія соціальныхъ явленій употребленіе этого метода, испытанное множество разъ изслѣдователями старины, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ приводило къ результатамъ, достовѣрность которыхъ не подлежала бы спору. При сравненіи необходимо брать во вниманіе не одно только изучаемое явленіе, а всю совокупность условій, при которыхъ оно совершилось, а этото въ большинствѣ случаевъ и оказывается невозможнымъ вслѣдствіе того же недостатка вѣрныхъ данныхъ. Несоблюденіе этого необходимаго условія при употребленіи сравнительнаго метода было причиной съ одной стороны быстраго созиданія теорій, предложенныхъ въ послѣднее время различными учеными для объясненія быта древней Россіи [1]), съ дру-

[1]) Обзоръ этихъ теорій см. у Леонтовича «Задружно общинный характеръ» Ж. М. Н. Пр. 1874. 3 и 4 т.

гой—не менѣе быстраго ихъ разрушенія. И въ настоящее время положеніе русской исторической науки таково, что въ ней нѣтъ ни одного вопроса, на который нельзя было бы привести дюжину отвѣтовъ, одинаково основанныхъ большею частью на аналогіи и одинаково неубѣдительныхъ [1]). Вотъ почему мнѣ показалось по меньшей мѣрѣ безполезнымъ при возстановленіи быта нашихъ предковъ представлять соотвѣтствующія черты изъ жизни земледѣльческаго класса у другихъ народовъ: въ концѣ концовъ это не привело бы ни къ какимъ положительнымъ выводамъ. Только при изслѣдованіи самаго перваго періода исторіи, впродолженіе котораго народы повсюду живутъ одинаковой жизнью, сравненіе при настоящемъ неразработанномъ состояніи науки можетъ еще имѣть нѣкоторое значеніе, проливая хоть немного свѣта на эту темную эпоху.

Земледѣльческій бытъ населенія въ Новгородской области начался коллективнымъ владѣніемъ землей между группами семей, подобно тому какъ это было въ южной Руси и у другихъ народовъ [2]) и какъ это существуетъ еще и теперь у нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ. Какова была организація этого общаго владѣнія, рѣшить теперь нѣтъ ни малѣйшей возможности. Одни изслѣдователи утверждаютъ, что въ ту пору русскіе славяне жили родами, понимая подъ родомъ болѣе или менѣе многочленную группу лицъ, связанныхъ между собою родствомъ, сначала дѣйствительнымъ, а потомъ нерѣдко и фиктивнымъ. Въ экономическомъ смыслѣ мнѣніе это, опирающееся на существованіе умыканія невѣстъ и народовыя названія племенъ, предполагаетъ не только общее владѣніе, но и совокупное пользованіе землей, а въ юридическомъ—неограниченную власть главы рода надъ всѣми членами его и надъ всѣмъ имуществомъ. Другіе представляютъ первобытную Русь покрытою союзами большихъ семей, которымъ они даютъ названіе семейныхъ общинъ. Эти общины были связаны между собою не столько общимъ происхожденіемъ, сколько сожительствомъ на

[1]) См. Русскую исторію Бестужева-Рюмина, гдѣ при разсмотрѣніи каждаго вопроса приводится его литература.

[2]) Всеобщность этого факта послѣ изслѣдованій Маурера, Нассе, Мэна, Лавеле и другихъ не подлежитъ сомнѣнію.

одномъ мѣстѣ и коллективнымъ владѣніемъ землей. Они сообща управляли своими дѣлами подъ руководствомъ выборнаго старшины. Большинство приверженцевъ этой гипотезы болѣе склонны предполагать, что земля обрабатывалась не сообща, а что каждая семья воздѣлывала свой участокъ отдѣльно отъ другихъ. Кажется, что здѣсь много зависѣло отъ мѣстныхъ условій. На сѣверозападѣ Россіи почва глинистая или песчано-глинистая, мѣстами каменистая,вообще неплодородна. Удобные для пашни клочки разбросаны и отстоятъ другъ отъ друга нерѣдко на значительномъ разстояніи, раздѣленные болотами, которыя здѣсь и теперь еще занимаютъ громадныя пространства (въ новгородской губерніи подъ болотами около 17,000 кв., верстъ, что равняется шестой части всей губерніи), а въ старину ихъ было гораздо больше. Въ такой мѣстности нельзя было селиться ни родами, подобными тѣмъ, которые существуютъ у кочевыхъ народовъ, ни многочисленными семейными общинами, въ родѣ сербскихъ задругъ, и поселенцы-славяне должны были при колонизаціи разбросаться среди болотъ и лѣсовъ однодворными, двухъ и много трехъ, четырехъ-дворными починками, деревнями, сельцами и погостами. Такими мелкими поселками жило сѣверное населеніе впродолженіе всей исторіи, живетъ такъ и въ настоящее время. Но вопросъ въ томъ, существовала ли между этими поселками какая-либо связь по землѣ? Г. Л-нъ въ своей статьѣ «О сельской общинѣ въ олонецкой губерніи» (Отеч. Записки 1874, 2) сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія о существующей на сѣверѣ этой губерніи формѣ общиннаго владѣнія, происхожденіе которой можно отнести къ глубокой старинѣ, тѣмъ болѣе, что въ этой мѣстности, не испытавшей произвола помѣщиковъ, первобытныя отношенія вообще сохранились въ достаточной чистотѣ. По его словамъ, въ петрозаводскомъ, повѣнецкомъ и сѣверо-западныхъ частяхъ олонецкаго уѣзда каждый дворъ беретъ столько земли, сколько въ силахъ обработать и пользуется своимъ участкомъ до тѣхъ поръ, пока обработываетъ его. Но пользуясь своимъ участкомъ отдѣльно отъ другихъ, онъ находится тѣмъ не менѣе въ полнѣйшей зависимости отъ міра, который можетъ даже лишить его права

на землю. Міръ же этотъ состоитъ изъ жителей нѣсколькихъ деревень. Въ другихъ мѣстахъ губерніи наиболѣе воздѣланныя земли, раздѣленныя на три поля, отъ времени до времени передѣляются, подобно тому, какъ и во всей Великороссіи, между всѣми поровну, а остальная земля состоитъ въ общемъ владѣніи и право пользованія ею зависитъ отъ перваго захвата [1]). Весьма опредѣленные намеки на такое устройство общинъ находимъ мы также въ источникахъ XV—XVI и слѣдующихъ вѣковъ и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что подобными же общинами жили новгородскіе славяне и въ доисторическую эпоху, причемъ общинная организація могла видоизмѣняться въ частностяхъ сообразно мѣстнымъ условіямъ, какъ видоизмѣняется она и теперь. Такимъ образомъ мы представляемъ себѣ Новгородскую область въ до-княжескій періодъ раздѣленной между нѣсколькими отдѣльными общинами, слагавшимися каждая изъ нѣсколькихъ поселковъ. Общины эти владѣли только тѣмъ пространствомъ земли, которое онѣ захватили для обработки и только до той поры, пока продолжалась обработка. Право на владѣніе основывалось исключительно на трудѣ. Съ прекращеніемъ факта пользованія, съ переходомъ двора, деревни на другое мѣсто всѣ связи прежнихъ владѣльцевъ съ землею прерывались и оставленнымъ участкомъ завладѣвалъ первый успѣвшій захватить его. Мѣстныя условія, далѣе, чрезвычайно способствовали обособленной жизни каждаго поселка. Даже и теперь болота, едва проходимыя въ сухое время, дѣлаются совершенно непроходимыми въ дождливую пору, такъ что въ иныхъ мѣстахъ сообщеніе между деревнями весной прекращается или производится по узкимъ тропинкамъ, по которымъ могутъ ходить только пѣшеходы и то съ помощью мостковъ изъ досокъ и жердей. Въ ту же пору, когда Новгородская область была, какъ предполагаютъ, еще лѣсистѣе и болотистѣе, трудность сообщенія между поселками, должна была быть значительнѣе. Вслѣдствіе этого условія, а главнымъ образомъ вслѣдствіе однообразія быта населенія, каж-

---

[1]) Такую же форму общиннаго землевладѣнія находимъ мы въ вятской и пермской губерніяхъ и въ Сибири. Романовъ, Краткіе очерки уѣздовъ вятской губерніи, стр. 15 и Щаповъ, о Сибирской общинѣ.

дая община должна была жить изолированною жизнью, составляя самостоятельное производительное цѣлое и вполнѣ удовлетворяя свои потребности продуктами труда своихъ членовъ. Было ли въ такомъ состояніи какое-либо раздѣленіе труда, существовала ли мѣна между жителями разныхъ общинъ—неизвѣстно. Въ пунктахъ соприкосновенія нѣсколькихъ общинъ и на большихъ путяхъ могли происходить рыночныя сношенія и возникать торговые поселки, извѣстные потомъ подъ именемъ торговъ, торжковъ, рядковъ и т. д., но торговля конечно не составляла еще средства для наживы и обмѣнъ имѣлъ цѣлью лишь пріобрѣтеніе предметовъ непосредственнаго потребленія, лишь замѣну продукта одного полезнаго вида труда продуктомъ другаго. Земледѣлецъ того времени продавалъ лишь для того, чтобы покупать, а не наоборотъ. Но вообще торговля должна была быть ничтожна. При однообразіи естественныхъ условій не могло явиться различія въ видахъ производства, не могло развиться раздѣленія труда и, слѣдовательно, для обмѣна не существовало благопріятныхъ условій.

До тѣхъ поръ пока земли было много, а населеніе слабо, общины могли жить между собою мирно. Но этотъ миръ долженъ былъ съ увеличеніемъ населенія необходимо нарушиться; и съ раздѣленіемъ его на слои поводомъ къ враждѣ могли служить столкновенія общинъ изъ за владѣнія удобными или выгодно расположенными участками земли, взаимныя обиды членовъ различныхъ общинъ (родовая месть) или наконецъ стремленіе одной общины къ преобладанію въ средѣ другихъ. Объ этой враждѣ общинъ лѣтопись свидѣтельствуетъ въ слѣдующихъ словахъ: «и вста родъ на родъ и быша въ нихъ усобицѣ [1]). Этими догадками мы и ограничимся.

Дѣлать болѣе подробныя предположенія объ экономическомъ бытѣ населенія Новгородской области въ до-историческое время представляется пока совершенно невозможнымъ.

---

[1]) О значеніи слова «родъ» въ лѣтописи см. у Сергѣевича «Князь и Вѣче». Во всякомъ случаѣ оно не тожественно съ римскимъ *gens*.

II.

Съ появленіемъ князя и дружины, съ развитіемъ торговли съ другими народами, въ сношеніе съ которыми ввело новгородскую область ея географическое положеніе между востокомъ и западомъ, однообразная жизнь общинъ подвергается измѣненіямъ и начинается процессъ образованія совершенно новаго общества. Общины теряютъ свою самостоятельность и дѣлаются частями одного цѣлаго. Является частная поземельная собственность, а съ нею и новые общественные классы. Изъ массы народа выдѣляются землевладѣльцы, пріобрѣтающіе вмѣстѣ съ землею и политическую власть (бояре, дѣти боярскіе, посадничьи, гриди), торговцы и промышленники (купцы, житые люди). Рабочій народъ получаетъ названіе черныхъ людей. Землевладѣльцы и торговые люди сосредоточиваются въ городахъ; черные люди, за исключеніемъ незначительнаго количества городской черни, живутъ по прежнему въ деревняхъ, занимаясь земледѣліемъ. Является внѣшняя вдасть. Многіе пытались найти связь между этими двумя общественными формами. Но, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакой возможности найти какую либо органическую послѣдовательность между этимъ новымъ обществомъ и прежнимъ, такъ какъ принципы ихъ противоположны. Новое общество основано на привиллегіи, въ основѣ прежняго лежало равенство; въ общинномъ быту потребности отдѣльныхъ членовъ находились въ полномъ соотвѣтствіи съ цѣлями общаго блага, во вновь возникшей общественной организаціи явились потребности не только не имѣющія ничего общаго съ благосостояніемъ цѣлаго населенія, но нерѣдко прямо противорѣчащія ему. Вслѣдствіе этого является необходимость въ принудительномъ элементѣ, который прежде былъ совершенно лишнимъ. Вотъ почему мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, которое приписываетъ образованіе частной собственности внутреннему развитію общинъ, опираясь между прочимъ на слабость княжеской власти въ Новгородѣ; не можемъ согласиться также и съ другимъ мнѣніемъ, выводящимъ княжескую власть или изъ

власти старшаго въ родѣ или изъ договора. Переходъ первобытнаго общества въ новое могъ произойти только насильственно, помимо желанія большинства, такъ какъ оно, лишаясь многаго, не выигрывало ничего. Разъ совершившись, переворотъ этотъ, произведенный княземъ, дружиной и внѣшней торговлей, оказалъ свое вліяніе по всѣмъ направленіямъ. Само земледѣльческое населеніе теперь уже не представляло болѣе однообразной массы и подобно цѣлому обществу раздѣлилось на нѣсколько разрядовъ, изъ которыхъ въ источникахъ до XV вѣка упоминаются земцы, половники, черные люди и рабы.

I. Земцы или своеземцы были владѣльцы небольшихъ участковъ, которые они обработывали или сами, или съ помощью одного, двухъ работниковъ. Хозяйства ихъ, напоминающія хутора, состояли изъ двора, дворища, пашни (орамыя земли) съ «притеребы», заключая въ себѣ также путики (тропинки въ лѣсахъ къ мѣстамъ ловли) перевѣсища, лѣса, долю въ рыбной ловлѣ въ какой нибудь рѣкѣ или озерѣ и «всякія угодья»; нерѣдко также встрѣчаемъ въ такихъ хозяйствахъ «рѣпища», «хмельники», ловища, подскотинныя земли и пр. [1]).

Когда и какимъ образомъ явилась эта мелкая собствен-

[1]) Изъ актовъ можно получить понятіе и о цѣнности этихъ хозяйствъ. Впрочемъ, здѣсь можно дѣлать только приблизительные выводы, такъ какъ цѣнность денежныхъ единицъ, употреблявшихся тогда, неизвѣстна точно. Единицы эти были бѣличій мѣхъ, пузъ жита, сугребъ желѣза и только иногда рубль и гривна. Цѣна хозяйствъ зависѣла во всякомъ случаѣ отъ ихъ размѣровъ и качества продаваемыхъ земель. Одно хозяйство, заключавшее въ себѣ дворъ, дворище, пахотныя земли, пожни, притеребы, ловища, было продано за 30 сороковъ бѣлокъ и корову въ придачу (пополовъ); другое, состоившее изъ тѣхъ же частей (дворъ, дворище, на горѣ орамы, земли и пожнѣ, и рѣпища, и притеребы, и токи, и прикупныя земли), продано за 9 сороковъ бѣлъ и телицу; третье, приблизительно такое же, за 9 сороковъ бѣлокъ и курицу, четвертое за 9 сороковъ бѣлъ и 10 пузовъ жита сѣмянного (сто бѣлъ стоили рубль, А. Ю., №71, XXVII); шестое, въ составъ котораго входили дворъ и дворище горныя, и приручныя пахотныя земли, пожни, притеребы, перевѣсища, ловища, участокъ въ двухъ тоняхъ «и въ путикѣхъ и въ лѣсѣхъ участокъ по земли и съ подскотиною участокъ за осьминадцать рублевъ серебра» (А. Ю., №71, VIII—XI). Большую часть цѣны составляла плата за землю. Орудія обработки и особенно постройки были замѣчательно дешевы: такъ изба, клѣть и овинъ вмѣстѣ стоили 10 бѣлъ (XXII).

ность, какъ велико было число своеземцевъ и каковъ былъ характеръ ихъ права на землю — на всѣ эти вопросы не находимъ въ источникахъ никакого отвѣта. Всего вѣроятнѣе, что это были мелкіе землевладѣльцы—земледѣльцы изъ крестьянъ. Кажется, что они не были собственниками своихъ участковъ въ нашемъ смыслѣ. Въ одной изъ купчихъ грамотъ при продажѣ земли въчислѣ условій со стороны продавца постановлено, что если покупщику будетъ «не до земли, оно мимо земца не продати» (А. Ю. № 71, XXIII). Но относится ли это ограниченіе только къ данному случаю, или вообще своеземцы могли продавать земли только другъ другу — отвѣтить трудно, точно также, какъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго и о сходствѣ новгородскихъ своеземцевъ съ псковскими, получавшими земли въ кормленіе отъ Пскова съ обязанностью нести службу.

II. Другой разрядъ земледѣльцевъ составляли половники. Они не имѣли своихъ участковъ и жили на земляхъ землевладѣльцевъ —бояръ, монастырей и духовенства,—отдававшихъ за право пользованія долю изъ урожая. Это былъ кажется самый многочисленный разрядъ крестьянъ; по крайней мѣрѣ въ XV—XVI вѣкѣ, половничество составляло преобладающую форму отношеній между землевладѣльцами и земледѣльцами. Въ глухихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ Вологодской губерніи онъ сохранился и до сихъ поръ (Поповъ). При господствѣ натуральнаго хозяйства, когда землевладѣльцы не могли и не имѣли нужды капитализировать доходъ съ имѣній, половничество представляетъ самый выгодный для землевладѣльца способъ извлеченія дохода, имѣя предъ оброкомъ то преимущество, что, освобождая землевладѣльца отъ всякихъ заботъ, побуждаетъ въ то же время земледѣльца къ тщательному воздѣлыванію поля. Поэтому-то оно и встрѣчается въ первыя эпохи исторіи частной собственности у всѣхъ народовъ [1]).

Мы ничего не знаемъ ни объ экономическомъ положеніи половниковъ до XV вѣка, ни о степени ихъ юридической зависимости отъ землевладѣльцевъ. Извѣстно только, что по-

---

[1]) Много свѣдѣній по этому вопросу собрано Рошеромъ въ его «Наукѣ народнаго хозяйства», переводъ Щепкина и Циммермана 194—201 стр.

слѣдніе старались всѣми силами поставить ихъ въ положеніе равное съ рабами. Заключая договоры съ призываемыми князьями, бояре настаивали, чтобы они «безъ осподаря» не судили ни холопа, ни половника и даже (въ договорѣ съ Казиміромъ въ 1471 году) совсѣмъ не принимали жалобъ ни отъ смердовъ, ни отъ холоповъ; а въ договорѣ съ Тверью, представлявшей удобное убѣжище для бѣглецовъ изъ Новгородской области требуютъ выдачи бѣглыхъ половниковъ наравнѣ съ холопами (Собран. Гос. Гр. Догов., I, №№ 6, 7, 8, 10). Однакожъ, не смотря на всѣ усилія бояръ, полнаго слiянія половниковъ съ рабами не произошло. Во всѣхъ договорахъ они упоминаются совершенно отдѣльно отъ рабовъ, а при платежѣ чернаго бора, при Васильѣ Васильевичѣ Темномъ половники даже прямо противопоставлены этимъ послѣднимъ. Съ одерноватаго совсѣмъ не брали чернаго бора, между тѣмъ какъ половникъ обязанъ былъ платить за полсохи, то-есть за свою половину (А. А. Э., № 32). Все это даетъ основаніе думать, что половники составляли совершенно различный отъ холоповъ классъ. То же доказываютъ и всѣ дошедшія до насъ грамоты и особенно Двинская грамота Василія Дмитріевича (1398), обращенная къ боярамъ, сотскому и *чернымъ людямъ* и признающая всѣхъ къ кому она обращена людьми свободными, полноправными членами общинъ, управлявшихся выборными властями.

III. О свободныхъ крестьянахъ, называвшихся впослѣдствіи черными, упоминается въ Двинской грамотѣ и въ Бѣлозерскихъ грамотахъ 1450 года (А. А. Э., I, № 48, I, II.), гдѣ на ряду съ половниками и серебрянниками (взявшими отъ землевладѣльца ссуду и отработывавшими ее) говорится и о «свободныхъ людяхъ». Этотъ нѣкогда единственный разрядъ земледѣльцевъ къ концу разсматриваемаго періода былъ оттѣсненъ къ сѣверу, въ нынѣшнія Олонецкую и Архангельскую губерніи, оставшись въ другихъ частяхъ области въ ничтожномъ меньшинствѣ.

IV. Наконецъ, въ составъ земледѣльческаго класса входили рабы или холопы, называвшіеся также одерноватыми, то-есть проданными въ дернь, навсегда. Количество этихъ ра-

бовъ въ обыкновенное время было, какъ и послѣ, кажется довольно незначительно, но оно увеличивалось во время голода, когда бѣдные продавали себя и дѣтей въ рабство [1]). Что касается до положенія рабовъ въ ту пору, то большинство изслѣдователей обыкновенно стараются представить его въ самомъ безотрадномъ видѣ, указывая при этомъ на грубость нравовъ и вообще на отсутствіе культуры. Но это едва ли справедливо. Дѣйствительно, по закону рабъ находился въ полной зависимости отъ своего господина и по Двинской грамотѣ господинъ могъ даже безнаказанно убить своего раба. Но, подверженный всѣмъ возможнымъ оскорбленіямъ, рабъ однакожь не могъ быть изнуряемъ работой до истощенія силъ, какъ это было потомъ, уже потому, что ея не было. Нужно принять въ соображеніе, какъ не развиты были въ ту пору потребности землевладѣльцевъ, а единственное назначеніе труда рабовъ было лишь удовлетворять эти потребности. Если можно находить степени лучшаго и худшаго въ ужасномъ положеніи раба, то безъ всякаго сомнѣнія первыя эпохи слѣдуетъ считать самыми свѣтлыми въ исторіи рабства [2]).

Что касается до другихъ чертъ экономическаго быта земледѣльцевъ, то всѣ перечисленные разряды, за исключеніемъ рабовъ, обязаны были платить налоги. Изъ грамоты Мстислава и Всеволода Юрьеву монастырю видно, что доходы князей состояли изъ дани, виры, продажи и вѣна съ Вотской пятины (брачныхъ пошлинъ). Вира платилась въ случаѣ убійства (А. А. Э., т. I, № 113), когда убійца не былъ найденъ, и раскладывалась на цѣлую волость, въ предѣлахъ которой было совершено пре-

---

[1]) Новгородская лѣтопись I,, 47. Покупка была едва ли не единственнымъ, за исключеніемъ плѣна, источникомъ рабства. Бракъ, повидимому, не дѣлалъ супруга — не раба рабомъ (А. А. Э. т. I, № 409). Первыя свѣдѣнія о челяди заключаются въ грамотѣ Варлаама, XII в., изъ которой впрочемъ не видно, была ли эта челядь земледѣльческими рабами, или прислугой. Въ духовныхъ XIV—XV в. уже прямо говорится о *страдныхъ* земляхъ (А. А. Э. т. I, № 409).

[2]) Впрочемъ эти слова относятся только къ первому періоду рабства. Въ XIII—XV в. эксплуатація рабовъ была уже сильнѣе. Рабовладѣльцы стараются предупредить въ договорахъ съ князьями всякое нарушеніе ихъ правъ на рабовъ. Въ Новгородѣ не было также обычая отпускать рабовъ на волю.

ступленіе. Были еще судныя пошлины, которыя взыскивались съ проигравшихъ тяжбу. Наконецъ, новгородскому населенію пришлось нѣсколько разъ платить особенный налогъ, извѣстный подъ названіемъ чернаго бора.

По отношенію къ управленію сельскіе жители, общее названіе которыхъ было смерды, группировались въ особые округи — погосты, состоявшіе изъ нѣсколькихъ поселковъ, селъ, селецъ, деревень, починковъ и выставокъ. Одинъ изъ поселковъ, называвшійся въ такомъ случаѣ сельцомъ или погостомъ, служилъ административнымъ и религіознымъ центромъ. Каждый смердъ «тянулъ въ свой погостъ» или потугъ, подобно тому, какъ купецъ тянулъ въ свое сто. Тянуть же въ погостъ, по вѣроятному объясненію Костомарова (Сѣверно-русскія народоправства) значило отбывать въ погостъ налоги и повинности, которыя по перенесенію иногда назывались также словомъ погостъ: говорилось, напр., «погоста не платити» [1]).

Слѣдовало бы сказать теперь о поземельной общинѣ, но, въ виду недостатка данныхъ, удобнѣе будетъ отложить разсмотрѣніе этого вопроса до слѣдующаго періода, когда въ нашемъ распоряженіи будетъ болѣе фактовъ.

III.

Переходимъ къ XV и XVI вѣкамъ. Объ этомъ времени до насъ дошло гораздо болѣе данныхъ, чѣмъ о предыдущемъ, хотя все-таки ихъ слишкомъ мало для того, чтобы во всей полнотѣ возстановить бытъ того времени. Здѣсь мы располагаемъ весьма значительнымъ количествомъ актовъ, житіями святыхъ и другими памятниками словесности, записками иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію и, наконецъ, писцовыми книгами. Особенно важенъ для насъ послѣдній источникъ. Писцовыя книги

---

[1]) О существованіи погостовъ имѣются самыя опредѣленныя свѣдѣнія со времени княженія Ольги—въ лѣтописяхъ, уставѣ Владиміра, грамотѣ Святослава Ольговича 1137 и въ договорныхъ грамотахъ. (См. Неволинъ, о пятинахъ и погостахъ).

исключительно посвящены описанію экономическаго быта крестьянства. Это ничто иное, какъ подворныя описи крестьянскихъ хозяйствъ, производившіяся періодически правительствомъ для опредѣленія ихъ доходности и платежной силы. Изъ нихъ мы узнаемъ о самыхъ различныхъ сторонахъ хозяйственнаго быта крестьянства: о количествѣ поселковъ въ новгородскихъ пятинахъ, о числѣ дворовъ въ каждомъ селеніи, размѣрахъ подворныхъ крестьянскихъ запашекъ и сѣнокосовъ, о количествѣ различныхъ сборовъ въ пользу землевладѣльцевъ и ихъ довѣренныхъ, и наконецъ иногда о налогахъ и пошлинахъ правительству [1]).

---

[1]) Самыя раннія изъ дошедшихъ до нашего времени писцовыхъ книгъ суть: 1) переписная оброчная книга Деревской пятины, составленная въ 1495 г., и 2) такая же книга Вотской пятины. Но въ обѣихъ этихъ книгахъ есть ссылка на прежнія описи, произведенныя тотчасъ по завоеваніи Новгорода. Іоаннъ III уже въ 1477 году требовалъ отъ новгородцевъ вѣрной описи волостей, желая опредѣлить податные средства новозавоеванной области. Новгородцы въ 1478 году однако успѣли упросить его не посылать къ нимъ даньщиковъ и писцовъ, представивши ему взамѣнъ описи списокъ уступаемыхъ ему владычнихъ и монастырскихъ волостей и давши клятвенное обѣщаніе отдавать безъ утайки дань съ новгородскихъ сохъ (соха — платежная единица земли). Но потому ли, что это обѣщаніе не было выполнено или что Іоанну показалось мало обѣщанныхъ доходовъ — это вѣроятнѣе — только онъ вскорѣ нарушилъ свое слово и велѣлъ раздѣлить новгородскія земли на сохи по тому же порядку, по какому это было сдѣлано въ 1491 г. въ Твери, Старицѣ, Зубцовѣ, Опокахъ, Клинѣ, Холмѣ и Новгородѣ. Въ 1495 году, Деревская пятина была описана снова,—описаніе это и составляетъ содержаніе упомянутой выше книги. Около того же времени были описаны пятины Шелонская и Обонежская. Обѣ дошедшія до насъ писцовыя книги содержатъ въ себѣ подробное описаніе погостовъ, составлявшихъ Деревскую и Вотскую пятины. Описаніе погостовъ (округовъ) ведется въ той и другой книгѣ по одинаковой программѣ. Прежде всего въ погостѣ перечисляются оброчныя волости великаго князя, не состоявшія во время описи ни за кѣмъ въ помѣстьѣ, причемъ замѣчается, отъ какихъ владѣльцевъ: лицъ или учрежденій (монастырей, владыкъ) они были отобраны на князя, напримѣръ, «Великаго князя волость оброчная Васильевская Пантелѣева Деревяжкина (Дерев. кн., I т., 213 стр.), что означаетъ волость, принадлежавшая Василю Пантелѣеву Деревяжкину, а теперь великому князю. Далѣе описываются земли, розданныя въ помѣстья, причемъ называются по имени, какъ прежніе владѣльцы, до завоеванія Новгорода, такъ и новые, называемые въ Вотской книгѣ *новосведенными*. Имѣнія каждаго помѣщика описываются отдѣльно и всѣ за одинъ разъ, хотя бы они были разбросаны по многимъ погостамъ. Въ Вотской книгѣ впрочемъ, на

Всѣ эти свѣдѣнія сообщаются въ инвентарномъ порядкѣ, и для того, чтобы дѣлать изъ нихъ выводы, нужно прежде сгруппировать ихъ въ систему, что мы и попробуемъ сдѣлать. Но предварительно надо сказать еще нѣсколько словъ о слѣдующемъ обстоятельствѣ. Мѣры и денежныя единицы, употребляемыя въ писцовыхъ книгахъ, совершенно различны отъ настоящихъ мѣръ и о ихъ значеніи нигдѣ нельзя найти опредѣленныхъ указаній. Мѣрой хлѣба служили коробъ и четка, сѣно измѣрялось копнами, острамками и облуками, ленъ — горстями, мясо — полтями, масло — чашками и т. п. Деньги считались на рубли, гривны и деньги.

имѣнія въ другихъ погостахъ только дѣлается ссылка. Наконецъ идетъ описаніе имѣній 1) чернаго духовенства: земли владычнія и монастырскія, 2) бѣлаго духовенства, почти исключительно однихъ поповъ и 3) своеземцевъ. (Въ Вотской пятинѣ имѣнія своеземцевъ описываются раньше имѣній духовенства). Въ имѣніяхъ подробно описывается каждое селеніе въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) обозначается родъ поселка: погостъ, село, сельцо, деревня и его названіе; 2) количество дворовъ и имена ихъ хозяевъ; 3) количество высѣваемаго хлѣба, почти исключительно ржи, въ коробьяхъ; 4) количество скашиваемыхъ копенъ сѣна; 5) число податныхъ единицъ обежъ; 6) количество сборовъ (дохода) въ пользу землевладѣльца или князя хлѣбомъ и другими продуктами, количество сборовъ (корма) ключнику или посельскому, въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ, или намѣстнику, доводчику и тіуну въ оброчныхъ имѣніяхъ великаго князя. Вотъ одинъ образчикъ описанія: «Деревня Кустъ: дворъ Конаникъ Губарь, дв. Овфимко Тарасковъ, сѣютъ ржи 5 коробей, а сѣна косятъ 30 копенъ, 2 обжы; стараго дохода пол—4 деньги, а изъ хлѣба пятина, сыръ, горсть льну. А новаго дохода 7 денегъ, а изъ хлѣба пятина, баранъ, за два ставца масла 2 деньги, 2 сыра, 3 горсти льну, острамокъ сѣна; ключнику 2 лопатки баравьи, 2 хлѣбовъ, 2 сыра, 2 горсти льну». По описаніи всѣхъ имѣній владѣльца подводится итогъ, гдѣ показывается количество селеній, дворовъ, людей, обежъ, сохъ по предыдущей описи (старому письму) количество дохода прежняго землевладѣльца и его посельскаго или ключника и опредѣляется прибыль или убыль въ числѣ деревень, дворовъ, людей, обежъ въ промежутокъ времени отъ стараго до новаго описанія. Наконецъ обозначается количество селеній, дворовъ, людей, обежъ и сохъ, оказавшееся на лицо при новой переписи и опредѣляется цифра новаго дохода деньгами и продуктами, причемъ замѣчается, по какимъ предметамъ онъ увеличился или уменьшился сравнительно съ прежнимъ временемъ. Въ концѣ описанія перечисляются угодья, если они есть. Съ небольшими отступленіями въ томъ же порядкѣ идутъ описанія дворовъ и въ другихъ писцовыхъ книгахъ, громадная масса которыхъ до сихъ поръ лежитъ скрытой отъ публики въ московскомъ архивѣ Мин. Юстиціи.

Какова была величина каждой изъ этихъ единицъ, объ этомъ существуютъ самыя противоположныя мнѣнія [1]). Вѣроятнѣе всего считать коробъ мѣрою емкости, равной нашей четверти и кромѣ того мѣрой поземельной, равной пространству, засѣваемому четвертью ржи, то есть приблизительно десятинѣ [2]). Двойное значеніе этой мѣры легко объяснить тѣмъ, что одно изъ этихъ двухъ значеній, именно второе, произошло вслѣдствіе перенесенія смысла съ перваго. Четка равнялась четверти короба или на нашу мѣру — двумъ четверикамъ. Копну сѣна можно положить приблизительно равной нынѣшней кучѣ сѣна, заключающей въ себѣ обыкновенно около 5 пудовъ. Основаніемъ для такого предположенія служитъ отношеніе снимаемаго каждымъ хозяйствомъ сѣна къ запашкамъ: на 5 десятинъ (коробей) засѣва по большей части снимается около 25—30 коп. сѣна, т. е. 150 пудовъ, — количество достаточное для прокормленія одной лошади и одной коровы, съ которыми можно вести такое небольшое хозяйство. Точное значеніе острамка, облука, опредѣлить нельзя, да по всей вѣроятности эти мѣры и не имѣли опредѣленныхъ размѣровъ [3]).

---

[1]) Карамзинъ считаетъ коробъ равнымъ нынѣшней четверти (ист. Г. Р. VI, пр. 332), Аристовъ же—четыремъ четвертямъ. По мнѣнію Бѣляева коробъ есть не хлѣбная мѣра, а мѣра земли и заключаетъ въ себѣ двѣ старинныхъ четверти, т. е. равенъ нашей десятинѣ. Свое мнѣніе онъ основываетъ на одной писцовой новгородской книгѣ 1580, гдѣ коробъ принимается равнымъ двумъ четвертямъ. Костомаровъ ограничивается неопредѣленной фразой, что «коробъ имѣлъ два зобня, зобень два позобня», не опредѣляя размѣровъ зобня (Аристовъ, Промышленность древней Руси, 287 стр., Бѣляевъ, о позем. владѣніи, 64 стр., Костомаровъ, сѣверно-русскія народоправства II, 238 стр.).

[2]) Въ писцовыхъ книгахъ 1495—500 г. коробъ, несомнѣнно, принимается за мѣру сыпучихъ тѣлъ. Это доказываютъ всѣ случаи употребленія этого слова, такъ: «а съ осьми обежъ хлѣба посиомъ 11 коробей ржи, 12 коробей овса» и т. д. Только потомъ уже слову коробъ данъ былъ переносный смыслъ и онъ сталъ обозначать такое количество земли, на которомъ высѣвается цѣлый коробъ ржи. По писцовымъ книгамъ 1580 г. пространство это принято равнымъ десятинѣ и, слѣдовательно, коробъ, какъ мѣра сыпучихъ тѣлъ, заключалъ въ себѣ около нашей четверти, такъ какъ на десятину ржи высѣвается именно около этого количества.

[3]) Изъ такихъ данныхъ, какъ напримѣръ то, что на прокормленіе десяти лошадей впродолженіе одной ночи велѣно было давать въ одномъ случаѣ полкоробьи овса и острамокъ сѣна, можно заключить только, что остра-

Относительно цѣнности тогдашнихъ денегъ мнѣнія расходятся еще болѣе, чѣмъ о мѣрахъ емкости [1]). Судя по вѣсу двухъ найденныхъ денегъ можно считать новгородскій рубль, приблизительно равнымъ по вѣсу нынѣшнимъ 7 рублямъ. Въ рублѣ считалось 216 денегъ или 15 гривенъ и 6 денегъ; гривна состояла изъ 14 денетъ. На теперешнія деньги Новгородская деньга будетъ, слѣдовательно, равна приблизительно $3^1/_4$ коп. [2]).

Для пониманія писцовыхъ книгъ необходимо еще опредѣлить значеніе слова «обжа», встрѣчающагося при описаніи каждаго двора. Новгородцы такъ объяснили Ивану III смыслъ этого слова: «обжа одинъ человѣкъ на одной лошади оретъ, а кто на трехъ лошадяхъ оретъ, ино то соха». Слѣдовательно, обжей назывался участокъ земли, который одинъ человѣкъ могъ обработать впродолженіе лѣта на одной лошади. Въ составъ такого участка должно было входить соразмѣрное количество луговъ, достаточное для прокормленія одной лошади и потребнаго числа головъ другого скота. Три такихъ обжи составляли соху. Очевидно, что величина обжи не могла быть одинаковой повсюду и должна была зависѣть отъ свойства воздѣлываемой земли, равно какъ отъ средствъ и силъ кре-

---

мокъ заключалъ въ себѣ не незначительное количество сѣна. (А. И. I, № 142, 1543 года).

[1]) Аристовъ считаетъ новгородскій рубль равнымъ нашимъ 8 р. 11 к. (Промышленность др. Россіи, стр. 282), Бѣляевъ—21 р —за основаніе сравненія онъ принимаетъ вѣсъ.—(О поземельномъ владѣніи стр. 80), Костомаровъ 6 р. 40 коп. (Очеркъ внутренней торговли). Послѣднее мнѣние имѣетъ за себя наибольшую вѣроятность. Оно основано на сравненіи вѣса двухъ найденныхъ денегъ: одной большой, копейной, имѣющей вѣсу $5^{27}/_{48}$ долей и малой или мечевой—съ изображеніемъ всадника на конѣ съ мечемъ или бичемъ въ рукѣ—вѣсомъ въ $7^{51}/_{76}$ долей. Первая деньга принадлежитъ Новгороду, вторая, въ половину меньшая, московская. Въ рублѣ такихъ денегъ считалось 216.

[2]) Чтобы дать понятіе о цѣнности денегъ относительно другихъ предметовъ приведемъ тогдашнія цѣны нѣкоторыхъ продуктовъ (XVI вѣкъ): четверть ржи стоила 7 денегъ ($22^3/_4$ коп.), овса—5 денегъ, пшеницы 10 денегъ (писцовыя книги конца XV и начала XVI в.), баранъ — 8 денегъ, 10 хлѣбовъ—10 денегъ, сыръ—деньга. полоть мяса отъ 5 денегъ до 2 алтынъ (А. А. Э., т. 1, № 123, 1488 г., А. И. № 181, 1573 г.). Теперь четверть ржи стоитъ въ той же мѣстности отъ 4 до 5 р., т. е. цѣнность денегъ относительно хлѣба увеличилась въ 400 лѣтъ въ 12—15 разъ.

стьянина. Одинъ съ своей лошадью высѣвалъ въ лѣто 3 короба ржи, другой — 4 короба, между тѣмъ какъ третій успѣвалъ въ то же время высѣять 5 коробей. Конечно, при однообразіи условій крестьянскихъ хозяйствъ, различія въ размѣрахъ запашекъ не могли быть значительны. По писцовымъ книгамъ, на обжу высѣвалось отъ 2 до 4, рѣдко 5 коробовъ, обыкновенно же по $2^1/_2$ короба въ каждомъ полѣ или, переводя на современныя мѣры, каждый дворъ засѣвалъ около $2^1/_2$ десятинъ озимаго и столько же яроваго. Изъ приведенныхъ словъ новгородцевъ слѣдуетъ также, что на каждую обжу приходилось по одной лошади, что даетъ возможность опредѣлить количество скота.

Кромѣ чисто хозяйственнаго, обжа имѣла еще другое значеніе: она служила платежной единицей, составляя и въ этомъ случаѣ третью часть сохи, о чемъ подробнѣе будетъ сказано далѣе.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній переходимъ къ описанію быта крестьянства XVI в., какъ онъ представляется въ писцовыхъ книгахъ.

Масса земледѣльческаго населенія Новгородской области распадалась, какъ и въ предыдущемъ періодѣ, на двѣ большія группы: 1) крестьянъ черныхъ, жившихъ на свободныхъ земляхъ, верховнымъ собственникомъ которыхъ считался государь и 2) крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ. Эта послѣдняя группа раздѣлялась въ свою очередь на крестьянъ, жившихъ: a) въ дворцовыхъ имѣніяхъ, b) на вотчинныхъ и помѣстныхъ земляхъ, находившихся во владѣніи служилыхъ людей и c) на земляхъ чернаго и бѣлаго духовенства.

Крестьяне послѣдней группы составляютъ въ XV—XVI в. громадное большинство. Черныя земли, бывшія, какъ было сказано, первоначально единственнымъ видомъ земель въ Новгородской области, перешли въ руки частныхъ собственниковъ еще задолго до Московскаго завоеванія (1478 года) [1]) и въ XVI вѣкѣ встрѣчаются только на сѣверо-западныхъ окраинахъ ея, въ Обонежской пятинѣ. Здѣсь они не были роз-

[1]) Соколовъ, Исторія Двинскаго края, 316—17 стр.

*

даны въ помѣстья и вотчины, благодаря лишь новымъ завоеваніямъ на югѣ, представлявшимъ для землевладѣльцевъ несравненно болѣе выгодъ, чѣмъ безплодный и суровый сѣверъ. Своеземцы продолжаютъ существовать и въ этомъ періодѣ до самаго конца XVI в., когда они совершенно исчезаютъ, сливаясь съ другими разрядами. Одни изъ нихъ сдаютъ, подобно остальнымъ землевладѣльцамъ, свои земли крестьянамъ на условіяхъ половничества или за оброкъ, другіе обработываютъ ихъ сами.

О земледѣльческихъ рабахъ этого времени находимъ самыя опредѣленныя указанія. Они отличаются отъ остальной массы земледѣльческаго населенія не столько экономическимъ положеніемъ, сколько отсутствіемъ гражданскихъ правъ, которыми прочіе земледѣльцы обладали во всей ихъ полнотѣ. Нельзя рѣшить, увеличилось или уменьшилось число рабовъ при московскомъ владычествѣ; въ описываемое время оно было совершенно ничтожно, въ чемъ особенно легко убѣдиться изъ писцовыхъ книгъ. Съ большою вѣроятностью можно допустить, вмѣстѣ съ Бѣляевымъ (Временникъ 1852 г., XII), что несвободное населеніе относилось къ массѣ вольнаго крестьянства, какъ 1 къ 300.

Всѣ земледѣльцы, за исключеніемъ послѣдняго разряда ихъ, по отношенію къ личнымъ и имущественнымъ правамъ, общественному положенію и по устройству общиннаго быта представляли однообразную массу полноправныхъ личностей, во всѣхъ отношеніяхъ равныхъ съ членами другихъ сословій. Что касается до экономическаго положенія, то и въ этомъ отношеніи также не было, да и не могло быть, большой разницы не только между земледѣльцами, считая тутъ уже и холоповъ, но и между земледѣльцами и землевладѣльцами. Характеристической чертой изслѣдуемаго періода, подобно предыдущему періоду, было то, что земледѣліе, равно какъ и всѣ остальныя производства, имѣло своею цѣлію исключительно удовлетвореніе непосредственныхъ потребностей производителей. Новгородское сельское населеніе не принимало участія въ торговыхъ сношеніяхъ востока и запада Европы, производившихся чрезъ Новгородъ. Крестьянинъ ѣлъ хлѣбъ, приго-

товленный трудами его самого и его семьи, одѣвался въ приготовленное дома бѣлье и платье; точно также и землевладѣлецъ не употреблялъ ничего чужеземнаго. Такимъ образомъ каждое отдѣльное хозяйство, а, слѣдовательно, и каждая община, представляла изъ себя самостоятельное производительное цѣлое, заключавшее внутри себя всѣ средства къ удовлетворенію потребностей своихъ членовъ. Понятно, что при такомъ условіи не могли возникнуть большія хозяйства: продукты ихъ не нашли бы сбыта, потому что каждый потреблялъ свое. И дѣйствительно, на пространствѣ всей новгородской территоріи въ XV и XVI в. господствуетъ исключительно способъ мелкаго хозяйства. Каждое семейство отдѣльно отъ другихъ обработываетъ свой участокъ собственными орудіями и почти всегда исключительно собственными силами. Хозяйствъ съ большими запашками совсѣмъ не встрѣчается. Землевладѣльцы запахиваютъ при помощи своей челяди обыкновенно не болѣе, какъ въ два, три раза, болѣе чѣмъ каждый изъ крестьянъ, сидящихъ на его землѣ. Во всей Деревской пятинѣ, расположенной въ плодороднѣйшей части области между Ловатью, Ильменемъ и Мстою и занимавшей 31,312 кв. верстъ, не было въ концѣ XV вѣка ни одного владѣльца, который запахивалъ бы болѣе 20 десятинъ (8—9 обежъ) въ каждомъ изъ двухъ полей, обыкновенно же владѣльцы засѣвали не болѣе 5—7 десятинъ (2—3 обжи), при помощи приблизительно такого же числа рабовъ. На эту же непосредственную связь производства и потребленія указываетъ и способъ обработки земли. Онъ одинаковъ по всей мѣстности. При обиліи лѣсовъ, покрывавшихъ большую часть территоріи, выжиганіе ихъ было необходимостью и вслѣдствіе этого лядинное или подсѣчное хозяйство было распространено повсюду. Новгородскому крестьянину выпала на долю гораздо болѣе грубая работа, чѣмъ земледѣльцу какой либо другой области. Вооруженный самыми несложными орудіями, онъ долженъ былъ отвоевывать каждый клочекъ почвы, очищая ее отъ лѣсовъ, болотъ и камней. Удобная земля попадается здѣсь кое гдѣ ничтожными участками, и вслѣдствіе этого каждому приходилось жить и работать въ одиночку. Чтобы понять, въ какой степени

трудно было здѣсь вести земледѣліе, нужно вспомнить, что при лядинномъ хозяйствѣ земледѣлецъ долженъ прежде всего вырубить лѣсъ, стаскать бревна въ кучи для того, чтобы просохнувши, онъ лучше сгорѣлъ,—убрать съ подсѣка камни,—а они разсыпаны здѣсь въ громадномъ количествѣ,—и затѣмъ вспахать 3—4 раза и проборонить поле первобытной сохой и бороной (борона, какъ и теперь, вѣроятно, дѣлалась изъ еловыхъ плахъ съ обрубленными сучьями вмѣсто зубьевъ), пробираясь сквозь камней и кочекъ. Всю эту работу приходилось дѣлать одному или съ помощью сына или сосѣда. Но нужно еще было удобрить землю въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ золы было мало. Послѣ нѣсколькихъ посѣвовъ (отъ трехъ до четырехъ) лядина истощалась и крестьянину приходилось начинать снова ту же работу въ другомъ мѣстѣ, а прежняя лядина-перелогъ запускалась подъ лѣсъ. Ближайшія и наиболѣе выгодно расположенныя земли обработывались по трехпольной системѣ (съ паромъ). Общинное владѣніе землей давало возможность къ такой перемѣнѣ мѣстъ. Что касается до сѣвооборота, то въ этомъ отношеніи не было никакого различія сравнительно съ настоящимъ временемъ. Сѣяли рожь, овесъ, ярицу и ячмень. Пшеница высѣвалась въ ничтожномъ количествѣ и составляла предметъ потребленія крестьянъ только въ исключительныхъ случаяхъ [1]). О состояніи скотоводства писцовыя книги не даютъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Но судя по значительному количеству сѣна, скашиваемаго каждымъ дворомъ, по дешевизнѣ скота, удивлявшей иностранцевъ; судя, наконецъ, потому, что налоги повсемѣстно платились въ то время вмѣстѣ съ рожью, овсомъ, хмѣлемъ и солодомъ продуктами скотоводства и птицеводства: масломъ, сыромъ, овчинами, бараньими лопатками, курами, яицами и т. д., можно предполагать, что *каждое* хозяйство имѣло коровъ, овецъ и лошадей. Лошадей, по числу обежъ, приходилось по одной и по 2 на дворъ.

Кромѣ хлѣбопашества крестьяне занимались звѣроловствомъ, бортничествомъ и рыбною ловлею. Въ нѣкоторыхъ наиболѣе

[1]) Всего чаще упоминается пшеница въ писцовой книгѣ Вотской пятины 1500 г. въ числѣ продуктовъ, которыми уплачивалась подать

благопріятныхъ мѣстностяхъ промыслы эти составляли самостоятельныя отрасли хозяйства, служа главнѣйшимъ источникомъ средствъ для населенія [1]). Особенно много было рыболововъ, такъ какъ озеръ и рѣкъ здѣсь безчисленное множество.

Что касается до ремеслъ, то въ городахъ еще встрѣчаются самостоятельные ремесленники, между тѣмъ какъ въ селахъ они составляли весьма рѣдкое явленіе, такъ какъ платье, обувь и земледѣльческія орудія приготовлялись самими земледѣльцами. Между безконечными описаніями деревень и селъ, рѣдко гдѣ попадется дворъ кузнеца, колесника или другаго какого либо ремесленника, ограничивающагося исключительно своимъ промысломъ. Нѣкоторые ремесленники работали у себя на дому, другіе, какъ напримѣръ портные (швецы), преимущественно въ домахъ нанимателей, отъ которыхъ они получали во время работы также пищу, одежду или взамѣнъ ихъ деньги [2]).

Нѣкоторые изъ сельскихъ жителей занимались наконецъ торговлей. Торговыхъ людей, въ новгородской области, благодаря особенностямъ ея географическаго положенія, благопріятствовавшимъ развитію торговли, было больше, чѣмъ въ остальной Россіи. Здѣсь встрѣчаются поселки (рядки), населенные исключительно торговымъ людомъ (Вышневолоцкій рядокъ, Млевскій, Яжелбовскій, Едровскій, Березайскій и т. д.); особенно ихъ было много и по рѣкѣ Мстѣ и по большой вышневолоцкой дорогѣ, служившими путями транзитной торговли востока съ западомъ; въ самыхъ селахъ между земледѣльцами жили также нерѣдко торговцы, тогда какъ въ Московскихъ областяхъ, по писцовымъ книгамъ XVI вѣка, села сплошь были населены одними земледѣльцами.

Такимъ образомъ все населеніе новгородскихъ пятинъ раздѣлялось на людей, занимавшихся хлѣбопашествомъ и называемыхъ въ источникахъ «пашенными людьми», и людей,

---

[1]) Временникъ, 6: охотники 38 стр., сокольники 60 стр.; А. А. Э., № 127.

[2]) Лѣтопись занятій Археографической коммисіи 1871 г. Приходо-расходныя книги Корнильева Комельскаго монастыря, 25 стр.

получавшихъ средства къ существованію отъ другихъ промысловъ и называвшихся въ отличіе отъ первыхъ людьми непашенными или позёмщиками (отъ слова позёмъ—налогъ на усадебную землю).

Этимъ и ограничивалось все раздѣленіе труда. Наши представленія о новгородской области обыкновенно связываются съ мыслью о широкомъ развитіи въ ней торговыхъ сношеній. Это до нѣкоторой степени справедливо еще для Новгорода и названныхъ путей, но совершенно невѣрно для цѣлой его области. При повсемѣстномъ сходствѣ образа жизни, при однообразіи приготовляемыхъ продуктовъ въ сельской средѣ, не могло развиться сколько нибудь значительныхъ торговыхъ сношеній въ нынѣшнемъ смыслѣ. Достаточно узнать названія товаровъ, продававшихся на сельскихъ торгахъ, чтобы убѣдиться, что обмѣнъ въ то время имѣлъ цѣлью не спеціально торговыя цѣли, а служилъ лишь для пріобрѣтенія предметовъ непосредственнаго потребленія. Обыкновенными товарами на сельскихъ рынкахъ были домашнія животныя, мясо, рыба, сыръ, яйца, бочки, кадки, корыта, сани, лѣсъ, хлѣбъ, соль, деготь, холстъ, сермяжное сукно. Нѣсколько болѣе сбыта находили продукты хозяйствъ, расположенныхъ около городовъ: Новгорода, Бѣлозерска, Вышняго Волочка и т. д. и здѣсь мы видимъ дѣйствительно зачатки производства исключительно для продажи.

IV.

Обратимся теперь къ рѣшенію двухъ поставленныхъ выше вопросовъ и прежде всего изслѣдуемъ, какъ велика была доля продукта, потребляемая самимъ производителемъ-земледѣльцемъ.

При однообразіи естественныхъ условій Новгородской области, дававшихъ населенію одинаковыя средства для производства и пропитанія, что обусловливало въ свою очередь однообразіе и въ самыхъ способахъ производства, при назначеніи производства служить главнымъ образомъ непосредствен-

ному удовлетворенію потребностей производителей, крестьяне-земледѣльцы не могли сильно различаться между собою и въ отношеніи къ количеству продукта, приходившагося на ихъ долю изъ общей его суммы. Величина участковъ какъ у черныхъ, такъ и у владѣльческихъ (дворцовыхъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ) крестьянъ почти одинакова, составъ ихъ тотъ же самый. На чьей бы землѣ ни сидѣлъ крестьянинъ, онъ работалъ одинаковое количество времени съ другими, такъ какъ и потребности и силы были одинаковы у всѣхъ. Различія объясняются исключительно мѣстными условіями: такъ въ Вотской пятинѣ подворные участки вообще больше, чѣмъ въ Деревской, исключительно вслѣдствіе меньшей плодородности почвы. Нѣсколько болѣе разницы замѣчается въ суммѣ повинностей: владѣльческіе крестьяне платили оброкъ землевладѣльцу, между тѣмъ какъ черные были свободны отъ него; но и здѣсь, какъ увидимъ, различіе было не значительно.

Въ виду всего сказаннаго, въ избѣжаніе повтореній, будетъ удобнѣе не разсматривать каждый изъ разрядовъ крестьянъ отдѣльно, а изслѣдовать предварительно общественно-экономическія условія, общія крестьянамъ всѣхъ разрядовъ, и затѣмъ уже показать особенности ихъ положенія на различныхъ земляхъ.

Единицей распредѣленія въ то время было не тягло или душа, а *дворъ*. Подъ дворомъ надо понимать здѣсь совокупность лицъ, жившихъ на одной усадьбѣ, пользовавшихся сообща извѣстнымъ количествомъ пахатнаго поля и перелога, имѣвшихъ участіе въ лугахъ, пастбищахъ, лѣсахъ, водахъ, дорогахъ и вообще во всѣхъ владѣніяхъ своей общины. Дворъ служилъ также единицей распредѣленія податей и повинностей въ пользу князя, землевладѣльца и общины; съ дворомъ, наконецъ, соединялось извѣстное общественное положеніе и вообще сумма опредѣленныхъ правъ. Однакожъ, принимая дворъ за единицу распредѣленія, при распредѣленіи правъ и обязанностей всегда брали во вниманіе количество рабочихъ силъ во дворѣ, и хотя въ писцовыхъ книгахъ, и вообще въ источникахъ, нѣтъ прямыхъ указаній на количественный составъ семей, изъ чле-

новъ которыхъ упоминается обыкновенно одинъ [1]),—но именно только различію въ этомъ составѣ и можно приписать небольшое неравенство, замѣчаемое въ величинѣ подворныхъ участковъ.

Величина эта опредѣлялась исключительно размѣромъ потребностей семьи и ея силами. Въ Деревской пятинѣ въ 1495—7 г. приходилось на дворъ около $2^1/_2$ дест. пахатной земли въ полѣ и по стольку же въ двухъ другихъ, всего около $7^1/_2$ десят., не считая угодій. Отступленія въ ту и другую сторону отъ этой цифры незначительны. Въ Вотской пятинѣ различіе въ величинѣ участковъ въ 1500 г. было нѣсколько больше: встрѣчаются запашки въ 3—5 десятинъ въ полѣ, но иные дворы запахиваютъ 10—12 и болѣе десятинъ, то есть имѣютъ всего около 30—36 пахатной земли. Все зависѣло отъ числа членовъ и свойствъ почвы. На сѣверо-востокѣ, въ Обонежской пятинѣ, гдѣ продолжали существовать еще черныя волости, земли и угодій въ пользованіи крестьянъ было больше, чѣмъ въ другихъ частяхъ области. Это объясняется преобладаніемъ въ этихъ мѣстностяхъ подсѣчнаго хозяйства надъ трехпольнымъ, требующаго для тѣхъ же посѣвовъ площади въ 6 — 7 разъ большей, сравнительно съ послѣднимъ.

Вопросъ о величинѣ запашекъ такъ важенъ для опредѣленія экономическаго быта, что мы считаемъ необходимымъ представить по возможности о нихъ обстоятельныя свѣдѣнія, рискуя войти въ утомительныя подробности. Только по размѣрамъ запашекъ мы можемъ судить о степени благосостоянія крестьянина. Источниками намъ будутъ служить здѣсь тѣже писцовыя книги. При крайнемъ однообразіи крестьянскихъ хозяйствъ, нѣтъ надобности разбирать весь собранный въ нихъ матеріалъ: достаточно взять нѣсколько хозяйствъ. Изслѣдовать каждый округъ, каждое селеніе, значило бы постоянно повторять одни и тѣже цифры, почти съ буквальною точностью.

Начнемъ съ сѣверной части, съ Обонежской пятины, теперь составляющей Олонецкую губернію.

---

[1]) «Деревня Горка, дворъ Ивашко Лукинъ» П. кн. Дер. II, 506

Эта мѣстность, расположенная вокругъ озера Онеги, отличается суровымъ климатомъ и изобилуетъ множествомъ рѣкъ, озеръ и болотъ, равно какъ и нескончаемыми лѣсами, среди которыхъ удобныя для поселенія мѣста попадаются только изрѣдка, гдѣ нибудь на пригоркѣ.

Въ XVI в. поселенія крестьянъ, при немногочисленности ихъ, были разбросаны на громадныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ и постоянно случалось, что деревни, входившія въ составъ одной и той же волости, отстояли другъ отъ друга на десятки, сотни верстъ [1]).

Большую часть населенія здѣсь составляли черные крестьяне, уцѣлѣвшіе подъ именемъ государственныхъ до нашего времени. Чтобы судить объ обиліи земель и угодій, бывшихъ въ ихъ распоряженіи, приведемъ нѣсколько примѣровъ: одна черная волость Михайловскаго погоста, состоявшая изъ 24 деревень—каждая въ 2, 3 двора, имѣла сверхъ пахатныхъ и луговыхъ земель, находившихся въ пользованіи деревень, въ нераздѣльномъ владѣніи весьма значительныя пространства пашенныхъ и не пашенныхъ земель, тянувшихся на двѣ версты вдоль береговъ рѣки Сестрицы до Волхова, 2 кромѣ того острова: Зеленое и Боръ, послѣдній длиной въ версту, и полмѣста рыбной ловли въ Ладожскомъ озерѣ и, наконецъ, 3 версты въ длину непашеннаго лѣсу, мху и болота. Также богаты были землей и другія сосѣднія волости, описанія которыхъ мы имѣемъ: Шуя, Прибужская волость, Черная волость на Вытегрѣ, волость Нюхчанъ и Выгозерцевъ, которые даже уступили одну изъ своихъ ловель Соловецкому монастырю по той причинѣ, «что та ловля отошла отъ ихъ волостей далеко» [2]). Крестьяне, жившіе на владѣльческихъ земляхъ, по отношенію

---

[1]) Такъ одна выставка Оштинскаго погоста, въ нынѣшней Олонецкой губ., между Ладожскимъ и Онежскимъ озерами, находилась отъ своего погоста (Ошты) на разстояніи 70 верстъ; д, угая—въ той же мѣстности (Святозерская) была удалена отъ своего центральнаго погоста на 120 верстъ. Между обѣими селеніями и въ томъ и другомъ случаѣ лежали пустыя пространства, покрытыя лѣсами и болотами, на которыхъ не было ни жилищъ, ни дорогъ (Неволинъ, прилож. 107—109).

[2]) Неволинъ, прилож. 161, 310, 178, 169 и пр. Приведенныя данныя относятся къ 1582—83 г.

къ количеству воздѣлываемой земли не различались отъ черныхъ: въ ихъ пользованіи такія же обширныя пространства пашень, луговъ, лѣсовъ и другихъ угодій; они распоряжаются ими также неограниченно, какъ и черные крестьяне, отъ которыхъ они отличались лишь тѣмъ, что обязаны были платить за землю оброкъ. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ описанія лишь въ сокращеніи, сдѣланномъ Неволинымъ не вполнѣ удачно, но и по нимъ даже можно составить нѣкоторое представленіе о земельномъ богатствѣ владѣльческихъ волостей: обширныя пашенныя и непашенныя земли, рыбныя ловли, весьма значительныя пространства строеваго и дровянаго лѣса составляли обыкновенную принадлежность каждой волости [1]). При такихъ условіяхъ лишнее говорить о величинѣ участковъ: каждый крестьянинъ въ предѣлахъ своей волости могъ захватить столько лядины и угодій, сколько онъ былъ въ силахъ обработать. Еще и въ настоящее время (до послѣднихъ преобразованій быта государственныхъ крестьянъ), значительныя пространства земель, занятыхъ селеніями государственныхъ крестьянъ, составляютъ нераздѣльное владѣніе, гдѣ право пользованія зависитъ отъ перваго захвата.

Переходя къ Вотской и Деревской пятинамъ, занимавшимъ нынѣшнія Петербургскую и Новгородскую губ., за исключеніемъ южной ея части, гдѣ, надо замѣтить, можно наблюдать только бытъ частно-владѣльческихъ крестьянъ, такъ какъ ни о черныхъ ни о дворцовыхъ земляхъ свѣдѣній нѣтъ въ изданныхъ источникахъ, мы прежде всего замѣчаемъ нѣкоторую разницу въ размѣрахъ запашекъ между концемъ XV и XVI в., легко впрочемъ объясняющуюся историческими обстоятельствами. Вообще, вслѣдствіе большой густоты населенія крестьяне были здѣсь болѣе ограничены въ пользованіи землей, чѣмъ въ только

[1]) Напр. двѣ волости: одна конюшаго пути, другая дворцовая владѣли, кромѣ земель и угодій, строевымъ и дровянымъ лѣсомъ, тянувшимся по обѣимъ сторонамъ рѣки Олонца и по рѣкѣ Мегрѣчѣ (Нев. прил. 154). Такимъ же обиліемъ земель, рыбныхъ ловель и угодій отличалась владычняя волость Рождественскаго погоста обон. пятины (ibid. 156) или, напр. въ той же мѣстности крестьяне Хутынскаго монастыря сообща съ черными крестьянами за оброкъ въ 9 алтынъ и 2 деньги пользовались всей рѣкой Вытегрой (ibid. 176).

что описанной мѣстности. Придерживаясь принятаго способа, мы возьмемъ лишь нѣсколько хозяйствъ, по возможности при разныхъ условіяхъ. А чтобы устранить всякое вліяніе случайныхъ обстоятельствъ будемъ брать для выводовъ среднія цифры изъ болѣе или менѣе значительнаго числа фактовъ.

Сначала скажемъ о крестьянскомъ хозяйствѣ въ концѣ XV в.

I. Буховскій погостъ Деревской пятины въ 1495 г. былъ расположенъ на берегахъ рѣки Полы, въ ста верстахъ отъ Новгорода къ юго-востоку, и въ 1495—6 г. состоялъ изъ 58 селеній разныхъ названій: погоста, селецъ и деревень; селенія эти были всѣ не многолюдны,—отъ 2 до 7 дворовъ,—и среднимъ числомъ въ $3^1/_2$ двора каждое. Они, кажется, не были такъ разбросаны какъ въ Обонежской пятинѣ и лежали другъ отъ друга не вдалекѣ. Жители погоста, за исключеніемъ попа, дьяка, церковнаго сторожа и просвирни, жившихъ при церкви, были исключительно крестьяне, сидѣвшіе на земляхъ разныхъ владѣльцевъ (великаго князя, епископа и 2 монастырей), которымъ принадлежалъ погостъ. Большинство крестьянъ были земледѣльцы: именно изъ всѣхъ 226 дворовъ ихъ было 191 дворъ, между тѣмъ какъ непашенныхъ было всего 35 дворовъ. Земледѣліе велось по трехпольной системѣ. Сѣялись: рожь овесъ и ленъ. Первой высѣвалось во всемъ погостѣ $548^1/_2$ коробовъ, слѣдовательно, по $2^{166}/_{191}$ короба или десятины на дворъ. Количество высѣваемаго овса не обозначено, даже не говорится прямо, что его сѣяли, и если бы это не разумѣлось само собою, то можно было бы узнать о посѣвѣ овса лишь потому, что онъ постоянно упоминается въ числѣ продуктовъ, которыми платились налоги. Судя по существующему нынѣ отношенію, можно думать, что и тогда посѣвы яроваго были равны ржанымъ. Такимъ образомъ мы можемъ принять на каждый дворъ во всѣхъ трехъ поляхъ до 8 десятинъ пашни. Кромѣ пахатнаго поля необходимую составную часть каждаго крестьянскаго участка составляютъ луга. Въ писцовыхъ книгахъ говорится только о количествѣ выкашиваемаго сѣна. Въ Буховскомъ погостѣ выкашивалось крестьянами 3282 копны, что составляетъ на каждый пашенный дворъ по $17^{35}/_{191}$ копны.

Къ сожалѣнію, до насъ не дошло ни малѣйшихъ указаній на размѣры копны. Если принять ее равной нынѣшней кучѣ, какъ было сказано, заключающей въ себѣ 5 пудовъ, то на каждый дворъ придется по 86 пудовъ сѣна въ годъ или около $3^1/_2$ возовъ. Но, можетъ быть, копна заключала въ себѣ вдвое болѣе предположеннаго нами и равнялась нынѣшней волочугѣ, то есть такому количеству сѣна, которое обыкновенная крестьянская лошадь по непроѣзжимъ дорогамъ этой мѣстности можетъ перевезти на одноколой телѣгѣ; при такомъ предположеніи каждый дворъ накашивалъ около 7 возовъ, для чего требуется до 2 десятинъ покосовъ средняго достоинства. Въ мѣстахъ приречныхъ, напр. по берегамъ Мсты, Волхова, Явони, Полы, Луги, Оредежа, Тосны, Тигоды и друг., равно какъ по берегамъ Ильменя, орошаемыхъ разливами и изобилующихъ превосходной жирной травой, сѣно могло быть получаемо въ гораздо большемъ количествѣ. Что касается до пастбищъ и лѣсовъ, то они совсѣмъ не вносились въ описаніе писцами, по той очевидной причинѣ, что вслѣдствіе ихъ обилія они не составляли источника дохода, для опредѣленія котораго предпринимались описи и, слѣдовательно, не могли входить въ соображеніе при наложеніи податей. Было бы излишне приводить многочисленныя свидѣтельства путешественниковъ (Герберштейнъ и др.) и позднѣйшихъ русскихъ источниковъ о непроходимыхъ сплошныхъ лѣсахъ этой мѣстности, гдѣ и въ настоящее время они занимаютъ нескончаемыя пространства.

По количеству скашиваемаго сѣна можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о положеніи скотоводства, которое, кажется, было въ довольно сносномъ положеніи. Въ числѣ продуктовъ, которыми платились налоги, постоянно упоминаются сыръ, бараны, баранья лопатка, мясо, куры и пр., изъ чего слѣдуетъ, что коровы, овцы и домашнія птицы были во всѣхъ хозяйствахъ. О лошадяхъ можно заключить съ большею опредѣленностью. Въ Буховскомъ погостѣ, считая по числу обежъ, было 249 рабочихъ лошадей; слѣдовательно, на пашенный дворъ, если считать только одни эти дворы, приходилось болѣе чѣмъ по одной лошади.

Считаемъ совершенно излишнимъ приводить данныя о ве-

личинѣ и составѣ участковъ, въ другихъ мѣстностяхъ. Во всей Деревской пятинѣ, занимавшей нынѣшніе Демянскій, Крестецкій, Валдайскій, и отчасти Новгородскій, Боровичскій и Вышневолоцкій уѣзды, и при томъ одинаково въ имѣніяхъ различныхъ разрядовъ владѣльцевъ: великаго князя, духовныхъ, помѣщиковъ, своеземцевъ,—нельзя найти ни одного хозяйства, размѣръ котораго сколько нибудь значительно различался бы отъ только что описанныхъ: 7—10 десятинъ въ трехъ поляхъ было обыкновенной нормой тогдашняго крестьянскаго участка. Что касается до количества продукта, то такой участокъ, при нынѣшнемъ среднемъ въ этой мѣстности урожаѣ ржи самъ 5, овса самъ 3, давалъ на каждое хозяйство, за вычетомъ сѣмянъ, отъ 10 до 13 четвертей ржи и до 8 четвертей овса—количество достаточное для прокормленія семьи въ 3—4 человѣка. Но по всей вѣроятности, урожаи бывали гораздо больше въ ту пору, когда условія вообще были болѣе благопріятны для производительности труда. Неистощенная почва отличалась большимъ плодородіемъ; лядинное хозяйство, при которомъ, благодаря богатому удобренію, урожаи вдвое болѣе, чѣмъ при трехпольномъ, должно было быть преобладающимъ; да и, наконецъ, самъ земледѣлецъ, не испытывавшій на себѣ ни послѣдствій крѣпостнаго права, ни вліянія тяжелыхъ налоговъ, былъ способнѣе, развитѣе и предпріимчивѣе, чѣмъ современный крестьянинъ. И вѣроятно, не будетъ преувеличеніемъ, если мы примемъ сумму продукта въ полтора раза болѣе противъ означенной выше. Въ Вотской, Бѣжецкой и Шелонской пятинахъ существовали тѣже условія. Возьмемъ для примѣра изъ Вотской пятины одно оброчное имѣніе великаго князя, одно помѣстье и одно своеземческое.

I. Великокняжеское оброчное имѣніе въ Григорьевскомъ Кречневскомъ погостѣ, отстоявшемъ отъ Новгорода на разстояніи 300 верстъ къ сѣверозападу и расположенномъ по рѣкѣ Веряжѣ, состоя изъ 8 деревень, въ которыхъ считалось 28 дворовъ съ 35 жителями въ нихъ. Каждый дворъ засѣвалъ ржи въ среднемъ $2^{17}/_{28}$ десятинъ (коробей; всего 73 коробы) и, конечно, столько же овса, и выкашивалъ $39^{2}/_{7}$ копны сѣна,

не считая селища, скашиваемаго крестьянами (всего 820 коп.). Лошадей 23. (II. кн. Вот. пят. I. 1—5 стр.).

II. Помѣщичьи крестьяне. Помѣстье состоитъ изъ 12 деревень, въ которыхъ было 32 двора съ 48 хозяевами. Каждый дворъ высѣвалъ въ среднемъ по $5^5/_{32}$ десятины ржи и соотвѣтственное количество овса; покосовъ у каждаго двора было на 40 копенъ. (Всѣ дворы высѣвали 155 коробей ржи и скашивали 1280 коп. сѣна). Слѣдовательно, запашки и покосы были здѣсь, какъ вообще и въ большей части пятинъ, вдвое больше, чѣмъ у крестьянъ юговосточной части новгородской области. Это объясняется отчасти худшимъ качествомъ почвы, отчасти болѣе рѣдкимъ населеніемъ. Описанное помѣстье находилось въ Клмецкомъ Тесовскомъ погостѣ въ 50 верстахъ къ сѣв. запад. отъ Новгорода (ibid. 71 стр.).

III. Своеземческіе крестьяне въ томъ же погостѣ. У одного своеземца крестьянинъ съ сыномъ сѣетъ 4 десятины ржи и столько же овса и скашиваетъ 30 коп. сѣна, у другого каждый изъ 2 дворовъ засѣваетъ по $1^1/_2$ десятины ржи и овса и накашиваетъ по $2^1/_2$ копны сѣна (ibid. 75 стр.).

Изъ приведенныхъ примѣровъ, число которыхъ можно было бы увеличить до какой угодно цифры, дѣлаемъ общій выводъ, что въ концѣ XV вѣка новгородскіе крестьяне имѣли въ своемъ пользованіи достаточно земли, какъ для своего прокормленія, такъ для уплаты ренты и повинностей, къ которымъ теперь и переходимъ.

V.

Крестьяне, жившіе на владѣльческихъ земляхъ, платили своимъ землевладѣльцамъ извѣстную долю продукта за право пользованія землей. Господствующія формы отношеній между земледѣльцами и землевладѣльцами были въ концѣ XV вѣка: 1) половничество, и 2) оброкъ. Барщина рѣдко встрѣчалась въ чистомъ видѣ; обыкновенно одна часть крестьянъ уплачивала ренту долей изъ продукта, другая вносила ее въ видѣ опредѣленнаго оброка: только въ рѣдкихъ случаяхъ, въ видѣ ис-

ключенія крестьяне косили въ пользу владѣльца сѣно [1]). Точно также не встрѣчается случаевъ хозяйствъ съ наемнымъ трудомъ. Преобладающей формой какъ въ Новгородѣ такъ и въ Псковѣ, и притомъ не только въ земледѣліи и въ рыболовствѣ, было половничество [2]). Едва-ли можно согласиться съ Бѣляевымъ, который объясняетъ отсутствіе собственнаго хозяйства у землевладѣльцевъ тѣмъ, что послѣ недавняго присоединенія Новгорода «владѣльцы еще не успѣли, такъ сказать, оглядѣться» (О поз. влад. 79 стр).

Но особеннаго хозяйства не было у нихъ и чрезъ $1^1/_2$ столѣтія, когда было уже время оглядѣться. Повсемѣстное существованіе исполовья и оброка объясняется общими соціально-экономическими условіями того времени, когда весь доходъ съ имѣнія шелъ на удовлетвореніе потребностей землевладѣльца, а для этого было вполнѣ достаточно арендной платы. Кромѣ того, своихъ хозяйствъ землевладѣльцы не могли заводить и въ силу особенныхъ свойствъ господствовавшей тогда помѣстной системы: 1) землею владѣли тогда только лица, находившіяся на службѣ—условіе совершенно несовмѣстимое съ личной хозяйственной дѣятельностью; 2) помѣстья всегда давались лишь во временное и ограниченное владѣніе, что конечно не могло расположить владѣльца къ затратамъ на заведеніе хозяйствомъ и наконецъ, 3) всѣ помѣстья были слишкомъ мелки [3]), чтобы стоило посвящать время и трудъ. Наконецъ, землевладѣлецъ — (монастырь или епископъ), если бы для него не существовало указанныхъ препятствій, не могъ бы завести хозяйства по совершенному отсутствію въ обществѣ класса наемныхъ и барщинныхъ крестьянъ. Съ точки зрѣнія крестьянина половничество и оброкъ представляли незамѣнимыя преимущества предъ барщиной. При барщинѣ тоже количество

[1]) Да на Михайлу крестьяне косятъ откосъ Ольху да Задѣленой лугъ, а ставится на нихъ сѣна 230 копенъ. Дер. I. 357 ст. 362.

[2]) изорники, огородники, клетники Псковской судной грамоты—все это различныя названія.

[3]) Такъ въ Деревской пятинѣ самое крупное помѣстье заключало въ себѣ, считая обжу въ $2^1/_2$ десятины, $642^1/_2$ воздѣлываемыхъ десятинъ съ 107 двор. и 110 хозяевами въ нихъ. Обыкновенныя же имѣнія, какъ своеземцевъ такъ и помѣщиковъ были въ 2, 3, 10, 20 дворовъ.

труда должно было быть тяжелѣе, чѣмъ при другихъ формахъ отношеній, такъ какъ къ обременительности работъ здѣсь присоединяется еще суровая дисциплина. Вслѣдствіе этого землевладѣлецъ, который рѣшился бы ввести у себя барщину, навѣрное остался бы безъ крестьянъ.

Что касается до количества продукта, платимаго въ пользу землевладѣльца, то оно не было одинаково даже въ одномъ и томъ же имѣніи. Но какъ при половничествѣ, такъ и при оброкѣ доля землевладѣльца рѣдко составляла половину всей суммы продукта: обыкновенно ему шла $^1/_3$, $^1/_4$ или $^1/_5$ изъ хлѣба, съ придачей извѣстнаго количества другихъ продуктовъ [1]): льна, яицъ, масла, сыру, бараньихъ лопатокъ, куръ, хмѣля, овчины, бѣлокъ и пр. Различіе въ платежахъ объясняется, повидимому, неодинаковостью почвы: одинъ участокъ требовалъ болѣе усиленнаго труда и могъ быть воздѣлываемъ только при незначительномъ оброкѣ, между тѣмъ какъ съ другаго, болѣе плодороднаго, рента могла быть выше; въ сущности же количество труда должно было быть одинаково, какой-бы суммой продукта оно ни выражалось. Предположеніе это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ то время отношенія крестьянъ къ землевла-

---

[1]) Вотъ нѣсколько примѣровъ: I *половничество*; 1) одинъ дворъ — въ имѣніи помѣщика -сѣетъ ржи 3 коробьи, сѣна коситъ 20 копенъ; дохода гривна и изъ хлѣба пятина (Дер. П. 60), 2) 1 дворъ сѣетъ ржи 3 коробьи, сѣна коситъ 20 копенъ, доходъ 7 денегъ, изъ хлѣба четверть; кромѣ того четка солоду, полчетки овса, баранъ, сыръ, 5 яицъ, горсть льну, полострамка сѣна и ключнику полчетки ржи, сыръ, горсть льну (П. 256); 3) два двора; въ одномъ отецъ, въ другомъ сынъ, сѣютъ ржи 6 коробей а сѣна косятъ 30 копенъ, 3 обжы; помѣщику платили изъ хлѣба *половье*, сверхъ того баранъ, полоть мяса, полкоробьи хмѣлю. 5 горстей льну и ключнику пол-коробьи ржи, пол-коробьи овса, четка ячменю, горсть льну (П. 608).

П. *Оброки:* 1) 1 дворъ сѣетъ двѣ коробьи ржи, сѣна коситъ 20 копенъ (обжа); оброку платитъ 7 денегъ, $1^1/_2$ коробьи ржи, $1^1/_2$ коробьи овса, четку пшеницы, ключнику различные мелкіе поборы. 2) 1 дворъ сѣетъ ржи 2 коробьи, а сѣна коситъ 13 копенъ, обжа; платитъ 4 деньги, полкоробьи ржи, полкоробьи овса, четка пшеницы, 2 горсти льну. (Дер. II 535), 3) одинъ дворъ сѣетъ ржи 2 коробьи, а сѣна коситъ 10 копенъ, платитъ 7 денегъ, 2 коробьи ржи, 2 коробьи овса, баранъ (ibid. 538), 4) 1 дворъ сѣетъ ржи 2 коробьи, а сѣна коситъ 30 копенъ, даютъ оброку двѣ гривны и двѣ деньги, а волостелю $2^1/_2$ четки ржи и $2^1/_2$ четки овса. (Дер. II. 719).

дѣльцамъ опредѣлялись договорами, возобновляемыми, какъ кажется, и въ Новгородѣ, подобно тому, какъ въ Псковѣ, ежегодно, причемъ крестьянинъ, если находилъ выгоднымъ для себя, могъ перейти къ другому землевладѣльцу. Такое право перехода необходимо должно было держать требованія землевладѣльца въ извѣстныхъ предѣлахъ, нарушеніе которыхъ могло оставить его безъ рабочихъ, съ одной землей.

Кромѣ оброковъ въ пользу землевладѣльцевъ, на крестьянахъ лежало также содержаніе лицъ, поставленныхъ ими для управленія имѣніями, называвшихся ключниками посельскими и составлявшихъ непремѣнную принадлежность каждаго имѣнія, какъ бы оно мелко ни было. Они получали различное, но вообще незначительное содержаніе [1]). Платежи землевладѣльцу производились частью деньгами, но большею частью продуктами. Въ писцовыхъ книгахъ приводятся постоянно платежи по старому письму и по новому. Сравнивая ихъ, легко видѣть, что землевладѣльцы во 1) старались замѣнить натуральныя повинности денежными [2]) и во 2) увеличить ихъ.

Крестьянинъ платилъ исполовье или оброкъ въ томъ случаѣ, если онъ вступалъ въ общину, но кое-гдѣ, въ видѣ рѣдкаго исключенія, въ древней Россіи встрѣчались примѣры арендованія земель у помѣщиковъ, равно какъ и у черныхъ общинъ какъ отдѣльными лицами и товариществами въ 2, 3 человѣка, такъ и цѣлыми волостями. Арендовать землю для крестьянина было выгодно въ томъ отношеніи, что онъ въ этомъ случаѣ, кромѣ условленной арендной платы, не былъ обязанъ

---

[1]) Такъ въ одномъ имѣньицѣ ключникъ съ трехъ дворовъ получалъ 3 сыра, 3 лопатки и три горсти льну, (Дер. Ц. 569); въ другомъ—съ двухъ дворовъ ключникъ бралъ пол-коробьи овса, пол-коробьи ржи и сыръ (ibid. 511 стр; въ третьемъ съ 4 дворовъ ключнику шло 1½ деньги, 1½ четвертки овса, 1½ четки ржи, 1½ сыра, 1½ горста льну (ibid. 610 стр.).

[2]) Это особенно замѣтно въ оброчныхъ имѣніяхъ, описаніе которыхъ помѣщается въ началѣ каждаго погоста. Каждый разъ, когда у кого либо отбиралось помѣстье на великаго князя, половье и хлѣбный оброкъ замѣнялись тотчасъ же опредѣленнымъ оброкомъ деньгами и отчасти хлѣбомъ, но преимущественно деньгами. Такъ въ Островскомъ погостѣ три двора, платившіе частному владѣльцу четверть изъ хлѣба, 1½ гривны и 3 деньги, три сыра и 3 горсти льну, по переходѣ къ князю были обложены оброкомъ въ пять гривенъ, кромѣ обежной дани (Дер. II. 98).

вносить никакихъ другихъ платежей [1]). Арендовались преимущественно угодья: покосы, рыбныя ловли, рудокопныя мѣста, борти, мѣста для ловли соколовъ и т. под.

VI.

Что касается до другихъ платежей, лежавшихъ на крестьянахъ, то первое мѣсто между ними занимаютъ государственные налоги. Ни въ писцовыхъ книгахъ, ни въ другихъ источникахъ, относящихся къ концу 15 в., нѣтъ ни точнаго опредѣленія суммы налоговъ, ни указанія, хотя бы приблизительнаго, на отношенія ихъ къ платежной силѣ населенія, такъ что приходится удовлетвориться почти простымъ перечисленіемъ разныхъ разрядовъ податей и повинностей [2]). Опи были слѣдущіе: 1) обежная дань, налагавшаяся на земли всѣхъ владѣльцевъ, за исключеніемъ церковной; 2) городное дѣло т. е. повинность въ пользу мѣстнаго города; 3) пососпная служба—ратная и 4) разные потуги [3]). Затѣмъ встрѣчаются налоги подъ именемъ *копащины*, *побережнаго*, значеніе которыхъ не ясно.

Крестьяне, жившіе на оброчныхъ земляхъ великаго князя, обязаны были доставлять кормъ намѣстникамъ, ихъ доводчикамъ и тіунамъ. Такого корма на обжу, то есть на $2^1/_2$ десятины, приходилось отъ 4 до 5 денегъ [4]) (стоимость четверти овса).

---

[1]) Напр. рѣка Вытегра была снята крестьянами двухъ волостей за оброкъ въ 9 алтынъ 2 деньги (Неволинъ прил. 176). Въ одной волости крестьяне ловили на озерѣ Щеребихѣ ночь на князя и другую на тіуновъ за право пользованія рыбной ловлей (ibid. 206). Писцовая кн. Вотской пятины. I. стр. 5, 6, 453, 829 и пр.

[2]) Относительно Бѣлозерскихъ крестьянъ есть нѣсколько указаній См. А. А. Э. I. № 65. 1460 г.· 95. 1471; 96. 1471 — 73; 128. 1493. Здѣсь были слѣдующіе налоги: писчая бѣлка, ямъ, подводы, мытъ, тамга, восмничее, косьба сѣна на князя, кормъ его коней и «иныя пошлины.» Кромѣ того были сборы въ пользу волостей и судебныя пошлины (№ 95, 1471).

[3]) Дер. I. 760 стр.

[4]) Извѣстная сумма продуктовъ или денегъ составляла одинъ *кормъ*. 25 — 30 обежъ обыкновенно должны были доставлять цѣлый кормъ. Собиралось кормы въ 3 праздника: Рождество, Пасху и Петровъ день.

Наконецъ, упомянемъ о расходахъ на содержаніе духовенства. Почти каждый погостъ имѣлъ свою церковь; иногда въ главной мѣстности погоста было даже нѣсколько церквей [1]. Эти церкви строились на счетъ прихода или міра, что впрочемъ не требовало, при обиліи строительнаго матеріала, особенныхъ издержекъ. Причтъ каждой церкви состоялъ обыкновенно изъ попа, дьяка, просвирни и церковнаго сторожа; иногда же только изъ попа и дьяка. Содержались они частью обработкой церковной земли, существовавшей почти при каждой церкви, частью, вѣроятно, сборами съ міра [2].

Чтобы дать болѣе точное понятіе объ экономическихъ условіяхъ земледѣльческаго класса XVI в. представляемъ разсчетъ бюджета крестьянина средней зажиточности. «Деревня Долгое: дворъ Ѳедко Плейкинъ, сѣетъ ржи 3 коробьи, сѣна коситъ 20 копенъ, обжа; а дохода 5 денегъ, 3 четвертки ржи, 3 четвертки овса, баранъ, сыръ, горсть льну» (Дер. I. 121). Хозяйство самое обыкновенное: на нашу мѣру, этотъ крестьянинъ засѣваетъ 3 десятины ржи и, по всей вѣроятности, столько же овса. При обыкновенномъ въ этой мѣстности (недалеко отъ Новгорода) урожаѣ ржи самъ 5 и овса самъ 3, онъ получаетъ, за вычетомъ сѣмянъ, (четверть ржи и 3 четверти овса), 12 четвертей ржи и 18 четвертей овса. Этимъ хлѣбомъ крестьянинъ долженъ былъ 1) кормить втеченіе года семью, 2) поддерживать хозяйство и 3) уплачивать оброкъ землевладѣльцу и налоги правительству. Если семья состояла изъ хозяина, жены и двухъ взрослыхъ дѣтей, то на прокормленіе его можно положить при суррогатахъ хлѣба: молокѣ, мясѣ, сырѣ, около 10 четвертей ржи. Сѣна 20 копенъ и овса было достаточно на содержаніе лошади, коровы, нѣсколькихъ овецъ и птицы. Расходы на покупку земледѣльческихъ орудій и соли могли

[1]) Только объ одномъ погостѣ, Заверяжьѣ, въ Вотской пятинѣ говорится, что здѣсь «церкви погостьцкіе нѣту, ни погоста» (Неволинъ, стр. 105). При описаніи другихъ погостовъ, впрочемъ весьма не многихъ, церкви не описываются, но и не говорится, что ихъ нѣтъ.

[2]) Духовенство, какъ извѣстно, было обложено сборами въ пользу архіепископа и его десятинниковъ, доводчиковъ и приставовъ (А. А. Э. № 71. 1462. № 85. 1468), для уплаты которыхъ оно должно было необходимо увеличивать свои поборы съ крестьянъ.

покрываться, какъ и теперь, 2 четвертями овса. Что до повинностей, то въ данномъ случаѣ оброкъ состоялъ изъ 5 денегъ, 3 четвертокъ ржи, 3 четвертокъ овса, барана, сыра и горсти льна; онъ могъ быть уплоченъ четвертью ржи и 2 четвертями овса. Остающаяся четверть ржи и 3—4 четверти овса оставались на сѣмяна [1]).

Относительно жилищъ, одежды, пищи не имѣется никакихъ свѣдѣній для описываемаго времени. Жилище и одежда не отличались вѣроятно отъ позднѣйшихъ, были также незатѣйливы и приготовлялись домашними средствами; пища же несомнѣнно была разнообразнѣе и сытѣе, чѣмъ въ позднѣйшее время, какъ это доказано г. Аристовымъ вообще для всей древней Россіи [2]).

Смѣшно было бы говорить о блаженствѣ новгородскаго крестьянства, когда хлѣба хватало въ обрѣзъ лишь на удовлетвореніе самыхъ первыхъ потребностей, когда, за невозможностію сдѣлать запасы, неурожаи производили страшные голода въ родѣ того какой свирѣпствовалъ въ 1420 году [3]), который былъ слѣдствіемъ три дня сряду шедшаго снѣга, уничтожившаго посѣвы; когда грабежи разныхъ нахаловъ могли отнять послѣдній кусокъ хлѣба [4]): но это было далеко не бѣдствующее населеніе, не имѣвшее, во всякомъ случаѣ, ни малѣйшаго сходства съ теперешними его потомками. Страна была, по выраженію одного современника (ок. 1480 г.) «и хлѣбна, и скоты велики, и ленъ, и желѣзо добро» (Нев. 48 стр.); крестьянинъ имѣлъ возможность жить своимъ трудомъ, не прибѣгая къ займамъ у кулаковъ, не перебѣгая съ мѣста на мѣсто, какъ впослѣдствіи, не скитаясь по фабрикамъ и отхо-

---

[1]) Иногда сѣмена брались у землевладѣльцевъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ при описаніи оброчныхъ деревень великаго князя сказано: «А сѣмянъ великаго князя за христіаны полдругянадцати коробьи ржи, двадцать и четыре коробьи овса, двѣ коробьи ячменя, четвертка пшеницы.» Временникъ XI, стр. 145. Ср. А. Ю. 106. 1582 г. и 108. 1656 г. Тоже было и у частныхъ землевладѣльцевъ.

[2]) Промышленность древней Руси.

[3]) Карамзинъ т. V, пр. 222. О голодахъ много свѣдѣній собрано въ названной книгѣ Аристова.

[4]) Въ актахъ часто упоминается о грабежахъ дѣтей боярскихъ

жимъ промысламъ. Въ эту пору не рѣдкость случаи, что крестьяне жили на однихъ и тѣхъ мѣстахъ нѣсколько десятковъ лѣтъ (старожильцы). Если и бывали переходы, то лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и притомъ обыкновенно въ ближайшія деревни. Какую мѣстность мы ни станемъ изслѣдовать вездѣ—найдемъ густое усѣвшееся населеніе, дѣятельно занятое разработкой естественныхъ богатствъ страны, почвы, рыбныхъ ловель, рудъ и пр. Во всѣхъ пятинахъ считалось 343 погоста; изъ нихъ 60 было погостовъ въ Вотской, 69 въ Шелонской, 81 въ Обонежской, 67 въ Деревской и въ Бѣжецкой 92. Чтобы судить о населенности погостовъ, приведемъ нѣкоторыя данныя о погостѣ дер. пят. Въ Ляжолобицкомъ погостѣ считалось по новому письму 136 поселковъ разныхъ названій, 273 двора. Воздѣлывалось 239 обежъ или 722 десятины. Земледѣльческихъ холоповъ было 9 дворовъ. Боярскихъ дворовъ было 5. Еглинской погостъ былъ еще населеннѣе, равно какъ и многіе другіе. Трудно судить объ умственномъ развитіи новгородскихъ крестьянъ; но въ пользу его говоритъ предпріимчивость въ борьбѣ съ природой, способность къ самоуправленію, проявившаяся въ замѣчательномъ для того времени устройствѣ общиннаго и государственнаго быта [1]).

VII.

Таково было экономическое положеніе сѣвернаго крестьянства въ 1496 — 1500 году, тотчасъ послѣ завоеванія Новгорода.

---

[1]) Грамотность была распространена конечно слабо, но однакоже совсѣмъ нельзя придавать буквальнаго значенія словамъ Геннадія, будто въ Новгородѣ было такъ мало грамотныхъ людей, что некого было ставить въ попы. Онъ же самъ говоритъ о существованіи мастеровъ, обучавшихъ дѣтей грамотѣ. На существованіе грамотныхъ указываютъ также подписи послуховъ подъ грамотами и такіе случаи, что Архіепископъ Моисей нашелъ для переписки книгъ «многія писцы» (А. И. I. 104. А. Ю. купчія XIV—XV в. и друг. П. С. Р. Л. Ш. 182). Въ житіи епископа Іоны говорится о множествѣ учениковъ, посѣщавшихъ вмѣстѣ съ нимъ его учителя дьякона. По житію архіепископа Евфимія можно заключить, что отдача въ обученіе въ извѣстномъ возрастѣ была дѣломъ обыкновеннымъ. (Нов. губ. вѣд 1874, № 30).

Прошло около столѣтія Московскаго владычества и вотъ въ какомъ состояніи находимъ мы новгородскую область. Въ 80-хъ годахъ 16 столѣтія, громадное большинство населенныхъ назадъ тому столѣтіе мѣстностей совершенно опустѣло. Вся область покрыта была сплошными рядами пустошей и селищъ, на мѣстахъ прежнихъ поселеній, теперь оставленныхъ жителями. Въ цѣлой деревской пятинѣ, на пространствѣ 467 кв. верстъ, оставалось всего 123 жилыхъ селенія, разсѣянныхъ среди 967 пустыхъ деревень, рядковъ селищъ и полуселищъ. Такъ же были опустошены: Вотская, Шелонская, Бѣжецкая и Обонежская пятины. Торговля также упала. Изъ 32 рядовъ, числившихся въ началѣ 16 вѣка (до 1546) по рѣкѣ Метѣ, съ 736 дворами, въ 80 годахъ уцѣлѣло всего 16 съ 172 дворами.

Благосостояніе оставшихся также значительно понизилось сравнительно съ 1495—550 г. Вѣроятно вслѣдствіе недостатка въ скотѣ и земледѣльческихъ орудіяхъ запашки уменьшились: такъ въ Вотской пятинѣ, вмѣсто прежнихъ 5 десятинъ въ полѣ, запашки теперь уменьшились въ одномъ имѣніи (архіепископскомъ) до $1^{13}/_{36}$ десятины въ полѣ ($3^{1}/_{2}$ четьи), въ другомъ (дворцов.) до $^{1}/_{2}$ десятины въ полѣ на дворъ [1]. Также ограниченны были запашки и въ другихъ пятинахъ [2]. Покосы тѣ же, 10 — 15 копенъ. Бобыли, избенки которыхъ лѣпились на церковной землѣ, нищіе, питающіеся мірскимъ подаяніемъ, составляли повсемѣстное явленіе. Спрашивается: вслѣдствіе какихъ причинъ, впродолженіе одного столѣтія, могла совершиться такая поразительная перемѣна?

Благодаря обыскнымъ книгамъ, мы можемъ дать на этотъ вопросъ самый удовлетворительный отвѣтъ. Въ 1573 г. пріѣхали «выборная излюбленная голова» и выборные цѣловальники съ товарищами въ Вотскую пятину сбирать ямскія и приметныя деньги и всякія государевы подати. При этомъ они распрашивали крестьянъ: есть ли въ ихъ погостахъ пу-

[1]) Временникъ 6. П. Вот. пят. 1582, кн. 4, 46 стр. Ср. 45 стр.

[2]) Такъ въ Обонежской пятинѣ въ одномъ имѣніи 22 двора высѣвали 47 четв. съ осминою, т. е. по $1^{9}/_{22}$ десят. въ полѣ и выкашивали сѣна 500 коп., т. е. болѣе чѣмъ по 10 копенъ на дворъ.

стыя села и деревни? и сколь давно, и отъ кого, и отъ чего они запустѣли? Повсюду имъ называли пустыхъ селъ множество. Повсюду запустѣніе объяснялось однѣми и тѣми же причинами. Напримѣръ, крестьяне Спасскаго, Городенскаго погоста, заключавшаго въ себѣ всѣ мѣстности Петербурга, показали, что громадное большинство дворовъ запустѣло «отъ государевыхъ податей и отъ подводъ»; другіе вмѣстѣ съ этимъ еще и отъ «опричнаго правежу» или только отъ одного опричнаго правежа; затѣмъ сравнительно незначительная часть дворовъ была разорена войною «отъ свейскихъ нѣмецъ», а также и отъ своихъ козаковъ и татаръ, бывшихъ въ передовомъ легкомъ войскѣ и, наконецъ, въ 23 случаяхъ отъ мора. Большинство селеній было оставлено жителями въ 60—70 годахъ 16 столѣтія, когда жестокости Іоанна Грознаго и его опричниковъ достигли крайняго развитія, но нѣкоторые были разорены задолго до этого времени [1]. Очевидно изъ этого, что указанныя причины дѣйствовали постоянно впродолженіе цѣлаго столѣтія.

Разсмотримъ каждую изъ этихъ причинъ отдѣльно. Начнемъ съ податей и повинностей. Къ податямъ можно отнести [2]) дань съ землѣ (обежная), которой подлежало все населеніе, на какой бы землѣ оно ни жило. О ней упоминается только въ началѣ 16 столѣтія. Размѣръ ея трудно опредѣлить.

Повинности были чрезвычайно разнообразны. Однѣ изъ нихъ

---

[1]) Встрѣчаются случаи запустѣнія съ 1553; 1549, 40 33, 30 и даже 22 г. (Ж. М. В. Д. 1836, стр. 396.

[2]) Довольно полное перечисленіе податей и повинностей находимъ въ жалованныхъ несудимыхъ грамотахъ: такъ въ одной изъ нихъ, 1597 года, монастырь, прося о возобновленіи грамоты, представляетъ, что съ его обежъ не велѣно было брать «никакихъ податей и дани, и ратныхъ конныхъ и пѣшихъ людей, и посошные службы имати не велѣно, и двора нашего (княжескаго) не дѣлати и сѣнъ не косили, и на ямѣхъ съ подводами не ставили, и за охотниковъ денегъ не давали, и ямскихъ дворовъ не дѣлали, и по дорогамъ мостовъ не мостили, и съ ихъ рыбныхъ ловцовъ... пошлинъ, и намѣстничихъ и волостельныхъ пошлинъ не давали, и дворовъ ихъ не дѣлали, и съ городскими и съ волостными людьми во всякіе подати и въ разметы не тянули, и къ пушечному двору и къ ямчюжному анбару уголья и земли и дровъ не возили, и городъ и нѣкоторыхъ иныхъ такихъ дѣлъ не дѣлали. Ср. А. И. I. № 111. 1500 г.; 188 1573. Д. къ А. И., I. 114, 122. 1478; 133. 1589; 148, 1598; 152. 1606. Д къ А. И. № 141. 1597.

были общія, другіе мѣстныя. Однѣ отбывались исключительно личнымъ трудомъ, другія трудомъ и деньгами вмѣстѣ. Самою тяжелою изъ повинностей была, какъ видно уже изъ жалобъ крестьянъ, подводная или ямская повинность, состоявшая въ доставленіи подводъ «разнымъ посланникамъ»: сборщикамъ податей, намѣстникамъ, волостелямъ и другимъ начальникамъ, а также иностраннымъ посламъ [1]). Особенно тяжело ложилась она на мѣстности, расположенныя по наиболѣе «польмъ» дорогамъ, такъ какъ жители этихъ мѣстностей, кромѣ доставленія лошадей, наравнѣ съ другими, обязаны были еще кормить проѣзжающихъ и ихъ коней, давать квартиры, проводниковъ, необходимыхъ при тогдашнемъ дурномъ устройствѣ дорогъ и проч., причемъ за отсутствіемъ какихъ либо правилъ представлялось полное раздолье произволу проѣзжавшихъ. Селенія, куда собирались лошади для подводъ и жили ямщики, назывались ямами; они отстояли другъ отъ друга верстъ на 30—40. Къ концу XVI в. ямская повинность была переложена на деньги (особенно въ мѣстностяхъ отдаленныхъ отъ проѣзжихъ дорогъ), въпридачу къ которымъ стали браться еще приметныя деньги. Въ 1551—55 г. каждый годъ въ Новгородской области бралось и тѣхъи другихъ 50 денегъ съ обжа [2]). Отправленіе ямской повинности было возложено на особый классъ ямщиковъ, получавшихъ отъ казны вознагражденіе, впрочемъ весьма неисправно [3]). Постройка ямовъ также производилась крестьянами [4]). 2) Не менѣе тяжела была ратная повинность, то-есть выставленіе и содержаніе ратныхъ людей. Періодическихъ наборовъ впрочемъ не было, такъ какъ

[1]) Чтобы судить объ ея обременительности приведемъ слѣдующій примѣръ: въ 1555 г. были посланы къ нѣмецкому рубежу 1500 человѣкъ татаръ, кромѣ стрѣльцовъ и казаковъ, съ 4000 лошадей, кромѣ стрѣлецкихъ и козацкихъ. Имъ велѣно было заготовлять на 80 человѣкъ на каждомъ яму: по яловицѣ, по полосминѣ крупъ, по полубезмену соли или на 10 человѣкъ по барану, крупъ и соли на деньгу (кожи съ яловицъ и барановъ велѣно возвращать назадъ), конскаго корму велѣно было заготовлять на каждыя 10 лошадей по четверикѣ (2 четверика) овса и по острамку сѣна на день (Д. къ А. ист. № 70, 1555).

[2]) Д. к А. И. № 94, 1556 г. Считаемъ Московскую соху равной 30 обжамъ (Нев. прил. IX, Д. к А. И. № 78, 1555).

[3]) Д. къ А. И. т. I. № 104. 1556.

[4]) А. А. Э. I. № 156. 1512. Ср. 207.

постояннаго войска не существовало, но по мѣрѣ надобности производились наборы по 1 человѣку съ 2, 3, 5, 20 и болѣе дворовъ. Наборы эти производились безъ всякаго порядка, а иногда съ одной мѣстности дѣлались по два раза въ годъ [1]). Напр. въ 1545 г. велѣно было выставить съ Новгорода и пригородовъ по человѣку съ 3 бѣлыхъ нетяглыхъ дворовъ и съ 5 тяглыхъ, всего 1973, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ Новгородѣ былъ опять наборъ, съ 3 бѣлыхъ и гостинныхъ дворовъ по человѣку съ двора, съ суконничьихъ по человѣку съ двухъ дворовъ, съ черныхъ опять съ 5 дворовъ по человѣку да съ 20 дворовъ безъ исключенія по пуду зелья; а черезъ мѣсяцъ велѣно было и съ тяглыхъ, достаточныхъ дворовъ, взять еще по человѣку [2]). Сверхъ этого на населеніи лежала еще поставка припасовъ и денегъ войску, приготовленіе пороху (зелейное дѣло), устройство засѣкъ при вступленіи непріятеля, платежъ пищальныхъ денегъ на покупку оружія, которыхъ съ Новгородскаго посада, пригородовъ, рядковъ и погостовъ сходило въ 1545 г. 5236 р., дьячія писчія пошлины, полоняничныя.

Въ царствованіе Іоанна Грознаго было положено начало постоянному войску—учрежденіемъ стрѣльцовъ. Ямчюжное дѣло, состоявшее въ возкѣ земли, воды и дровъ къ селитрянному амбару, въ приготовленіи амбаровъ и посуды отбывалось непосредственнымъ трудомъ жителей [3]). Иногда эта повинность перелагалась на деньги: въ 1535 г. бралось $6^2/_3$ деньги съ обжи.

Таковы были общія повинности; но кромѣ нихъ существовало еще множество мѣстныхъ, по отношенію къ мѣстному городу, извѣстныхъ подъ названіемъ «городоваго дѣла». Оно состояло въ томъ, чтобы дѣлать городъ (валы и ограды), возить каменья и известь, исправлять пищальное и поворотное, впослѣдствіе пушечное дѣло; затѣмъ на жителяхъ лежала также постройка и починка мостовъ, устройство тюремъ для

---

[1]) Относительно сбора ратниковъ въ Новгородѣ и друг. городахъ и рядкахъ см. А. А. Э. I. 214. 1547.

[2]) Чт. О. И. и Д. Р. 1846. № 4. Осторженой, станичной и полевой службѣ, 1846, № 4. Болѣе отдаленныя области платили посошныя деньги по 2 руб. съ человѣка.

[3]) А. А. Э I. № 292. 1576. № 317. 1582.

преступниковъ, засѣкъ во время вторженія непріятеля [1]). Всѣ эти и подобныя имъ повинности отправлялись большею частью натурой, трудомъ самихъ жителей, но иногда, особенно для отдаленныхъ мѣстностей, перелагались и на деньги [2]). Но этого мало. Правительство стремилось обложить пошлинами всѣ сношенія его подданныхъ между собою. Какъ при покупкѣ такъ и при продажѣ товаровъ брались таможенныя пошлины, о многочисленности которыхъ можетъ дать понятіе одно ихъ перечисленіе: тамга, пудъ или вѣсчее, полавочное. поземъ, носовое съ судовъ, явка, помѣръ, контарное (съ соли) подъемное и припускъ (къ вѣсамъ) и т. д., оброкъ съ домницъ, съ горновъ и съ кузницъ (Орѣховская таможенная грамота). Собственно пошлины съ продаваемыхъ товаровъ составляли по новгородской грамотѣ 1571 г. для новгородца ½% съ рубля, а для пріѣзжихъ 2%. (А. А. Э., I. № 170. 282. 1581; 298. Ср. 230). Таможенныя пошлины стали взиматься въ Новгородѣ и Псковѣ только послѣ ихъ присоединенія къ Москвѣ.

Во многихъ мѣстахъ при проѣздѣ или даже и при переходѣ приходилось также платить пошлины (мостъ, побережное, отводъ, перевозъ и мостовую).

Множество угодій: соляныя варницы, рыбныя и звѣриныя ловли — были взяты московскими князьями на себя и отдавались въ пользованіе за оброкъ, который представлялъ собою видъ косвеннаго налога и разумѣется увеличивалъ цѣнность продуктовъ обложенныхъ угодій.

---

[1]) А. А. Э. т. I. № 31. Особенно интересны для знакомства съ повинностями въ новгор. областяхъ А. Ю. № 209. III. 1570 г. IV. XIII. 212. 214. IV VIII. 216 VII, VIII XIV. 217. 218. 219. Д. къ А. И № 93 и 94. 1556.

[2]) Такъ собиралось по 1 алтыну съ двора для содержанія городскихъ воротъ (поворотное или алтынощина), также производились денежные поборы на постройку мостовъ (мостовщина), на вооруженіе (пищальные оброки), на наемъ цѣловальниковъ для разнаго рода сборовъ, на ночные обходы (наганные). Въ мѣстностяхъ, близко расположенныхъ къ царскимъ имѣніямъ, существовали еще повинности въ пользу княжескаго двора «тянуло къ дворецкому», состоявшее въ томъ, что крестьяне обязаны б ставить княжескіе дворы въ городахъ и пахать пашню, убирать хлѣбъ, кормить княжескихъ коней, копать и запруживать пруды, колоть и возить ледъ, ловить рыбу, бобровъ и пр.

Наконецъ, существовала цѣлая система пошлинъ по управленію и суду. Все русское государство по отношенію къ управленію б. раздѣлено на извѣстные округи: уѣзды, которые дѣлились въ свою очередь на станы, обнимавшіе въ новгор. области нѣсколько погостовъ. Уѣздовъ было въ новгородской области 12 [1]). Число становъ неизвѣстно. Уѣздами управляли намѣстники, помощниками которыхъ были волостели. Намѣстники завѣдывали также и судомъ, производя его лично или посредствомъ тіуновъ. Были еще доводчики, ставившіе на судъ тяжущіяся стороны, недѣльщики и пр. Всѣ эти лица не получали опредѣленнаго жалованья, а «кормились» поборами съ управляемыхъ ими волостей и пошлинами отъ суда. Кормъ доставлялся жителями или продуктами, или деньгами по оцѣнкѣ, указанной въ особыхъ грамотахъ [2]). Кромѣ корма, на жителяхъ лежала постройка намѣстникамъ дворовъ [3]), доставленіе лошадей во время объѣздовъ. Затѣмъ въ пользу намѣстниковъ и волостелей шли пошлины при совершеніи разныхъ договоровъ: продавая лошадь, крестьянинъ долженъ былъ платить пятно; выдавая дочь замужъ, долженъ былъ отдать намѣстнику новоженный убрусъ, который увеличивался, если дѣвушка выходила въ чужую волость. Наконецъ, имъ же шли пошлины судныя, особенно значительныя при совершеніи убійства (душегубства [4]). Они, вмѣстѣ съ данщиками, завѣдывали также сборомъ податей.

Тяжесть налоговъ не мало увеличивалась вслѣдствіе несправедливостей сборщиковъ, позволявшихъ себѣ множество всякаго рода произвольныхъ поборовъ. Въ первой половинѣ 16 в. производились этими кормленщиками необузданные грабежи особенно въ сѣверныхъ селахъ и городахъ.

Тяглые люди посылаютъ жалобу за жалобой на произволъ и взяточничество намѣстниковъ, тіуновъ, доводчиковъ, прирав-

---

[1]) Такъ наприм. старорусскія соляныя варницы находились въ вѣдѣніи казны.

[2]) Новгородскій, Медожскій, Орѣховскій, Копорскій, Ямской, Ивангородскій, Корѣльскій, Старорусскій, Порховскій, Курскій Холмскій и Деманскій.

[3]) А. А. Э. т. I. № 47. 123. А. Ю. № 209. III и IV и т. д.

[4]) Д. и А. и I, № 107. 1556. Таже двинская грамота.

нивая ихъ къ разбойникамъ, татямъ и лихимъ людямъ, и заявляютъ о совершенной невозможности болѣе содержать ихъ, такъ какъ одни изъ тяглыхъ людей ушли за монастыри, другіе разбрелись невѣдомо куда. До какой ужасающей степени дошелъ произволъ кормленщиковъ, можно судить потому, что крестьяне охотнѣе соглашались терпѣть отъ разбойниковъ, чѣмъ обращаться для преслѣдованія ихъ къ намѣстникамъ и волостелямъ. Правительство, безпрестанно осаждаемое «челобитьями великими и безпрестанной докукой крестьянъ, въ виду опустѣнія и разоренія своего государства, рѣшилось, наконецъ, предоставить, какъ судъ и управленіе, такъ и сборъ податей, лицамъ выборнымъ отъ общинъ»: [1]) «излюбленнымъ старостамъ».

Въ 1556 г. велѣно было разослать во всѣ пятины грамоты, чтобъ князья, дѣти боярскіе и всѣ служилые люди, игумены, попы, дьяконы, старосты, сотскіе, пятодесятскіе, десятскіе и всѣ крестьяне выбрали изъ пятинъ по сыну боярскому доброму, да изъ пятинъ же выбрали человѣка по три и по четыре лучшихъ людей, да изъ погоста по человѣку, а изъ малыхъ погостовъ изъ двухъ или изъ трехъ по человѣку, и этимъ выборнымъ старостамъ велѣно было сбирать наши ямскія и приметныя деньги, и за посошныхъ людей, и за емчужное дѣло и всякія подати по писцовымъ книгамъ и отвозить и дьякамъ въ Новгородъ. Этой реформѣ приписываютъ обыкновенно большое значеніе въ томъ отношеніи, что она будто бы облегчила положеніе народа. Но такое мнѣніе совершенно несправедливо. Устраняя намѣстниковъ, правительство и не думало отказываться отъ сборовъ, шедшихъ въ ихъ пользу. Признавая, что «запустѣніе происходитъ отъ царскихъ дѣтей и разметовъ» (1574), оно тѣмъ не менѣе не уменьшало своихъ требованій. Излюбленные старосты обязывались «намѣстники и волостелины... доходы сбирати и привозить къ дьякамъ.»

[1]) А. 10. № 209.

[2]) А. А. Э. т. 1. 234. 242. 243. 344. А. И. т. I. № 200. Д. и А. И. I. 298.

Такимъ образомъ за право самимъ собирать и сносить подати общины должны были платить весьма не легкій оброкъ: въ двинской землѣ оброкъ этотъ былъ 20 р. съ сохи, станы Важскій, Шенкурскій и Вельскій платили за право самоуправляться $1^1/_2$ т. р. въ годъ. Введеніе самоуправленія было, слѣдовательно, финансовой мѣрой, придуманной для того, чтобы уменьшить бѣгство крестьянъ, увеличивъ въ то же время налоги.

И дѣйствительно, какъ до устраненія намѣстниковъ, такъ и послѣ, накоплялась масса недоимокъ, для полученія которыхъ по прежнему прибѣгали къ жестокому правежу; но если и могла быть какая либо выгода вслѣдствіе назначенія опредѣленнаго оброка вмѣсто произвольныхъ поборовъ намѣстниковъ, то и эта выгода скоро была уничтожена необузданнымъ своеволіемъ опричнины, учрежденной въ 1565 г., почти въ то же время, когда Іоаннъ Грозный «жалуючи крестьянство для тѣхъ великихъ проторъ и убытковъ» отставлялъ намѣстниковъ и волостелей. Нѣтъ нужды повторять здѣсь почти невѣроятные разсказы о притѣсненіяхъ и грабежахъ опричниковъ, свирѣпствовавшихъ въ русской землѣ впродолженіе цѣлыхъ 7 лѣтъ (1565—1572); достаточно сказать, что опричный правежъ, по словамъ крестьянъ, былъ одной изъ главнѣйшихъ причинъ запустѣнія селъ и деревень. Наконецъ, къ этимъ причинамъ присоединились еще войны; причемъ разоряли, жгли и грабили не только враги, но и свои, особенно татары и казаки.

Ни одна область Россіи не испытала въ XV — XVI в. столько военныхъ опустошеній, какъ новгородская [1]), и нигдѣ война не производила такого разрушительнаго дѣйствія, какъ здѣсь. Послѣ вторженія магистра нѣмецкаго ордена. Финке, кончившагося сожженіемъ Ямбурга и взятіемъ многихъ плѣнниковъ въ Водской землѣ, вторгнулись въ 1448 г. въ Новгорской области шведы вмѣстѣ съ Нѣмцами [2]). Затѣмъ слѣдовало нападеніе со стороны московскаго князя Василія Вас. Темнаго, принудившаго новгородцевъ къ платежу

[1]) Въ прежнее время, во время самостоятельности Новгорода войны были рѣже и онѣ не отличались такимъ жестокимъ характеромъ.

[2]) Карамз. V. пр. 316. Лѣт. Археогр. Коммисіи т. IV. стр. 213.

Чернаго бора. Потомъ, послѣ неудачной попытки перейти къ польскому королю Казиміру, Новгородъ испыталъ на себѣ московскій походъ въ 1471 года, сопровождавшійся опустошеніемъ селъ до самаго крайняго предѣла новгородской области, до Наровы [1]). Въ 1478 г. Новгородъ потерялъ свою самостоятельность и сдѣлался составною частью московскаго государства, отличаясь отъ другихъ областей лишь своимъ пограничнымъ положеніемъ, подвергшимъ его новымъ и гораздо жесточайшимъ, сравнительно съ прежними, опустошеніямъ. Въ 1555 г., вслѣдствіе спора новгородцевъ со шведами, эти послѣдніе осадили Орѣшекъ и опустошили Вотскую пятину (Кар. VIII. 246). Вслѣдъ за этимъ въ 1558 г. началась продолжительная война изъ за Ливоніи, слѣды которой до сихъ поръ остаются въ новгородской губерніи. Литовцы, шведы, овладѣвшіе въ 1581 г. Иваньгородомъ, Ямою и Копорьемъ и удержавшіе ихъ по договору 1583 и, наконецъ, русскія войска ходили по новгородской области, сжигая села и принуждая своими опустошеніями разбѣгаться и остальныхъ жителей. Къ довершенію всего этого Іоаннъ, подозрѣвая заговоръ, задумалъ въ 1569 г. разрушить Новгородъ въ конецъ и во время похода произвелъ страшныя опустошенія по всей дорогѣ отъ Москвы до Новгорода, подвергая жителей самымъ возмутительнымъ, едва вѣроятнымъ жестокостямъ [2]). Но этимъ не кончились бѣдствія новгородцевъ.

Безпрестанныя войны рѣшительно не давали опомниться новгород. крестьянамъ. Не успѣвъ склонить шведовъ къ возвращенію Иваньгорода, Ямы и Копорья за 10,000 р., царь Θедоръ Іоанновичъ послалъ войско въ шведскія владѣнія, которое въ 1590 г. и взяло Яму. Въ слѣдующую зиму шведы, въ свою очередь, сожгли много селеній вокругъ Ямбурга и Копорья, а лѣтомъ 1591 г. вновь явились и доходили до Гдова. Въ 1595 г. былъ заключенъ Тявзинскій миръ, по которому мѣста, обитаемыя Водью, остались за Россіею, а Швеція получила Нарву. Шведы не были удовлетворены этими

[1]) Соловьевъ I. стр. 19 и слѣдующ.
[2]) Сол. VI. 203.

условіями, что и было причиной новой войны (1611), которая пришлась въ смутное время, когда и безъ того новгородская область была въ самомъ безотрадномъ состояніи разрушенія.

Упомянемъ еще о физическихъ бѣдствіяхъ, которыхъ много выпало на долю новгородскаго крестьянства. Въ 1421—23-го три года сряду продолжался голодъ; къ нему въ 1423 г. присоединился моръ. Въ 1436 г. опять оказался недостатокъ въ хлѣбѣ. Въ 1446 г. опять началась въ Новгородѣ и деревняхъ дороговизна вслѣдствіе недостатка хлѣба, такъ что коробъ доходилъ до полтины и «была—говоритъ лѣтописецъ—христіанамъ скорбь и печаль и плачь и рыданіе; на торгу и на улицахъ иные падали и умирали отъ глада, и много убѣжало въ Литву, въ Западную Европу (латынство), а нѣкоторые изъ за хлѣба отдавались бусурманскимъ и жидовскимъ купцамъ». Въ 1471 г., вмѣстѣ съ бѣдствіемъ московскаго нашествія, былъ также недостатокъ хлѣба, происшедшій отъ засухи, отъ сильныхъ жаровъ.

Въ 1588 г., послѣ взятія русскими Иваньгорода, Ямы и Копорья, отъ мороза погибли хлѣба и произошелъ повсемѣстный голодъ, впродолженіе котораго сельскіе жители не продавали, но напротивъ сами покупали хлѣбъ въ Новгородѣ [1]).

Изъ эпидемій извѣстны моръ 1423—1424 и 1470 г.

Наконецъ иногда жители деревень уходили съ мѣста вслѣдствіе наводненій, затапливавшихъ деревни.

Бѣдствія были часты и жестоки, но было бы несправедливо предавать имъ слишкомъ много значенія въ повсемѣстномъ запустѣніи новгородской области и пониженіи благосостоянія оставшихся крестьянъ. Ихъ вліяніе было недолговременно и если бы народъ не былъ разоренъ уже прежде, всякіе слѣды этого вліянія исчезли бы весьма скоро. Бѣдствія эти бывали и прежде въ новгородской землѣ: въ XIII, XIV и XV в.; но мы видѣли, что въ концѣ XV в. населеніе въ ней было густое и довольно обезпеченное. Съ другой стороны, такое же сплошное запустѣніе встрѣчаемъ въ XVI в. и во всѣхъ другихъ обла-

[1]) Костомаровъ. С. Р. Народ. II. 172. Псковская Лѣт. подъ 7096. годахъ.

стяхъ московскаго государства, изъ которыхъ большая часть совсѣмъ не подвергалась бѣдствіямъ войны. Достаточно бѣглаго взгляда на писцовыя книги 70-хъ годовъ XVI столѣтія, чтобы придти въ рѣшительное изумленіе предъ картиной запустѣнія московскаго государства и особенно центральныхъ уѣздовъ. На громадномъ разстояніи цѣлыхъ уѣздовъ, напр. московскаго, тянутся сплошные ряды пустошей, деревнищъ и селищъ, и если бы не заглавіе писцовыхъ книгъ, гласящее, что въ нихъ описываются имѣнія помѣщиковъ и вотчинниковъ, и не попадающіяся тамъ и сямъ жилыя мѣстечки, можно было бы подумать съ перваго взгляда, что мы имѣемъ дѣло съ перепислю однихъ только опустѣвшихъ селеній [1]).

Въ виду этого факта не можетъ быть разногласія въ опредѣленіи истинной причины запустѣнія московскаго государства. Оно было результатомъ соединеннаго дѣйствія усилившихся фискальныхъ поборовъ и требованій землевладѣльцевъ. Ни войны, ни физическія бѣдствія не могли бы произвести такого опустошенія, если бы не дѣйствовали съ такимъ постоянствомъ обѣ указанныя причины. Возвышеніе поборовъ было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ развитія потребностей правительства, которое заводило постоянныя войска, строило крѣпости, вело войны и т. д., и землевладѣльцевъ, начинавшихъ усвоивать себѣ привычки польскихъ магнатовъ и шляхты. Потому-то оно и совершалось такъ систематически. При этомъ выразилось непониманіе своихъ интересовъ правительствомъ и боярствомъ въ

[1]) Напр. въ Васильцевомъ стану на 46 жилыхъ селеній (6 селъ, 8 сельцъ, 31 деревня и 1 слобода) приходится пустыхъ 158 (1 погостъ, 2 сельца, 31 деревня и 124 пустоши съ полупустошью). Въ другомъ стану, Кошелевомъ, на 1 жилую деревню съ 17 жителями приходится 44 пустоши (писцовыя книги московскаго уѣзда 1577 г. хранящіяся въ моск. архивѣ). Также опустошены и другіе станы москов. у., равно какъ и сосѣдній съ нимъ коломенскій у., въ которомъ, по писцовымъ книгамъ 1577 — 78 г., на земляхъ разныхъ владѣльцевъ было 70 пустыхъ селъ, деревень и починковъ, 574 пустоши и 83 селища. Нѣсколько болѣе заселены владимірскій, костромскій, дмитровскій, звенигородскій, рузскій, ярославскій и пошехонскій уѣзды, хотя и здѣсь на окраинахъ запустѣніе было велико. По всей дорогѣ отъ Вологды до Ярославля Флетчеръ въ 1588 г. встрѣтилъ только 50 деревень. О жалобахъ жителей сѣверныхъ уѣздовъ (шенкурскаго и важскаго становъ) на запустѣніе мы уже упоминали.

самой яркой степени. Побѣги производились въ громадныхъ размѣрахъ, но вмѣсто того, чтобы остановить эти побѣги хотя бы улучшеніями въ способахъ собиранія налоговъ, правительство и боярство, не думая ни мало о будущемъ и какъ будто задавшись цѣлью ухудшить положеніе дѣла, все болѣе и болѣе переходило отъ взысканій къ открытому грабежу. Иностранные путешественники конца XVI вѣка представляютъ положеніе русскаго народа въ это время въ самомъ мрачномъ видѣ. Ни имущество, ни личность ихъ не были ничѣмъ защищены противъ произвола не только агентовъ правительства, но и самаго незначительнаго изъ боярскихъ дѣтей. Ихъ политическое положеніе было такого рода, что они не имѣли возможности ни заявить сообща о своемъ угнетенномъ положеніи, ни принудить правительство обратить вниманіе на свои жалобы. Крестьяне не имѣли мѣста въ соборахъ и не могли никакимъ образомъ имѣть изъ своей среды представителей въ администраціи, пополнявшейся или дѣтьми прежнихъ служилыхъ людей, или выходцами изъ орды. Оставалось только бѣжать и крестьянство воспользовалось этимъ средствомъ въ самой широкой степени: Донъ, Поволжье, Уралъ, отчасти Сибирь заселились бѣглецами изъ Россіи, главнымъ образомъ въ XV—XVI вѣкахъ.

Московскому правительству и землевладѣльцамъ, составлявшимъ его служилое сословіе, предстояла неминуемая опасность остаться съ одной землей безъ всякаго рабочаго населенія. По чувству самосохраненія они должны были остановить всѣми возможными средствами дальнѣйшее запустѣніе государства. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о какомъ-либо государственномъ хозяйствѣ, ни малѣйшаго представленія объ условіяхъ производительности народныхъ силъ и стремясь только къ усиленію эксплуатаціи платежныхъ силъ рабочаго народа, они необходимо пришли къ идеѣ о коренномъ измѣненіи принципа, лежавшаго до сихъ поръ въ основѣ отношеній между крестьянами и землевладѣльцами, къ идеѣ о закрѣпленіи крестьянъ на мѣстахъ ихъ жительства.

На этомъ моментѣ мы кончимъ историческій обзоръ соціально-экономическихъ условій быта сѣвернаго крестьянства. Данныхъ, собранныхъ въ предъидущихъ главахъ, совершенно

достаточно для объясненія причинъ возникновенія и жизненности разсматриваемаго нами явленія. Земледѣльцу сѣверной полосы, съ перваго момента его поселенія тамъ и до послѣдняго дня свободной жизни, приходилось вести упорную, систематическую борьбу съ самыми разнообразными препятствіями. Природа, окружавшая его, подчинялась волѣ человѣка только при условіи величайшаго напряженія силъ съ его стороны. Отдѣльная личность, даже въ наиболѣе благопріятномъ случаѣ, могла бы достичь здѣсь развѣ полуживотнаго существованія. Осуществленіе же стремленія къ благосостоянію и свободѣ возможно было только при соединеніи индивидуумовъ въ крѣпкій союзъ. Но, по мѣрѣ того, какъ земледѣлецъ одерживалъ побѣду надъ природой, на пути къ его цѣли являлись новыя препятствія, составлявшія результатъ все болѣе и болѣе усложнявшихся общественныхъ отношеній. Препятствія эти требовали гораздо сильнѣйшаго напряженія силъ для своей побѣды, вслѣдствіе чего союзъ долженъ былъ не только поддерживаться, но и укрѣпляться еще болѣе. Существенно необходимымъ условіемъ прочности всякой ассоціаціи служитъ равное участіе всѣхъ ея членовъ въ выгодахъ, достигаемыхъ общими усиліями, и ясное сознаніе этихъ выгодъ. Отсюда постоянное стремленіе общины поддерживать равенство членовъ, отсюда же крѣпкая привязанность къ ней этихъ послѣднихъ, не смотря на всю заманчивость неограниченной личной свободы. Естественное чувство справедливости и взаимности, съ другой стороны, влекло человѣка по тому же направленію и должно было въ высшей степени способствовать крѣпости союза. Въ этихъ именно условіяхъ кроется, по нашему мнѣнію, реальная основа сельскаго общиннаго союза, къ подробному разсмотрѣнію котораго мы теперь и переходимъ.

VIII.

Общинное пользованіе землей.

Земледѣльческое населеніе сѣверной Россіи въ XV—XVI в. жило не въ одиночку, не на подворныхъ, другъ отъ друга обособленныхъ, участкахъ, а группировалось въ общества, на-

зывавшіяся выставками, починками, деревнями, сельцами, селами, погостами, слободами, ямами и рядками. Разнообразіе этихъ названій обусловлено различіями во времени поселенія, въ количествѣ его жителей, въ большихъ или меньшихъ признакахъ средоточія по отношенію къ окружающимъ поселкамъ и отчасти въ самихъ занятіяхъ жителей. Выставкой назывался поселокъ, основанный переселенцами изъ другаго села или деревни [1]. Союзъ нѣсколькихъ такихъ выселковъ, составившихъ волость, назывался нерѣдко «волостью-выставкой» или «выставкой-погостомъ» [2]. Наиболѣе употребительное названіе для заводящихся поселеній было «починокъ». Этихъ вновь устраиваемыхъ селеній было въ XVI вѣкѣ громадное количество и особенно въ сѣверной части Россіи, служившей вмѣстѣ съ южными окраинами убѣжищемъ крестьянамъ, искавшимъ въ отдаленныхъ недоступныхъ лѣсахъ защиты отъ поборовъ и произвола служилыхъ людей. Исторія этихъ поселковъ не сложна. Короткія описанія писцовыхъ книгъ даютъ понятіе о всѣхъ фазахъ, чрезъ которые переходила колонія переселенцевъ до полнаго ея устройства въ деревенское или сельское общество. Вотъ починокъ, едва начинающійся, въ немъ нѣтъ пашни, крестьянинъ «сѣлъ ново» [3]. Въ другихъ починкахъ уже заведена и пашня, но поселенье еще не платитъ ни налоговъ, ни оброковъ; писецъ однакожъ уже записалъ его въ обежную раскладку [4]. Въ третьихъ уже есть и то, и другое, но количество запахиваемой земли, вслѣдствіе недостатка средствъ, не достигло размѣровъ запашекъ въ сосѣднихъ устроившихся уже деревняхъ и селахъ. Сѣна въ такихъ починкахъ однако не рѣдко больше, чѣмъ въ этихъ послѣднихъ поселкахъ, вѣроятно вслѣдствіе большаго скотоводства [5]. Большая часть

---

[1]) Неволинъ, о пятинахъ и погостахъ, приложеніе стр. 115, 251 и 277.

[2]) Тамъ же, стр. 235, 338.

[3]) Писцовыя книги Деревской пятины т. I. 51, 82, 149, 177, 251, 265, 469, 507, 629, 650, 663, 726, II. 584, 595.

[4]) «Починокъ Непельниково: дворъ Ивашко Исаковъ, сѣетъ ржи коробью, а сѣна коситъ 8 копенъ, пол обжи, дохода нѣтъ, сѣлъ ново» (Дерев. пятины II. 490).

[5]) Вообще запахиваемой земли приходится въ починкахъ на дворъ меньше, чѣмъ въ старыхъ селеніяхъ. Такъ въ Посонскомъ погостѣ Дерев.

этихъ починковъ въ одинъ дворъ и только изрѣдка встрѣчается въ какомъ-либо изъ нихъ 2 и 3 двора [1]). Названіе поселка починкомъ удерживалось обыкновенно только до истеченія льготнаго срока, на который поселенецъ освобождался отъ платы дохода помѣщику или оброка князю. Съ этого же времени починокъ становился *деревнею*, удерживая при этомъ иногда нарицательное названіе «починокъ» въ видѣ собственнаго имени, напр. деревня «Починокъ», деревня «Елагинскій починокъ» и т. д. [2]).

Деревня—самый распространенный видъ крестьянскихъ поселеній того времени [3]). Поселки эти вообще были не многолюдны, но населенность ихъ въ нихъ замѣтно возрастаетъ по направленію отъ окраинъ къ центру [4]), что замѣчается, какъ извѣстно, и въ настоящее время.

пятины на каждый дворъ приходится по $^{3}/_{5}$ обжи, между тѣмъ какъ въ сосѣднихъ старыхъ поселеніяхъ на каждый дворъ падаетъ въ среднемъ по обжѣ. Въ помѣстьѣ Левашова, въ Микулинской четверти тверскаго уѣзда, въ 11 сосѣднихъ починкахъ, изъ которыхъ только одинъ имѣетъ 3 двора, а остальные лишь по одному, земля на дворъ приходится меньше, чѣмъ въ окружающихъ деревняхъ. Между тѣмъ какъ въ деревнѣ Доронкинѣ приходится на дворъ 10 четьи въ полѣ и 5 копенъ сѣна, а въ починкѣ Бакшеевское займище дворъ обработываетъ 12 четьи пахатной земли и на 12 коп. сѣнокоса, въ починкѣ Якышева Веретья на 1 дворъ приходится 2 четьи пашни и 3 копны сѣнокоса. (Писцовыя книги тверскаго уѣзда 1540 года). Впрочемъ, въ числѣ дворовъ и количествѣ земли и сѣнокоса существовало между самими починками большое разнообразіе. Такъ, въ Черныхъ деревняхъ и волости Захожье твер. у., въ которомъ, мимоходомъ сказать, почти совсѣмъ не встрѣчается починковъ безъ пашни, въ противуположность Новгородской области, въ одномъ изъ починковъ на 1 дворъ приходится пашни въ каждомъ полѣ 2 четв, сѣна 3 копны, а рядомъ съ нимъ въ другомъ починкѣ гораздо больше—5 четей и сѣна 160 коп. (тамъ же).

[1]) Такъ въ Посонскомъ погостѣ Деревской пятины въ пяти починкахъ по 1 двору и по одному человѣку; въ Микулинской четверти твер. у., въ 12 починкахъ, вокругъ села Озеркова, въ каждомъ по 1 двору, рядомъ въ помѣстьѣ Лаишевѣ изъ 11 починковъ въ 10 по 1 двору, и только въ 1-мъ три.

[2]) Дер. II. 217.

[3]) Вотъ нѣсколько примѣровъ описаній тогдашнихъ деревень въ писцовыхъ книгахъ «Деревня Часовня»: дворъ Микитка Ивановъ, дворъ Олтушко, сѣетъ ржи 5 коробьевъ, а сѣна коситъ 20 коп., 2 обжи (Дер. I. 187) или «Деревня Санкина»: 4 двора, пашни въ полѣ 12 четьи, сѣна 115 коп. (Писц. кн. Твер. у. 1540 г.).

[4]) Въ трехъ уѣздахъ второй половины Вотской пятины: Ладожскомъ,

Причины такого явленія заключаются въ почвенныхъ условіяхъ сѣвернаго пространства Россіи, на которомъ удобныя земли попадаются лишь спорадически между болотами и землями негодными.

Сельцомъ назывался поселокъ, сдѣлавшійся въ какомъ либо отношеніи средоточіемъ для нѣсколькихъ окружающихъ дере-

---

Орѣховскомъ и Корѣльскомъ изъ 2710 поселеній въ 1419 г., т. е. болѣе чѣмъ въ половинѣ ихъ, было только по 1 двору, въ 58 деревняхъ отъ 10 до 20 дворовъ, въ четырехъ селахъ отъ 35 до 45 дворовъ и только въ двухъ селахъ болѣе 50-ти дворовъ. Въ Пермскомъ краю деревни, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, были также въ одинъ дворъ (Пермскій Сборникъ, т. I. «Деревня XVI вѣка»). Въ Деревской пятинѣ, которая ближе Вотской къ центру, можно принять среднимъ числомъ на каждое поселеніе $2^1/_2$ двора, иногда болѣе, чаще менѣе. Такъ въ Островскомъ погостѣ Деревской пятины въ 49 деревняхъ было 123 двора, менѣе чѣмъ по 3 двора на деревню. Въ Городенскомъ погостѣ въ помѣстьѣ князя въ 81 деревнѣ было 131 дворъ, менѣе чѣмъ по 2 двора. Иногда еще менѣе. Въ Ужиньскомъ погостѣ въ 36 деревняхъ съ сельцомъ было 36 дворовъ. Населенность деревень зависѣла отъ удобствъ мѣстности, отъ отношеній владѣльца къ крестьянамъ и была различна даже въ близкихъ другъ къ другу поселкахъ. Такъ въ Вельскомъ погостѣ въ одномъ помѣстьѣ на 11 деревень приходилось 17 дворовъ, а въ сосѣднемъ помѣстьѣ въ стольких же деревняхъ ихъ было 28. Въ Тверскомъ у. (въ 1540 году) на каждый поселокъ падаетъ круглымъ счетомъ около 3 дворовъ. Такъ въ одной вотчинѣ въ 54 деревняхъ было 142 двора. Но чѣмъ ближе къ центру, тѣмъ поселенія многолюднѣе. Въ 175 поселкахъ Троицкой вотчины Дмитровскаго у. было 917 крестьянскихъ дворовъ и 40 бобыльскихъ, всего 957 дворовъ, около $5^1/_2$ на поселокъ. Въ Стародубо-Ряполовскомъ стану Суздальскаго у. въ 136 поселкахъ (6 селъ, 2 сельца, 120 деревень, 6 погостовъ) считалось 578 двор. (540 крестьянск. и 38 бобыльскихъ), слѣдовательно, по $4^1/_2$ двора на деревню. Въ Троицко-Сергіевыхъ вотчинахъ Муромскаго у. на 51 село (5 селъ, 3 сельца, 43 деревни) приходилось 398 дворовъ (332 дв. крестьянск. и 66 бобыльскихъ), болѣе $7^1/_2$ дворовъ на поселокъ. Въ Переяславскомъ 129 поселковъ (13 селъ, 20 селецъ, 95 деревень и 1 погостъ) имѣли 871 дворъ (809 дв. крестьянск. и 62 дв. бобыльскихъ), около 7 дворовъ на каждый. Наконецъ въ Московскомъ у. среди безчисленныхъ пустырей тамъ и самъ лежали довольно многолюдныя для того времени селенія, дворовъ въ 20 и болѣе. Въ селѣ Клементьевскомъ Московскаго уѣзда, Радонежскаго стана, было, кромѣ 4 дворовъ духовенства (поповъ) и 24 келій старицъ, 107 дворовъ крестьянскихъ и 16—тяглыхъ за прудомъ. Сверхъ того, въ немъ было 28 дворовъ непашенныхъ, 110 бобыльскихъ и 30 шалашей для торговли пріѣзжихъ торговцевъ (Писц. книги Твер. уѣзд. 1540 года. Писцовыя книги Дмитровскаго, Суздальскаго, Муромскаго, Переяславскаго и Московскаго уѣздовъ 1578—1580 годовъ).

вень и починковъ: въ сельцахъ или находились церкви, или въ нихъ жили помѣщики и ихъ приказчики; а въ монастырскихъ имѣніяхъ въ сельцѣ устраивался нерѣдко монастырскій дворъ. Но эти признаки вообще были непостоянны [2]). Гораздо чаще сельцо служитъ центромъ для окружающихъ поселковъ, какъ мѣсто ихъ происхожденія, и въ этомъ смыслѣ надо понимать выраженія въ родѣ «Сельцо Тулитово, 5 дворовъ... а деревень къ тому сельцу» (слѣдуетъ перечисленіе 6 деревень [3]).

Значительно полнѣе и постояннѣе признаки средоточія были въ селѣ. Церковь, дворы помѣщика съ холопами, духовенство здѣсь довольно обыкновенны; часто въ нихъ жили также посельскіе, тіуны и ключники [4]), а также и ремесленники, и про-

---

[1]) Дер. II. 597, 594, 638, 647, 612. I. 131, 138, 139, 251, 194.

[2]) Напримѣръ, въ Влажинскомъ погостѣ Дер. пятины изъ двухъ сосѣднихъ селецъ, одно Влажино, съ церковью, дворомъ помѣщика и дворами духовенства, а рядомъ съ нимъ другое сельцо, Хвощно, безъ церкви и, кромѣ крестьянъ, въ немъ жилъ еще только одинъ ключникъ. Дер. пят. I, стр. 399. Вотская пят., стр. 138. Неволинъ, прил. 198, 201. Были сельца, гдѣ жили одни крестьяне (Дер. II. 632). Въ центральныхъ уѣздахъ въ сельцѣ даже никогда почти не было церкви, въ Новгородской области сельца съ церковью составляли меньшинство. Какъ мало отличались они отъ деревень можно заключать изъ того, что при одной переписи бывшія сельца записывались деревнями и, наоборотъ, прежнія деревни—сельцами (Дер. I. 186, 216, 235). Въ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ сельцо также часто называется селомъ и наоборотъ (Дер. I. 375, 359, 396, 403); при подведеніи же итоговъ, напротивъ, отличаются (Нев. приложеніе 30, 32, 36). Въ концѣ XVI в. они отличались рѣзче и записывались всегда подъ однимъ разрядомъ. Такъ въ Бѣжецкой пятинѣ писцовая книга 1583 года перечисляетъ 28 селъ и 17 селецъ. Въ центральныхъ уѣздахъ поселокъ съ названіемъ сельца рѣдкость, еще большая рѣдкость въ сельцѣ церковь. Они строго отличались здѣсь отъ селъ и при описаніяхъ составляли особую группу. Такъ въ Коломенскомъ уѣзд. писецъ отмѣтилъ 31 село съ третью, погостъ, 115 селецъ и т. д. (Писц. кн. Колом. у. 1580 г.).

[3]) Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ описанія сельца. Сельцо Онтоново въ Молвятицкомъ погостѣ Деревской пятины. Расположено по обѣимъ берегамъ рѣки Ридомерки. Въ немъ дворъ помѣщика и 3 двора крестьянскихъ. Запашка того и другихъ 1½ обжи. 6 крестьянскихъ дворовъ запустѣли отъ повѣтрія. Невдалекѣ отъ сельца находится его колонія выставка Боръ (Неволинъ, приложенія къ Новгородскимъ пятинамъ, стр. 277). Или сельцо Маслово съ деревнями и съ починки (Твер. писц. книги 1540 г.).

[4]) Напримѣръ, село Копрано, въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ волости Черницѣ, существующее и донынѣ, имѣло деревянную церковь, построенную

мышленники [1]). Село было свойственно преимущественно центральнымъ уѣздамъ. Въ Новгородской же области по значенію ему соотвѣтствовалъ погостъ, постоянною принадлежностью котораго, отличавшею его отъ другихъ поселковъ, была церковь съ окружающими ее дворами причта, состоявшаго въ большинствѣ случаевъ изъ попа, дьяка, просвирни и сторожа. Во многихъ изъ нихъ жили помѣщики, посельскіе, ремесленники, промышленники и торговцы, а также тутъ находили пріютъ и нищіе [2]).

Погосты отличались многолюдностью [3]) и къ нимъ тянули, такъ же какъ и къ селамъ московскихъ уѣздовъ, села, сельца, деревни, займища и пустоши [4]).

міромъ (мірское), 2 монастырскихъ двора, дворы попа, дьячка, пономаря, просвирни, 5 дворовъ крестьянскихъ, 3 двора людей непашенныхъ, въ числѣ которыхъ одинъ сапожникъ и два пустыхъ двора. Къ нему тянула 46 деревень, 11 починковъ и 3 займища населенныхъ и 9 пустошей, всего 184 двора крестьянскихъ и 15 дворовъ бобыльскихъ. Въ такомъ же видѣ представляются и другія села, съ тѣмъ лишь различіемъ, что къ одному тянуло больше деревень, къ другому меньше Какъ теперь, такъ и тогда въ разговорѣ и на оффиціальномъ языкѣ говорилось только о селахъ, а деревни, тянувшія къ нему, подразумѣвались сами собою. Называя же деревню, прибавляли иногда названіе села, къ которому она тянула «Плегенинскаго села деревня Веретенко». Поэтому при раздачѣ помѣстій и при другихъ случаяхъ перечисляются одни села: «Даю сыну моему Василію сельцо Воронцовское на Яузѣ», говоритъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи 1504 г. Иванъ III. (Собр Г. Г. и Д. № 87). Или, напр., въ договорной Новгородской грамотѣ съ Вел. кн. Михаиломъ Ярославичемъ всѣ новгородскіе поселки называются вообще селами: «а селъ ти не ставити въ Новгородской области, ни твоей княгыни, ни бояромъ...» и пр. (Тамъ же, стр. 1, 27. Ср. № 21, 28, 35). Иногда впрочемъ упоминаются и деревни: «А что ми дала Настасья Θедорова Андреевича село Мягково съ деревнями въ куплю», но этимъ упоминаніе и ограничивается; далѣе перечисляются одни села.

[1]) См. описанное выше село Клементьевское, Московскаго уѣзда.

[2]) Неволинъ, прил. 326, 346, 380. Дер. I. 691. II. 756, 445. Въ нѣкоторыхъ погостахъ были устроены лавки, (тамъ же. стр. 281, 175) амбары (175), существовали цѣлые торги (359). Временникъ № 11, стр 341.

[3]) Такъ въ погостѣ Сольцо въ Жабенскомъ погостѣ (округѣ) было 39 дворовъ, въ которыхъ жили 65 человѣкъ.

[4]) Напримѣръ, къ Тюкольскому погосту тянуло 14 деревень (Неволинъ, прилож. стр. 209. Ср. 340. 343).

Въ большинствѣ случаевъ погостъ при описяхъ строго отличается отъ другихъ поселковъ (Неволинъ, приложеніе 318). Торговая часть погоста

Затѣмъ существовали поселки, называвшіеся рядками [1]). Эти торговыя селенія представляютъ переходъ отъ деревни къ посаду и городу. Жители ихъ были люди непашенные, занимавшіеся торговлей и ремеслами [2]), иногда вмѣстѣ и земледѣліемъ [3]). Эти полуторговыя, полупромышленныя и отчасти земледѣльческія мѣстечки составляли особенность Новгородской области и совсѣмъ не были извѣстны въ центральныхъ уѣздахъ. Поселки, называвшіеся *ямами*, были, какъ было уже сказано, населены жителями, занимавшимися ямской гоньбой и земледѣліемъ [4]). Они строились по проѣзжимъ дорогамъ.

называлась рядомъ «на погостѣ на ряду» (Тамъ же 282, Ср. 300). Сравнивая новгородскіе погосты съ центральными селами легко, замѣтить, что первые имѣютъ болѣе торговый и промышленный характеръ, тогда какъ вторыя исключительно земледѣльческія. Существованіе подобныхъ торговыхъ пунктовъ есть результатъ значительнаго развитія торговли въ Новгородѣ. Описаніе погостовъ см. Дер. I. стр. 423, 428, 438, 445, 449 (погостъ Пресвятой Богородицы), 454, (Пиросскій погостъ), 555, 627, 708, 719. Сравните 612, 640, 687, 726. Поселенія такого же названія существовали и въ центральныхъ уѣздахъ, но здѣсь они имѣли совершенное иное значеніе. Все ихъ населеніе состояло изъ причта, живущаго возлѣ церкви, встрѣчающейся во всѣхъ такихъ погостахъ, на церковной землѣ, да въ рѣдкихъ случаяхъ изъ бобылей. Вѣроятно, это были просто кладбища. Къ такому погосту никогда не приписывалось деревень; напротивъ, самъ онъ иногда приписывался къ сосѣднему селу. Называются они при описяхъ всегда погостами великаго князя и описываются иногда вмѣстѣ цѣлыми группами: напр. въ большомъ Микулинскомъ стану коломенскаго уѣзда сплошь описано 10 погостовъ царя и великаго князя (Писц. кн. кол. у.). Я встрѣтилъ только одинъ погостъ во всѣхъ, описанныхъ въ 1578—80 годахъ, уѣздахъ, построенный на землѣ помѣщика.

[1]) Названія рядъ, рядовъ эти поселки получили вѣроятно вслѣдствіе постройки лавокъ рядами (Неволинъ, приложеніе стр. 101. Дер. I. 176. рядъ 509), также какъ и въ городахъ лавки называли рядами: рядъ рогожный, шалашный, мясной и т. д., или «на погостѣ на ряду.»

[2]) Неволинъ, приложеніе 195, 319, 336, 337. Поэтому ряды иногда называются посадами, а жители ихъ посадскими людьми (Тамже, 274), иногда погостами (282).

[3]) Напр. въ Березайскомъ ряду, Нев. прил. 202. На это же указываютъ выраженія въ родѣ: «рядокъ посадцкихъ черныхъ тяглыхъ людей» (Тамъ же, 136). Въ полоновскомъ погостѣ, заключавшемъ въ себѣ 14 дворовъ, 2 калачныхъ лавки и 6 амбаровъ, жители названы «тяглыми крестьянами» (тамъ же, 275). Рядокъ Витча (281). Рядовичи Рутьенскаго погоста пашутъ селище на розьемъ, платя за это въ волость сосѣднюю оброкъ (Деревен. I. 412).

[4]) Тамъ охотники Коженикинскаго стана Шелонской пятины владѣли вопче

Наконецъ, особенно въ уѣздахъ подмосковныхъ и преимущественно вблизи городовъ были слободы. Ихъ населеніе состояло изъ непашенныхъ торговыхъ людей, ремесленниковъ и разныхъ промышленниковъ: рыболововъ, бобровниковъ, бортниковъ и т. д., также служилыхъ людей, стрѣльцовъ, казаковъ. Слободы лишь въ немногомъ напоминаютъ деревенскіе поселки и имѣютъ гораздо болѣе городской характеръ [1]).

При выборѣ мѣста для поселка руководились главнымъ образомъ удобствами его для земледѣльческой жизни. Единственными путями сообщеній въ непроходимыхъ лѣсахъ сѣверной Россіи служатъ рѣки; по нимъ то преимущественно и построены русскія селенія, равно какъ вокругъ озеръ, по приморью, вдоль большихъ дорогъ. Въ частностяхъ обращали вниманіе на защиту отъ вѣтра и выбирали мѣста напр. при подошвѣ горъ и пригорковъ, вблизи лѣса [2]).

Выбравши мѣсто, поселенцы распредѣляли между собою участки и затѣмъ каждый вырубалъ себѣ, при помощи товарищей, курную избу съ клѣтью и огораживалъ дворъ, устраивалъ внутри его хлѣвъ съ сѣнникомъ, баню, овинъ, амбаръ, мшанникъ [3]), послѣ чего поселокъ былъ готовъ. Вслѣд-

---

съ приказщикомъ (этого яма?) 4 пустошами, въ которыхъ было $13^1/_2$ обежъ переложной земли. Охотники запольскаго яма владѣли также вопче съ приказщиками 11 пустошами. Жители ихъ вообще назывались охотниками. Самое слово ямъ происходитъ, вѣроятно, отъ татарскаго слова ямъ — дорога. Ямы болѣе значительные назывались ямскими слободами (Нев. прил. 321, 322).

[1]) Они обыкновенно составляли часть посада или чаще—города и составляли иногда средоточіе нѣсколькихъ приписанныхъ къ нимъ селъ и деревень. Такъ, напр., ямская слобода на посадѣ въ Коломнѣ съ селами и деревнями; также въ Можайскѣ. Ямская слобода на Вышнемъ-Волочкѣ (Неволинъ, прилож. 331).

Поселки, оставленные жителями, назывались пустыми селами и деревнями, селищами, деревнищами, или просто пустошами, смотря потому, были-ли на ихъ мѣстѣ какіе либо слѣды поселенія или они уже совершенно исчезли. Въ XVI вѣкѣ, особенно въ эпоху необузданнаго произвола опричнины, такія пустоши можно было встрѣтить иногда на громадныхъ разстояніяхъ.

Въ коломенскомъ уѣздѣ въ 70-хъ годахъ этого столѣтія было 574 пустоши, 83 селища и 70 пустошей; московскій уѣздъ представлялъ на всемъ своемъ пространствѣ такую же безотрадную картину запустѣнія.

[2]) Неволинъ, приложенія, стран. 327, 332, 333; 30, 39, 43.

[3]) Крестьянскій дворъ состоялъ изъ слѣдующихъ частей: 1) избы, боль-

ствіе однообразія занятій и потребностей, всѣ дворы строились по одинаковому плану [1]).

Такой способъ поселенія деревнями, при возможныхъ условіяхъ—непремѣнно въ нѣсколько дворовъ, указываетъ на развитіе наклонности русскихъ поселенцевъ къ общинной жизни, которой совсѣмъ не обнаруживалъ финнъ, селившійся тутъ же въ одиночку и по возможности въ глухихъ мѣстахъ. Въ

шею частію деревянной, весьма рѣдко наземной. Обыкновенная высота деревянной избы 2 сажени, наземной, вмѣстѣ съ фундаментомъ — 3 сажени. Стоимость такой крестьянской избы въ 70-хъ годахъ XVI столѣтія 10 алтынъ 2 деньги и полтина. (Лѣтопись занятій Археографич. коммиссіи, приходо-расходныя книги Корнильева-Комельскаго монастыря 1576 — 78, стр. 17). Затѣмъ строились: 2) клѣть, 3) хлѣвъ, 4) сѣнникъ или сѣновало, 5) мшанникъ, 6) гумно, 7) баня или мыльня и наконецъ около двора располагается овинъ (А. Ю. №№ 178, 183, 190 и др. Пермскій сборникъ т. I. «Деревня XVI в.» Всѣ строенія эти, при обиліи матеріала, были весьма дешевы. Въ XIV - XV вѣкѣ можно было пріобрѣсти «хоромы» - такъ назывались всѣ постройки вмѣстѣ — за поразительно дешевую цѣну: изба, клѣть и овинъ стоили 10 бѣлъ или 20 денегъ (А. Ю. № 71, XXII). Въ концѣ XVI столѣтія овинъ въ одномъ мѣстѣ продавался за полполтину или 8 алтынъ 2 деньги (приходорасходныя книги Корнильева-Комельскаго монастыря).

[1]) О степени удобства построекъ даетъ понятіе ихъ расположеніе. Возлѣ деревянной избы — главной части двора, устраивалась иногда изба изъ навоза, такъ называемая «наземная изба». Непосредственно къ ней примыкала клѣть съ перерубомъ (чуланомъ). Иногда клѣть ставилась отдѣльно отъ жилой избы, тогда подъ нею устраивался погребъ. Рядомъ съ избою или позади ея строился сѣнникъ или сѣновало, къ которому примыкала подклѣть, служившая, кажется, мѣстомъ спанья во время лѣта. Вблизи избы располагались: анбаръ, баня, колодезь, навѣсъ, овечій хлѣвъ, (хлѣвецъ овечный), порядня житецкая (отъ жита). Весь этотъ пристрой носилъ названіе «дворовaго хлама» или «дворскаго холуя». За домомъ шли огороды «капустники», то есть овощные огороды, конопляники и т. д., за ними гумно или кладовня, гдѣ складывались скирды и наконецъ, около двора, овинъ. Таково было полное «усадище» или «усадьба» крестьянина-земледѣльца XVI в. Пространство усадьбы, конечно, не во всѣхъ случаяхъ было одинаково. Въ вышневолоцкомъ рядкѣ, напр., одинъ дворъ занималъ 52 кв. сажени, а съ огородами 72 кв. саж., другой же съ огородомъ только 60½ кв. саж. (Неволинъ, приложеніе). Свѣдѣній о пространствѣ сельскихъ усадебъ не нашелъ. Между другими особенностями тогдашняго крестьянскаго быта стоитъ замѣтить обычай огораживанія поля каждымъ хозяиномъ отдѣльно. По крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ порядныхъ крестьянъ на землю такое огораживаніе ставится крестьянину въ непремѣнную обязанность. Огораживаніе это въ обычаѣ и теперь въ тѣхъ мѣстностяхъ.

самомъ дѣлѣ, селясь вмѣстѣ, русскіе поселенцы должны были рѣшить сообща много вопросовъ, необходимо возникающихъ при устройствѣ общаго поселка. Въ какомъ порядкѣ выстроиться, гдѣ провести дорогу, гдѣ устроить колодезь, какъ широка должна быть улица при двухъ рядахъ домовъ, слѣдуетъ-ли огораживать деревню, гдѣ выбрать поля—вотъ вопросы, которые приходилось обсудить вмѣстѣ поселенцамъ, притомъ однимъ, безъ всякихъ указаній со стороны, руководясь лишь обычаемъ и соображеніями относительно удобствъ. Для удовлетворительнаго рѣшенія требовалось умѣнье вести общія дѣла. Сохранившіяся описанія большихъ поселковъ, построенныхъ довольно правильно, доказываютъ, что всѣ эти трудности преодолѣвались нашими предками съ успѣхомъ [1]). Еще оче-

---

[1]) Дворы строились въ ряды. Непосредственно за усадьбами шли поля, за ними выгоны, сѣнокосы на пустошахъ и лѣсъ. Такое расположеніе поселка представляетъ для земледѣльца очевидныя выгоды: онъ освобождается отъ лишней траты времени и труда на переходы и перевозку хлѣба и навоза и вообще при немъ крестьянинъ можетъ сравнительно легко и дешево обработывать свой участокъ. Въ селахъ многолюдныхъ, особенно же погостахъ и рядкахъ, былъ не одинъ рядъ, а нѣсколько улицъ и переулковъ. Вотъ описаніе нѣсколькихъ погостовъ и рядка:

1. Прокофьевскій погостъ, Бѣжецкой пятины. Въ немъ церковь, рядомъ съ ней дворы причта и 3 келейныхъ мѣста. Далѣе идутъ дворы торговыхъ людей и пашенныхъ. Кромѣ жилыхъ строеній на погостѣ 23 лавки, въ которыхъ торгуютъ рядовичи этого же погоста (Невол. прилож. 281).

2. Погостъ Егорьевскій и Спасскій (погосты почти всегда называются въ писцовыхъ книгахъ двумя именами) во Млевѣ Деревской пятины. Въ немъ двѣ деревянныхъ церкви; одна съ двумя предѣлами, другая теплая съ однимъ. Вблизи церкви находились 6-ть дворовъ причта (двоихъ поповъ, дьякона, дьячки, пономаря, просвирни). Кромѣ того, причту принадлежали 4 поземныхъ двора (платившихъ аренду за землю) и 10 келій. Тутъ же пріютились нищіе «питавшіеся о церкви Божіей.» На берегу рѣки Меты, возлѣ самаго погоста, находился торгъ съ 96 лавками безъ затворовъ. Ежегодно на двѣ недѣли около Петрова дня сюда пріѣзжали купцы для торговли различными товарами сельскаго потребленія. Вмѣстѣ съ лавками на торгу стояли 3 плетеныхъ шалаша, въ которыхъ торговали солью, и 13 шалашей для торговли съѣстными припасами. (Лавки и шалаши ставили торговые люди сами «собою»). Изъ такихъ селеній, какъ описанный погостъ, при благопріятныхъ условіяхъ развивались города.

3. Вышневолоцкій рядокъ въ Никольскомъ погостѣ, Деревской пятины, расположенъ на берегу рѣки Льстны, имѣетъ деревянную церковь, построенную и поддерживаемую жителями рядка (рядовичи, посадскіе люди). Церк-

виднѣе обнаруживается эта наклонность въ томъ повсемѣстномъ явленіи, что земля, занятая извѣстнымъ поселкомъ, оставалась въ общинномъ пользованіи. Намъ предстоитъ теперь выяснить, на основаніи точныхъ данныхъ, по какому изъ многочисленныхъ возможныхъ способовъ распредѣляли занятыя ими земли русскіе крестьяне XVI вѣка и какими началами руководились они при установленіи того или другаго порядка.

Г. Чичеринъ въ своемъ «Обзорѣ историческаго развитія сельской общины Россіи» и еще болѣе въ статьѣ, написанной въ отвѣтъ Бѣляеву на его разборъ указанной статьи, категорически утверждаетъ, что значеніе средневѣковой общины, созданной, по его мнѣнію, государствомъ для своихъ цѣлей, было не поземельное, а финансовое, что ея членовъ связывало лишь тягло, которое они тянули въ пользу землевладѣльцевъ и правительства. Другихъ общихъ интересовъ между разрозненными членами не существовало. Поземельныя отношенія были основаны на правѣ личнаго владѣнія. «Каждый селился на отдѣльномъ участкѣ, которымъ распоряжался по произволу. Не хотѣлъ онъ оставаться на мѣстѣ—онъ сдавалъ свою землю другому, или даже покидалъ ее впустѣ и шелъ туда, гдѣ жить было лучше. Самое разселеніе крестьянъ не было похоже на нынѣшнее: тогда не было этихъ многолюдныхъ селъ, въ которыя соединяется все народонаселеніе, между тѣмъ какъ окружающія поля остаются пустыми. Каждый жилъ особнякомъ на своемъ участкѣ.» Это было писано назадъ тому двадцать лѣтъ.

ви принадлежитъ нѣкоторое количество земли въ однихъ поляхъ съ посадской пашней. Вдоль по берегу рѣки идутъ лавки. Въ концѣ посада пороховой (зелейный) амбаръ, къ которому примыкаетъ дворъ пороховаго мастера. По другому берегу рѣки выстроены 45 дворовъ съ обширными, сравнительно съ нынѣшними, дворами (одинъ дворъ въ длину 6½ саженъ, а поперегъ 8, огородъ при немъ въ длину 12 саж., поперегъ 6, всего 72 кв. сажени. При рядкѣ незначительное количество пашни, переложной и поросшей лѣсомъ земли и сѣнокосовъ (Неволинъ, прилож. 322).

4. Ямская слобода Выдропускъ на рѣкѣ Тверцѣ. На яму погостъ съ деревянною церковью, построенной и поддерживаемой средствами прихода. Населеніе состоитъ изъ охотниковъ, которые живутъ въ 16 дворахъ. Кромѣ того, въ слободѣ есть еще 6 дворовъ бобыльскихъ и 1 пустой дворъ. Къ слободѣ приписаны деревни и пустоши (Тамъ же, 322).

Съ того времени количество фактовъ относительно общиннаго владѣнія значительно увеличилось, разработка ихъ также сдѣлала большой шагъ впередъ и теперь представляется возможнымъ на только доказать полную несостоятельность мнѣній, подобныхъ только-что приведенному, но и обставить фактъ существованія поземельной общины въ древней Россіи такими твердыми основаніями, которыя ставятъ его внѣ сомнѣнія.

Всѣ тѣ явленія, которыя послужили основаніемъ для мнѣнія о подворномъ крестьянскомъ землевладѣніи въ древней Россіи, именно: обиліе земли, рѣдкость и подвижность населенія, отсутствіе принудительныхъ отношеній, малолюдность поселковъ, отсутствіе передѣлокъ, въ которыхъ при обиліи земель нѣтъ, будто-бы, необходимости — всѣ эти явленія въ цѣлой ихъ совокупности встрѣчаемъ мы и до сихъ поръ на сѣверѣ Россіи: въ губерніяхъ Олонецкой, Вологодской и Архангельской и тѣмъ не менѣе общинное пользованіе землей тамъ существуетъ повсемѣстно въ весьма развитой степени

По словамъ г-на Л-ша, статью котораго я уже цитировалъ, общинное пользованіе землею на сѣверѣ Россіи повсемѣстно, но формы его нѣсколько различны отъ существующихъ въ селеніяхъ центральной полосы. Въ Петрозаводскомъ, Повѣнецкомъ и сѣверозападныхъ частяхъ Олонецкаго у. каждый дворъ беретъ столько земли, сколько въ силахъ обработать и пользуется своимъ участкомъ до тѣхъ поръ, пока обработываетъ его. Но, пользуясь своимъ участкомъ отдѣльно отъ другихъ, онъ тѣмъ не менѣе находится въ полнѣйшей зависимости отъ міра, который можетъ даже лишить его права на землю. Міръ же этотъ состоитъ изъ жителей нѣсколькихъ сосѣднихъ деревень. Въ другихъ мѣстахъ губерніи форма общиннаго пользованія ближе подходитъ къ великорусской: въ этихъ мѣстностяхъ наиболѣе воздѣланныя земли, раздѣленныя на три поля, отъ времени до времени передѣляются, подобно тому какъ и въ великорусскихъ общинахъ, между всѣми поровну, а остальная земля находится въ общемъ владѣніи и право пользованія ею зависитъ отъ перваго захвата. (Далѣе будетъ обстоятельно разсмотрѣно современное устройство общиннаго владѣнія).

Въ многочисленныхъ сочиненіяхъ извѣстнаго нѣмецкаго

ученаго Маурера [1]) собрана подавляющая масса фактовъ, доказывающихъ съ несомнѣнною очевидностью существованіе въ Германіи поземельной общины въ тотъ періодъ времени, когда она была въ условіяхъ одинаковыхъ съ древней Россіей.

Такимъ образомъ доводы г. Чичерина и его приверженцевъ о несовмѣстимости общиннаго пользованіями съ условіями, подобными тѣмъ, въ которыхъ находилась средневѣковая Россія, рушатся сами собою предъ фактами, не требуя для своего опроверженія никакихъ теоретическихъ доказательствъ. Но мы имѣемъ прямыя, весьма опредѣленныя свидѣтельства о существованіи поземельной общины въ древней Россіи и преимущественно въ сѣверной ея части, которыя и постараемся привести здѣсь въ возможной полнотѣ.

Считаемъ нужнымъ предупредить читателя, что данныхъ этихъ относительно весьма не мало и что, при ясной опредѣленности своего содержанія, они слишкомъ отрывочны, чтобы можно было выставить во всѣхъ подробностяхъ общинную систему того времени. Въ ту пору всесильнаго вліянія обычая, всѣмъ извѣстнаго и мало измѣнчиваго, не было никакой необходимости въ письменныхъ постановленіяхъ для опредѣленія порядка пользованія: каждая семья запахивала столько земли, сколько могла, брала лѣсу сколько ей было нужно и посылала на пастбище весь скотъ, какимъ владѣла. Въ своихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ каждый по необходимости, безъ какихъ либо правилъ, принужденъ былъ сообразоваться съ дѣтельностью остальныхъ жителей деревни, такъ какъ еслибы онъ засѣялъ, напримѣръ, паръ, то скотъ во время пастьбы уничтожилъ бы всходы; тоже самое произошло бы, еслибы онъ не захотѣлъ огородить свои загоны. Опытъ, наконецъ, научилъ каждаго направлять свою дѣятельность такимъ образомъ, чтобы не препятствовать другимъ въ одинаковой степени пользоваться общимъ имуществомъ, такъ какъ только при этомъ

[1]) Einleitung zur Geschichte der Mark—Hof— Dorf—und Stadt—Verfassung und der öffentlichen Gewalt München 1854; Geschichte d. Dorfverfassung in Deutschland; Geschichte d. Markverfassung, Geschichte der Frohnhöfe etc. Объ общинномъ владѣніи въ Англіи собраны обстоятельныя свѣдѣнія у Nasse, Ueber die mittelalterliche Feldgemeinschaft in England.

условіи онъ могъ требовать такой же свободы для себя. Вѣковаго обычая и личнаго опыта было достаточно для устройства того порядка пользованія, который существовалъ въ древней Россіи и все назначеніе котораго заключалось въ возможно полномъ и равномъ удовлетвореніи въ жилищѣ, пищѣ и одеждѣ.

Тѣ отрывочныя данныя, которыми мы располагаемъ здѣсь, заключаютъ въ себѣ довольно опредѣленныя указанія на нѣкоторыя различія въ способахъ пользованія въ различныхъ мѣстностяхъ и на разныхъ частяхъ общественной земли. Такъ, изъ нихъ видно, что общинныя земли по роду общинъ, имѣвшихъ право на пользованіе ими, были различны, что далѣе способъ пользованія воздѣлываемой земли былъ не одинаковъ съ тѣмъ, какой былъ обыченъ при пользованіи лѣсомъ, лугами и пастбищами, и что наконецъ порядокъ пользованія самой пахотной землей представлялъ въ различныхъ деревняхъ весьма существенныя особенности.

Сводя вмѣстѣ всѣ частности по ихъ типическимъ чертамъ, мы можемъ безъ натяжки раздѣлить всѣ общинныя земли того времени на два разряда: 1) *на земли, находившіяся въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи нѣсколькихъ селеній* и 2) *на земли, состоявшія въ отдѣльномъ пользованіи каждаго селенія*. Общинныя земли первой категоріи сохранились въ XIV—XVI в. преимущественно на сѣверѣ Россіи. Предѣлы союзовъ селеній, владѣвшихъ и пользовавшихся этими землями, большею частью совпадаютъ только съ границами административныхъ округовъ — волостей и погостовъ [1]), что даетъ основаніе предполагать, что въ основаніи этихъ послѣднихъ первоначально лежало территоріальное начало, подъ вліяніемъ разныхъ неблагопріятныхъ условій, современемъ исчезнувшее въ большинствѣ мѣстностей и удержавшееся только

[1]) Погостомъ въ Новгородскихъ пятинахъ назывался такой же округъ, какой въ Московскихъ областяхъ назывался областью. Выраженія эти нерѣдко употребляются даже, какъ синонимы. Напр. при описаніи Холмскаго погоста 2-й половины Дерев. пятины волость и погостъ употребляются, какъ одинзначащія выраженія. Такъ, рядомъ съ выраженіемъ: «въ Холмской же волости, въ Лазаревскомъ стану Лукинскаго десятка» стоитъ: «въ Холмскомъ же погостѣ въ Лазаревскомъ стану, въ...»

на глухихъ окраинахъ. Поэтому мы будемъ называть эти земли волостными землями, а общины, владѣвшія ими, общинами — волостями, подводя подъ этотъ разрядъ и тѣ земли, которыя находились въ общемъ пользованіи двухъ, трехъ и болѣе селеній, не составлявшихъ волости.

Второй разрядъ общинъ мы будемъ называть общинами-деревнями, принимая деревню, вслѣдствіе наибольшей распространенности этого вида поселеній за типъ всѣхъ сельскихъ поселковъ.

Волости—общины по своему происхожденію относятся къ самому раннему періоду исторіи русскаго народа—ко времени первой культуры страны. Въ основѣ ихъ лежали первоначально родовыя отношенія [1]), впослѣдствіи уступившія мѣсто исключительно договорнымъ.

Степень культуры, на которой находился русскій народъ въ родовую эпоху, въ основѣ благосостоянія котораго лежали не столько земледѣліе, сколько скотоводство (на югѣ), рыболовство и охота, (на сѣверѣ), въ высшей степени благопріятствовала существованію подобныхъ обширныхъ общинныхъ союзовъ, обезпечивавшихъ каждому изъ своихъ членовъ вполнѣ удовлетворительное существованіе. Но союзы эти продолжали существовать и тогда, когда главнымъ источникомъ средствъ населенія сдѣлалось земледѣліе и когда исчезли всякіе слѣды родовыхъ отношеній, такъ какъ опытъ показалъ полнѣйшее соотвѣтствіе такого способа пользованія землей съ интересами каждой отдѣльной личности. Волостная община должна быть признаваема типомъ поземельнаго распредѣленія, наиболѣе близкимъ къ идеаламъ народа.

Мы встрѣчаемъ ее во всѣхъ тѣхъ русскихъ поселеніяхъ, которыя находились внѣ давленія Московскаго государства. Выше было сказано, что на сѣверѣ Олонецкой губерніи досихъ поръ существуютъ подобныя общины, состоящія изъ нѣсколькихъ деревень. Въ глубинѣ сѣверныхъ лѣсовъ Гакстгаузенъ нашелъ обширные поземельные союзы деревень, поль-

---

[1]) «Роды», упоминаемые въ лѣтописи Нестора, были первою стадіей ихъ развитія.

зующихся землей сообща, безъ раздѣла ея между селеніями. Но наиболѣе полнаго развитія достигли эти союзы въ казачьихъ поселеніяхъ, защищенныхъ отъ московскаго вліянія не только разстояніемъ, но и особыми условіями своего быта. Типическимъ примѣромъ казацкой волостной общины можетъ служить грандіозная община уральскихъ казаковъ, основанная въ XVI вѣкѣ русскими выходцами изъ Московской области и существующая въ нѣсколько измѣненномъ видѣ до сихъ поръ. Вся земля на пространствѣ 700—800 квадратныхъ верстъ, всѣ воды состоятъ здѣсь въ нераздѣльномъ владѣніи и пользованіи громаднаго населенія въ 50,000 человѣкъ.

Народные идеалы нашли здѣсь свободную почву для своего выраженія и осуществились поэтому въ формахъ быта гораздо полнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Всѣ мельчайшія подробности пользованія естественными богатствами: сѣнокосами, рыбными ловлями, лѣсомъ, подчинены здѣсь общему плану, въ основѣ котораго лежитъ принципъ равнаго удовлетворенія потребностей всѣхъ членовъ общины. Подобную же общину составляли еще не въ очень давнее время Донскіе казаки, въ бытѣ которыхъ до сихъ поръ сохранилось много слѣдовъ древняго общиннаго устройства.

По недостатку данныхъ, большая часть которыхъ относится къ тому времени, когда процессъ разрушенія древнихъ общинъ уже былъ въ полномъ развитіи, когда общинныя земли были розданы въ частное владѣніе, мы можемъ возстановить организацію общинно-волостныхъ союзовъ древней Россіи только въ главныхъ чертахъ. Какъ кажется, въ большинствѣ случаевъ они были весьма обширны [1]): лѣса находились иногда на разстояніи

[1]) Обрѣтеся (преподобный Димитрій), читаемъ въ житіи Димитрія Прилуцкаго, на пустѣ мѣстѣ, на рѣцѣ на Лежѣ и ту церковь постави. Ненавидяй же добра роду человѣчю діаволъ завистникъ подстрекаетъ люди неблаговѣрныя отъ прилежащія тамо веси, Авнега зовомыя, на святопомазанную главу ропотъ велій воздвигоша, глаголюще: отче, не угодно есть тебѣ и намъ твое здѣ пребываніе. Помыслиша бо въ себѣ, яко сей велій старецъ здѣ близъ насъ вселися, по малѣ же времени совладѣютъ нами и селы нашими. Святый же, слышавъ ненависть ихъ, уклоняется отъ злая». Подобный же случай разсказывается въ житіи Стефана Махрищскаго: «подстрекаетъ (діаволъ) лукавыя человѣки на святаго близъ живущихъ мона-

10 верстъ отъ усадьбы, которой они принадлежали. Границами ихъ служили естественные предѣлы, но во всякомъ случаѣ границы эти были опредѣлены и волости преслѣдовали ихъ нарушеніе. Часть волостныхъ земель находилась въ отдѣльномъ пользованіи селъ, деревень и починковъ, составлявшихъ волость, другая часть, незанятая никѣмъ, оставалась въ нераздѣльномъ пользованіи всей волости, которая въ лицѣ своихъ представителей и распоряжалась ею сообразно общимъ выгодамъ. Она раздавала земли новымъ поселенцамъ, желавшимъ жить въ ея предѣлахъ, предоставляя имъ не только равныя съ своими членами права на пользованіе пахатной землей и всѣми угодьями, но и оказывая помощь при первомъ обзаведеніи [1]) освобож-

---

стыря—Алексѣя глаголю и Өедора, Ивана же и Петра, иже глаголются *Юрцовскіе*; часто прихожаху въ монастырь, поносяше святому и которующе и смертью претяще, аще не отъидетъ отъ монастыря. Вѣдяху бо святаго почитаема отъ человѣкъ, паче же отъ самаго самодержца и великаго князя Димитрія, и мняху себѣ, яко имать владѣти селомъ ихъ и нивами. Онъ же отходитъ съ Григоріемъ ученикомъ своимъ и устремляются къ сѣвернымъ странамъ». Въ житіи Даніила Переяславскаго читаемъ: «владѣющіе въ селахъ близъ монастыря того съ оружіемъ и дреколями приходятъ и во оградѣ монастыря не дающе инокомъ земли копати, и съ прещеніемъ яко неволею, пророчествоваху святому, глаголюще: «почто въ нашей землѣ построилъ еси монастырь? или хощеши землями и селами нашими обладати?» «*Еже и сбыться послѣди*, замѣчаетъ составитель житія. О подобномъ же случаѣ разсказывается въ житіи Антонія Сійскаго. (Павловъ, Секуляризація церковныхъ земель стр. 20—21).

[1]) Такъ сотскій Таиренской волости, по согласію со всѣми крестьянами волости, далъ поселенцу Сидору Демидову 12 долю обжи на льготу: на два года онъ освобождался отъ всѣхъ государевыхъ податей, отъ дани, оброка и мірскихъ разрубовъ. Волощане отдали ему этотъ жеребій «со всѣми путики и съ ловищи и со всѣмъ угодьемъ, куды ходилъ топоръ, и соха и коса, и что къ тому жеребью изстари потягло» (А. Ю. № 175). Въ этомъ случаѣ поселенцу давался участокъ, бывшій уже прежде подъ обработкой, хозяйство на которомъ было уже подготовлено нѣсколько, такъ что поселенецъ могъ обойтись безъ помощи общины. Въ другомъ извѣстномъ намъ случаѣ надѣла землей, изъ той же волости поселенецъ получилъ вмѣстѣ съ такимъ же участкомъ земли, но вѣроятно болѣе запущеннымъ или совсѣмъ никогда не воздѣланнымъ, изъ волостного лѣсу хоромъ полъ-избы, полприруба, половину сѣнника и подклѣти, полмякинника «и со всѣмъ угодьемъ, куда топоръ, коса и соха ходила», но льгота отъ податей дана была ему всего на годъ (тамъ же № 187). По одной отводной грамотѣ, старый сотскій Гороховской волости, поговоря со всѣми волостными крестьянами, отдалъ крестьянину Нестеру Малахову участокъ земли, на которомъ онъ и

деніемъ отъ податей на два и болѣе лѣтъ, постройкой дома и т. д. Въ этомъ отношеніи она значительно отличается отъ нѣмецкой марки, отличавшейся большей замкнутостью относительно пріема новыхъ членовъ. Иногда волости находили болѣе выгоднымъ отдавать свои земли на условіяхъ аренды на опредѣленные сроки [1]). Подобно другимъ землевладѣльцамъ общины—волости заботились о расширеніи своихъ владѣній, пріобрѣтая новыя земли, чтобы такимъ образомъ обезпечить будущность слѣдующихъ поколѣній. Для этой цѣли онѣ или разчищали новыя земли въ дикихъ поляхъ и лѣсахъ, никому не принадлежавшихъ, или прикупали и вымѣнивали годные участки у частныхъ землевладѣльцевъ. Расчистка лѣсовъ и дикихъ полей была наиболѣе распространеннымъ способомъ увеличенія волостной территоріи, какъ можно заключить изъ обилія починковъ и выставокъ и ихъ постепеннаго распространенія въ глубь сѣверныхъ лѣсовъ. Но случаи прикупки и обмѣна земель бывали вѣроятно также нерѣдко, хотя въ актахъ находимъ лишь самыя незначительныя свѣдѣнія о подобныхъ случаяхъ [2]). Бывали случаи, что волость пріобрѣтала земли въ даръ отъ сосѣдняго землевладѣльца [3]). Наконецъ общины иногда силой отнимали и присоединяли къ своей территоріи земли какого нибудь сосѣдняго землевладѣльца, особенно монастырскія [4]).

поставилъ починокъ. Въ той же волости, Константинъ Симонскій, вѣроятно староста, «поговоря съ сотникомъ да съ сусѣды съ волостными съ Гороховскими, пожаловалъ Гаврилка съ братьею дубровою, лугомъ болоньею и деревнищами (пустыми деревнями), находившимися у той дубровы за рѣкой, со всѣмъ тѣмъ, что въ той дубровѣ изстари потягло (Бѣляевъ, о поземельномъ владѣніи въ древней Россіи, стр. 7).

[1]) Такъ староста Перевжской волости, вмѣстѣ съ крестьянами, отдалъ монастырскому слугѣ «съ подмощики» 2 пустоши на 10 лѣтъ за извѣстную арендную плату (Доп. къ актамъ историческимъ, т. I, № 83).

[2]) По одной разъѣзжей грамотѣ 1555 года староста, цѣловальники и всѣ крестьяне Масленской волости (въ нынѣшнемъ Кирилловскомъ у. Новгородской губ.) «промѣнили деревню пустую Корпово, деревню пустую Лудомѣхово, да деревню пустую Дыдыйцово и пр.» «А которые деревни промѣнили Масленскіе волости крестьяне Кирилова монастыря старцемъ... а мѣняли старцы и волостные крестьяне смотря по угодью промежь себя полюбовно» (А. Ю, № 151).

[3]) Такъ Строгановы подарили часть своего имѣнія сосѣдней волости.

[4]) Крестьяне Андомской волости (въ Никольскомъ погостѣ Обонѣжской

Но особенную энергію проявляли волости въ случаѣ нарушенія посторонними лицами ихъ поземельныхъ правъ. Тогда онѣ обращались ко всѣмъ находящимся въ ихъ распоряженіи средствамъ, прибѣгая нерѣдко и къ силѣ. Въ актахъ помѣщено нѣсколько процессовъ общинъ, которые онѣ вели, чрезъ своихъ выборныхъ, съ лицами оттягивавшими у нихъ земли предъ великокняжескими судьями, въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, безуспѣшно [1]).

Иногда же крестьяне предпочитали расправляться съ пришлецами собственными силами, дѣйствуя то угрозами, то оружіемъ и прогоняя ихъ даже и въ томъ случаѣ, когда они захватывали земли только граничащія съ волостью, изъ опасенія, основаннаго на опытѣ, чтобы впослѣдствіи не подверглись захвату и волостныя земли. Такіе случаи разсказываются въ житіяхъ нѣсколькихъ святыхъ.

При существованіи податной системы, основанной на обложеніи воздѣланной земли и на круговой порукѣ, общины

пятины), староста Третьякъ Жолвачовъ съ товарищами отняли «насильствомъ» половину поля у монастырской деревни Филиповской на Красной горѣ и только «по сыску великаго князя» велѣно было «старостѣ и всѣмъ крестьянамъ въ тое землю не вступатися, владѣти и пахати Спасскому игумену съ братьею по старинѣ, а великаго князя крестьянамъ въ тое монастырскую землю не вступатися». (Неволинъ, о пятинахъ, прилож 174 стр.).

[1]) Такъ «тягался Андрейко староста Залѣской и всѣ крестьяне залѣскіе съ старцемъ Касьяномъ. Такъ рекъ Андрейко: жалоба ми, господине, на того Касьяна, отнялъ, господине, у насъ тѣ наволоки овсянниковскіе земли, Долгой да Верхнее, а тѣ наволоки тянутъ къ нашей землѣ къ овсянниковской, къ тяглой, къ черной изстарины». (А. 10. № 4). Точно также тягались крестьяне Ликурской волости Мартынко Ларионовъ, Ермолка Ѳедоровъ и Онцифорикъ Оптоновъ «но всѣхъ крестьянъ мѣсто Ликурскіе волости» съ Некрасомъ и Дроздомъ, митрополичьими боярскими дѣтьми. На судѣ Мартынко да Онцифорикъ сказали «жалоба намъ, господине, на того Некраса: тѣ, господине, деревни и починки изстарины земли великого князя Ликурскіе волости тяглые наши» (А. 10. № 8, 1498—1505 г.). Точно также крестьяне Досломской волости тягались чрезъ своего старосту Оброску Кузмина съ приказщикомъ помѣщика Злобина (тамъ же, № 9, 1503 г.)- а крестьяне Минского стану чрезъ своего старосту Фрола Панкратьева и Конста Булгакова «тягались за свои тяглыя черныя земли съ митрополичьимъ посельскимъ (По невиданной грамотѣ, данной костромскимъ писцомъ Григорьемъ Романовичемъ Застольскимъ, приведенной въ извлеченіи Бѣляевымъ).

естественно должны были всѣми средствами предупреждать уменьшеніе пахатнаго и сѣнокоснаго района, такъ какъ въ противномъ случаѣ увеличилось бы бремя налоговъ на остальныя земли. При безпрерывномъ передвиженіи народа, при недостаткѣ рабочихъ, побуждавшемъ частныхъ землевладѣльцевъ употреблять для привлеченія крестьянъ изъ черныхъ волостей и отъ другихъ землевладѣльцевъ всевозможныя хитрости и силу, предупредить уходъ крестьянъ съ своихъ участковъ было для общинъ дѣломъ весьма труднымъ. Особенно трудно было оно въ концѣ XVI вѣка, когда большая часть общинниковъ, разоренная налогами и Ливонской войной, бѣжала куда глаза глядятъ, предоставляя тѣмъ, кто не могъ уйти, вносить до новой переписи подати за цѣлыя сотни пустыхъ деревень [1]), поступавшихъ снова въ распоряженіе волости. Понятно, въ виду этого, съ какою заботливостью должны были они отыскивать старыхъ жильцовъ для возвращенія ихъ на старыя мѣста и призывать новыхъ поселенцевъ. Правительство охотно поощряло столь выгодныя для него заботы общинъ, давая имъ право «безсрочно и безпошлинно» выводить своихъ крестьянъ изъ-за монастырей [2]), на земли и подъ защиту которыхъ преимущественно стекались крестьяне, находя здѣсь, вслѣдствіе свободы монастырскихъ земель отъ многихъ податей, болѣе справедливыя условія, чѣмъ у частныхъ землевладѣльцевъ.

Таковы были автономныя волостныя общины на окраинахъ.

---

[1]) Такъ въ 70-хъ годахъ 16 столѣтія въ Черной волости Обонежской пятины при 24 деревняхъ жилыхъ было 13 пустыхъ деревень т. е. треть волости ушла. (Невол. Прилож. 171). Въ Андомской волости на 158 деревень жилыхъ приходилось семь деревень пустыхъ и 81 пустошь «что были деревни» (тамъ же, 174 стр.). Въ Черной волости въ Никольскомъ погостѣ въ Пудочѣ той же Обон. пятины было 130 деревень «въ живущемъ» 9 деревень пустыхъ и 50 пустошей (тамъ же, 179) Въ Мегорскомъ погостѣ на 160 деревень и 7 починковъ жилыхъ было 22 деревни и 2 починка и 69 пустошей (тамъ же 178). Въ Ильинскомъ погостѣ въ Вѣницахъ было 159 деревень да починокъ жилыхъ, 19 деревень пустыхъ и 50 пустошей, на которыхъ исчезали уже всякіе слѣды жилья.

[2]) «Въ пустые деревни, и на пустоши, и на старыя селища крестьянъ называть и старыхъ имъ тяглецовъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажать ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревнѣ жилъ прежде того. (А. А. Э. т. I. № 234. 1552 г.).

Во внутреннихъ уѣздахъ онѣ исчезли уже задолго до 16 столѣтія и раздробились на отдѣльныя поселки. Главнѣйшей причиной ихъ исчезновенія здѣсь слѣдуетъ считать раздачу великими князьями волостныхъ (черныхъ) земель въ помѣстья и вотчины служилымъ людямъ и притомъ безъ всякаго соотвѣтствія съ предѣлами волостей и даже деревень, такъ что одна волостная территорія или деревня раздѣлялась часто между многими владѣльцами [1]). Административное дѣленіе на волости и станы, основаніемъ для котораго служили не поземельныя отношенія селеній, а удобства управленія, было также одной изъ важныхъ причинъ исчезновенія волостныхъ общинъ. Однакожъ, не смотря на всѣ эти неблагопріятныя условія въ XV—XVI вв., повсюду можно было встрѣтить обломки прежнихъ волостныхъ общинъ въ видѣ небольшихъ группъ пограничныхъ между собою деревень, пользовавшихся сообща угодьями. Нѣкоторыя изъ подобныхъ группъ удержали въ нераздѣльномъ пользованіи луга [2]), но

[1]) Объяснить этотъ фактъ какими-нибудь естественными причинами по нашему мнѣнію невозможно. При увеличеніи населенія, путемъ ли возрастанія народонаселенія или эмиграціи, конечно съ каждымъ новымъ поселкомъ должно было уменьшаться пространство угодій, находившихся въ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ деревень волости, но при обиліи земель весьма рѣдки должны были быть случаи, когда населеніе волости увеличивалось до такой степени, при которой являлось необходимостью выдѣленіе въ отдѣльное пользованіе деревенскихъ общинъ всѣхъ волостныхъ угодій. Между тѣмъ только въ такомъ случаѣ возможно было бы естественное разрушеніе общей связи между селеніями волости.

[2]) Вотъ нѣсколько примѣровъ. По перечисленіи деревень, расположенныхъ вокругъ села Озерка, писецъ, описывавшій въ 1570 году Коломенскій уѣздъ, замѣчаетъ, «что сѣно у села и деревень вопче» и затѣмъ обозначаетъ пространство и границы луговъ. Точно также въ писцовой книгѣ Тверскаго у. 1546 г. находимъ: «да къ тому же сельцу и въ деревнямъ пожни отхожіе... да другой покосъ подъ хотиницымъ»; или по описаніи села Татарова (Суздальскаго уѣзда Стародубо-Ряполовскаго стану) съ нѣсколькими тянувшими къ нему деревнями, пустошами и сельцами и сельца Заражскаго писецъ, обозначивши предварительно количество пашни и лѣсу, находившееся въ отдѣльномъ пользованіи каждаго поселка, прибавляетъ: «А угодей къ селу Татарову да къ сельцу Заражью: лука Калемба да лука Старица, въ обѣихъ лукахъ сѣна 83 копны, да въ тѣхъ же лукахъ 2 озерка: озерко Калемба да озерко Старица и тѣ луки съ Покровскимъ монастыремъ *вопче*; да подъ тѣмъ же селомъ озеро Еуфимьево, а рѣчка въ него вилая Просья, лѣсу непашеннаго вдоль на версту, а поперегъ на пол версты». Совершенно также 4 луки въ отхожихъ лугахъ по рѣкѣ Клязьмѣ.

такіе случаи весьма рѣдки и преимущественно относятся къ поемнымъ лугамъ. Гораздо болѣе удобствъ представляетъ общественное пользованіе пастбищами. Бывали случаи, что крестьяне нѣсколькихъ деревень, расположенныхъ на земляхъ разныхъ владѣльцевъ, не связанные между собою ничѣмъ, удерживали, тѣмъ не менѣе, пастбища въ общемъ пользованіи [1]). Примѣры эти доказываютъ безъ всякаго сомнѣнія крѣпкую привязанность русскаго народа къ древнему общинному пользованію, которая не уступала даже разрушительному вліянію раздѣла волости на совершенно отдѣльныя другъ отъ друга имѣнья.

Всего чаще удерживались въ нераздѣльномъ пользованіи лѣса, которыми была покрыта въ ту пору большая часть пространства Сѣверной Россіи. Часть ихъ состояла въ отдѣльномъ пользованіи деревень, другая оставалась въ пользованіи цѣлой группы ихъ. О волостныхъ лѣсахъ мы находимъ въ источникахъ гораздо болѣе свѣдѣній, чѣмъ о другихъ видахъ угодій [2]).

и 3 озерка состояли въ нераздѣльномъ пользованіи селъ Пантелѣева и Хмѣловутова съ ихъ деревнями; сосѣднее съ ними село Шустово съ своими деревнями составляли также группу, пользовавшуюся «вопче пожнями и озерками». Срав. Пис., кн. Вотской пятины стр. 298.

[1]) Такъ въ 1555 г. крестьяне Альменской волости 18 деревень разныхъ владѣльцевъ: княжихъ, монастырскихъ и церковныхъ имѣли свои поскотинныя земли, за которыя и тягались съ Дмитріемъ Нефедовымъ, отгородившимъ ихъ къ своему имѣнью (А. отн. до юр. быта Россіи. стр. 217).

[2]) Въ спорѣ крестьянъ Славенскаго волочка съ Кирилловымъ монастыремъ одинъ изъ истцовъ, жалуясь на то, что Кирилловскіе отводчики несправедливо отвели его починокъ къ монастырской землѣ говоритъ: «а мнѣ, господине, тотъ лѣсъ дала волость, старосты съ крестьяны» (А. Ю. № 6). Писецъ, описывавшій Коломенскій уѣздъ, перечисливши въ Каневскомъ стану село съ 10 деревнями и пустошами и обозначивши количество пашни, перелогу, лѣсу и сѣна, въ заключеніе прибавляетъ: «лѣсъ у села и деревень вопче». Далѣе такимъ же образомъ описывается еще нѣсколько деревень и 2 пустоши съ тѣмъ лишь различіемъ, что лѣсъ не означается отдѣльно при каждой деревнѣ, такъ какъ онъ находился въ общемъ пользованіи, на что и указываетъ конецъ описанія «лѣсъ у села и деревень вопче». Въ пошехонскомъ у. въ Вольской волости описаніе одной группы селеній писецъ оканчиваетъ такой замѣткой: «да подъ тою же деревнею (Рокоуоно) лѣсъ большой бревеной ко всѣмъ троицкимъ—деревнямъ вопче и сшелся тотъ лѣсъ смежно государевыхъ дворовыхъ деревень Вольского уѣзда, а сколько того лѣсу десятинъ и верстъ того невѣдомо, *владѣютъ тѣмъ лѣсомъ съ*

Точно также озера, рѣки съ рыбными ловлями, имѣвшими важное значеніе, во многихъ мѣстностяхъ весьма часто находились въ нераздѣльномъ пользованіи цѣлыхъ волостей или

низовыми деревнями вопче, а разъѣздъ детому лѣсу не бывалъ, и межъ старыхъ нѣтъ, и нынѣ въ обѣ стороны крестьяне кому межъ ими тотъ лѣсъ разъѣхати старожильцевъ не сказали». Это мѣсто поясняетъ смыслъ слова *вопче*, которое обозначаетъ не итогъ, подведенный писцомъ лѣсамъ отдѣльныхъ деревень, а именно указываетъ на общинное пользованіе ими. Въ описанномъ случаѣ лѣсъ, подобно пастбищамъ Альменской волости, состоитъ въ общемъ пользованіи монастырскихъ и государевыхъ деревень, составлявшихъ, вѣроятно, прежде одну волость. Въ помѣщичьемъ селѣ Шматовѣ съ деревнями (Колом. у. Каневскаго стану) каждый изъ поселковъ пользуется отдѣльно отъ другихъ извѣстнымъ количествомъ пашни, перелогу, пашни поросшей кустаремъ, сѣна и пашеннаго лѣсу и кромѣ того въ общемъ пользованіи всей группы находится «лѣсу чернаго у села и деревень поверстнаго отъ Черной Березны по большую дорогу по Велинскую въ длину четыре версты, а поперекъ двѣ съ четвертью версты». Подобныхъ случаевъ мы встрѣтили множество въ писцовыхъ книгахъ какъ сѣверныхъ, такъ и центральныхъ уѣздовъ: напр. «лѣсу непашеннаго *у села* (Коркмазова) *и у деревень вопче* въ длину 6 верстъ, а поперекъ 2 версты». «Лѣсу болото вопче съ Горками в съ деревнями въ длину на 2 версты, а поперекъ на полверсты». У деревни Пронинской, бывшей починкомъ, «лѣсъ *вопче* съ сосѣднимъ починкомъ вдоль верста, а поперекъ полверсты» или: «да къ тѣмъ же деревнямъ лѣсишко на Вочковѣ болотѣ», въ другомъ мѣстѣ: да къ тѣмъ же деревнямъ и къ сельцу къ Петрову лѣсу озерника 5 четы»; или «къ селу и деревнямъ рогу и отхожей въ бревно 20 десятинъ, въ жердь колъ 50 десятинъ». Въ Медушскомъ стану Владим. у. монастырскіе сельцо Козлово и деревня пользуются отдѣльно пахатной землей и сѣнокосомъ, но «лѣсъ непашенный боръ вдоль на 2 версты, а поперекъ на версту» находится въ нераздѣльномъ ихъ пользованіи. Прежде въ этотъ союзъ входило еще 13 деревень, которыя теперь были пусты. Сельцо и двѣ деревни въ Краснинской волости того же уѣзда и стану при отдѣльныхъ пашняхъ и лугахъ имѣютъ «лѣсу вобче у всѣхъ деревень болота 4 десятины». По описаніи вотчинныхъ 1 сельца и двухъ деревень въ другомъ мѣстѣ писецъ замѣчаетъ: лѣсу непашеннаго *вобче съ деревнями межъ вотчины* вдоль на 2 версты, а поперекъ на версту». Число подобныхъ примѣровъ можно было бы увеличить до значительной степени, если бы не было достаточно уже приведенныхъ. Въ томъ же смыслѣ надо понимать выраженія въ родѣ: «*межъ деревень* лѣсъ мочерника». Иногда даже цѣлыя волости пользовались лѣсомъ сообща, именно на сѣверѣ. Напр. въ Михаловскомъ погостѣ Обонежской пятины двѣ волости: одна дворцовая, состоявшая изъ 20 деревень и 2 пустошей, другая конюшаго пути, заключавшая въ себѣ 156 жилыхъ деревень, 13 пустыхъ и 14 пустошей, владѣя отдѣльно землею и рыбными ловлями, владѣли и пользовались «вопче» поверстнымъ лѣсомъ «хоромнымъ и дрованымъ», который занималъ, какъ кажется, значительное пространство, такъ какъ шелъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Олонца и по рѣкѣ Мегречѣ.

по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе значительной группы селеній [1]).

Надо полагать, что нѣкогда онѣ составляли одну волость, но потомъ, со взятіемъ одной части въ дворцовое вѣдомство, а другой въ конюшій путь, она раздѣлилась на двѣ, удержавшія въ общемъ пользованіи только лѣсъ. (Ср. Нев. Прилож. 141, 161).

[1]) Такъ напр. о той же черной волости Михаловскаго погоста Обонежской пятины, о которой шла рѣчь въ предыдущемъ примѣчаніи, по перечисленіи деревень, входившихъ въ составъ ея, писецъ замѣчаетъ: «А угодья *у тѣхъ деревень* отъ Перниньскаго ручья отъ верху внизъ по рѣкѣ по Сестрицѣ по обѣ стороны и до Волхова пашенные и непашенные земли въ длину на 2 версты. да островъ Боръ въ длину на версту, да полмѣста вешнія рыбныя ловли въ озерѣ въ Ладожскомъ, да островъ Зеленое лѣсу непашеннаго мху и болота, въ длину на 3 версты; да въ озерѣ въ Ладожскомъ на сельцы полмѣста вешнія рыбныя ловли (Нев. 141) 20 деревень, составлявшихъ дворцовую Олонецкую волость, равно какъ 156 деревень, входящихъ въ составъ сосѣдней волости конюшаго пути, имѣли каждая волость отдѣльно въ общемъ пользованіи всѣхъ деревень рыбныя ловли (Нев. 150). О волости Стержнѣ см. Дер. II, 701). Во владычней волости Рождественскаго погоста рыбныя ловли были общественнымъ достояніемъ всѣхъ деревень (Пр. 156). Прибужская черная волость, иначе называемая погостомъ, заключавшая въ себѣ 1 погостъ, 3 сельца, 73 дер., починокъ и 42 пустоши, сообща пользовалась перевозомъ на рѣкѣ Плюсѣ и 12 озерками лѣшими, за рыбную ловлю въ которыхъ она платила оброкъ 10 денегъ «А платити тотъ оброкъ и пошлины всѣмъ Прибужскимъ погостомъ» (Прил. Нев. 380 стр.). Волость Шуя владѣла рыбной ловлей, озерами и рѣчками (Ibid. 161). Въ Спасскомъ погостѣ, заключавшемъ въ себѣ помѣщичьи, церковныя и порожнія земли, въ Молодилѣ 9 озеръ было во владѣніи только этого погоста, а одно Хвощно принадлежало ему «вопче» съ Шереховскимъ погостомъ (Нев. Прил. 293. Ср. 296, 380). Жители черной волости на Вытегрѣ пользовались рыбною безоброчною ловлею въ ручьѣ Верхучей (178). Самая рѣка Вытегра находилась въ общемъ пользованіи крестьянъ Царя и Вел. князя и монастыря Спаса Хутыни за годовой оброкъ царю въ 9 алтынъ и 2 деньги (176). При описаніи помѣстій, угодья приписываются не къ помѣщику и не къ отдѣльнымъ деревнямъ, а къ цѣлому помѣстью. Напр. по перечисленіи 11 деревень съ сельцомъ и 7 вопчихъ деревень, отданныхъ Гагарину въ Вотской пятинѣ въ Будновскомъ погостѣ относительно угодій писецъ прибавляетъ, что «угодей у той волости озеро Хвойно, а сквозь его течетъ рѣка Ередежъ, а ловятъ въ немъ всякую рыбу бѣлую неводомъ да въ Моллосовѣ озерѣ половина, а ловля въ немъ неводная же». Слова «ловятъ» относятся вѣроятно ко всѣмъ жителямъ волости (II. кн. Вотской пят. 811, Ср. Нев. Прил. 54). При раздачѣ извѣстной дачи въ помѣстье разнымъ лицамъ, угодье переходило въ общее пользованіе совмѣстныхъ владѣльцевъ цѣлой дачи. Такъ въ Никольскомъ погостѣ Бѣлецкой пятины въ Шереховицахъ 5 озеръ во владычней дворцовой и помѣщичьей волости принадлежали вопче помѣщикамъ и земцамъ (Нев. прилож. 284. Ср. II. кн. Дер. пят. о волости

Ясны также слѣды общаго владѣнія *бортными ухожаями*. Такъ село Татарово Суздальскаго уѣзда вмѣстѣ съ нѣсколькими деревнями, тянувшими къ нему, владѣло бортнымъ ухожаемъ, съ котораго оно платило въ монастырь оброку 20 алтынъ съ гривной; кромѣ того этой же группѣ принадлежали еще 2 ухожая, отдававшіеся изъ оброка тому же товариществу изъ 4 крестьянъ разныхъ деревень [1]). *Волоки*, перевозы (Нев. Прил. 379), находились также въ нераздѣльномъ владѣніи многихъ селеній или цѣлыхъ волостей [2]). Наконецъ всего менѣе можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что *мохъ*, употреблявшійся въ большомъ количествѣ для мшенія избъ, могъ быть собираемъ каждымъ въ любой мѣстности, кому бы она ни принадлежала (Писц. кн. Сузд. у. 1578 г.).

Совершенно свободной была также и охота. Каждый могъ охотиться повсюду, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ заказныхъ мѣстъ, о которыхъ впрочемъ нигдѣ нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Только при Петрѣ I-мъ являются ограниченія права охоты въ пользу землевладѣльцевъ. Точно также въ XVI в. нѣтъ указаній на какія-либо ограниченія вольнаго пользованія рудами. Впрочемъ, уже въ эту пору встрѣчаются случаи, что землевладѣльцы берутъ за право пользованія рудой извѣстный оброкъ [3]). Но обыкновенно рудные залежи состояли въ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ жителей извѣстной волости [4]).

Велик. На это же указываютъ безпрестанно встрѣчающіяся выраженія «а угодья у тѣхъ деревень въ озерѣ... два жеребья»).

[1]) Соляныя варницы, напр. въ Ненoксѣ, находились въ общемъ пользованіи многихъ совладѣльцевъ разныхъ мѣстностей и званій (Сборникъ свѣд. объ артеляхъ въ Россіи вып. 2. стр. 140), называвшихся «сябрами». Впрочемъ здѣсь надо видѣть скорѣе товарищество, чѣмъ общину.

[2]) Такъ на Вытегрѣ Нѣмецкій волочекъ состоялъ въ общемъ пользованіи крестьянъ Царя и Велик. князя Покровскаго погоста, которые, платя извѣстный оброкъ и пошлину съ этого оброка, провозили по немъ соль и всякій товаръ. Въ писцовой книгѣ перечисляется группа селеній, имѣвшихъ право на пользованіе волочкомъ, и дѣлается оговорка, что иные крестьяне никто волоку не возятъ (Нев. прил. 176).

[3]) П. кн. Вот. пят. 540, 529.

[4]) Пустой дворъ на пріѣздъ выборнымъ головамъ (прил. 140). Да на погостѣ дворъ волостной сулецкихъ татаръ и крестьянъ на пріѣзды (ibid. 315).

Здѣсь нелишне замѣтить также, что въ общемъ владѣніи волости кромѣ земли состояли еще и другіе виды имуществъ: тамъ были волостные дворы [1]). Встрѣчается немало волостей, которыя владѣли нераздѣльно нѣсколькими перечисленными видами угодій вмѣстѣ, какъ напр. Черная волость Михаловскаго погоста и другія.

Погосты Новгородской области, соотвѣтствовавшіе по своему административному значенію волостямъ московскихъ уѣздовъ, подобно имъ, составляли прежде общины, т. е. поземельные союзы поселковъ, слѣды которыхъ находимъ еще въ XV и XVI вѣкахъ [2]).

Стремленіе организоваться въ подобные поземельные союзы было такъ всеобще, что даже сотни и десятки, имѣвшіе первоначально чисто военное значеніе, развивались въ волостныя общины. Такъ, напримѣръ, Сумерская волость, населенная пахатными солдатами, составляла прочно организованную общину [3]).

---

[1]) На что указываютъ отчасти выраженія въ родѣ «а домница у нихъ одна, а руду копаютъ у себя (ibid 536, 537), а угодій въ той волости 15 домницъ,» слѣдующія за перечисленіемъ нѣсколькихъ селеній.

[2]) Такъ по одной мировой грамотѣ Шенкурскій погостъ имѣлъ въ своемъ общемъ владѣніи «земли и воды и лѣсы и лѣтніи рѣки, и мхи и озера, и сокольи гнѣзда» (А. ю. стр. 269). Такія земли нерѣдко описываются въ писцовыхъ книгахъ; такъ у Неволина (приложеніе 339) описываются «порожжія земли и угодья погоста». Рутеньевскій погостъ отдавъ жителямъ сосѣдняго рядка селицо для пашни на разъемъ за оброкъ въ волость гривну и 5 денегъ» (Прим. 200); съ погостомъ и волостью имѣетъ много сходства псковская губа. Въ грамотѣ 1505 г. сказано: «пожаловалъ есмя и Бориса Захаровича Бороздина въ Новоторжскомъ у. въ Жолинской губѣ селомъ Ганшинымъ 3 деревнями» (А. А. Э. т I, № 141) — тотъ же способъ выраженій, что и относительно волости. Весьма вѣроятно, что губы были прежде поземельными общинами. По псковской судней грамотѣ господинъ не могъ продать земли, оставленной крестьяниномъ безъ приглашенія старостъ той губы, гдѣ было его имѣніе «и по государю у князя и посадника взять пристава, да и старостъ губскихъ позвати» (Псковская судная грамота стр. 12).

[3]) Угодья описываются въ писцовыхъ книгахъ, какъ принадлежность цѣлой волости «а рыбныя ловли на озерахъ (Сумѣ, Долгово и друг.) и рѣчкахъ оброку платити всѣмъ Сумерскіе волости и Старополья крестьянамъ — 3 рубля» — оброкъ за угодья платится всей волостью, между тѣмъ какъ другія подати отбываетъ каждая сотня отдѣльно. Точно также волостью платили оброки за опустѣвшіе участки «по своему уговору съ выти по осминѣ ржи» и вообще «*крестьяне Сумерской волости* (всей) верстались въ оброкахъ

Она дѣлилась на 5 частей, называвшихся сотнями и составлявшихъ, какъ кажется, также поземельные союзы нѣсколькихъ поселковъ [1]). Сумерская волость не была одиночнымъ явленіемъ. Великокняжеская волость Морева, волость Велиля, Холмскій погостъ, судя по ихъ дѣленію на десятки, обнаруживаютъ военное происхожденіе, но въ тоже время образуютъ волостныя общины. Земли каждаго десятка, въ которыхъ было отъ 6 до 16 поселковъ, состояли въ общемъ владѣніи всѣхъ его жителей и назывались «десятскими землями» [2]). Собранныя нами данныя, какъ они ни отрывочны, даютъ однакожъ полное основаніе предполагать существованіе въ древнюю пору волостныхъ общинъ во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, на подобіе тѣхъ, которыя сохранились въ XVI в. на окраинахъ. Но съ развитіемъ помѣстнаго и вотчиннаго права, онѣ разруши-

промежъ себя самихъ, смотря по промысламъ и по животамъ». (Прил. 131). Волость также владѣла непашеннымъ лѣсомъ, оставшимся за выдѣломъ лѣса каждой сотнѣ. Наконецъ всѣ общія дѣла волость вела чрезъ представителей цѣлой волости. Такъ, когда писцы въ 1627 г. «писали и мѣрили въ ихъ Сумерской волости», то крестьяне, желая получить свѣдѣнія «сколько въ которой выти объявилось вытей живущею и пустою», уполномочили крестьянина Гаврилку Трофимова бить челомъ предъ государемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Θеодоровичемъ о выдачѣ имъ списка съ сотной (т. е. съ переписной книги) за подписью дьяка.

[1]) Одна изъ пяти сотень, Осминская, заключаетъ въ себѣ село съ церковью и причтомъ, 36 деревень, тянувшихъ къ этому селу, въ которыхъ 127 жилыхъ дворовъ «а во дворѣхъ людей и крестьянъ и ихъ братьи и дѣтей и племянниковъ и внучатъ и зятьи и со льготами 275 человѣкъ, да подсусѣдниковъ 6 человѣкъ бобылей, 7 дворовъ бобыльскихъ съ 7 человѣкъ бобылями, 3 двора пустыхъ крестьянскихъ, 40 мѣстъ, гдѣ стояли прежде дворы, 1 пустую деревню, пустое селище 16 пустошей, дворъ пустой крестьянскій, 22 мѣста пустыхъ дворовыхъ. Судя по тому, что непашенный лѣсъ отмѣривается не для каждой части сотни отдѣльно, а для цѣлой сотни верстами (какъ напр. въ Осминской сотнѣ) «лѣсу непашенново поверстново въ длину на 12 верстъ, а поперекъ на 8 верстъ безъ чети версты» можно думать, что лѣсъ находился въ нераздѣльномъ пользованіи сотень, составлявшихъ такимъ образомъ волостныя общины.

[2]) «А дьякъ Никольскій Ивашко пашетъ землю Одоевскаго десятка, а даетъ оброку 10 гривенъ». Дворъ другаго дьячка былъ построенъ на землѣ Крюковскаго десятка. Дворы двухъ поповъ стояли на погостѣ на волостной землѣ Жабенскаго десятка. Изъ этого видно, что и усадебная земля погоста, главнаго селенія волости, дѣлилась по десяткамъ. Каждый десятокъ имѣлъ здѣсь особенные дворы: дворъ десятка погостьскаго, и друг. (П. К. Дер. пят. II. 703).

лись въ большей части Россіи, превратившись въ чисто административныя единицы и оставивши по себѣ лишь незначительные слѣды въ видѣ небольшихъ группъ сосѣднихъ поселковъ, соединенныхъ общимъ пользованіемъ однимъ и нѣсколькими видами угодій. Въ этомъ отношеніи Россія представляетъ поразительное сходство со многими другими странами. Исторія поземельнаго владѣнія въ Индіи, Скандинавіи, Германіи, Англіи, Швейцаріи и другихъ странахъ началась съ распредѣленія земли между деревнями и съ образованія ими поземельныхъ союзовъ. Съ усиленіемъ личнаго землевладѣльческаго элемента, вслѣдствіе раздачи земель дворянамъ и духовенству королями, вслѣдствіе произвольныхъ захватовъ землевладѣльцами общинныхъ земель, союзы эти повсюду почти разрушились [1]), сохранившись лишь въ такихъ уединенныхъ мѣстностяхъ, какъ кантонъ Ури, и теперь еще составляющій одну марку, на пространствѣ которой каждый общинникъ пользуется свободно правомъ пользованія землей. Въ Индіи первобытныя общины уцѣлѣли только въ Пенджабѣ; въ другихъ же частяхъ онѣ были насильственно разрушены англичанами, завоевавшими Индію въ половинѣ прошлаго столѣтія [2]). Разрушеніе общинъ шло тѣмъ быстрѣе, чѣмъ сильнѣе было вліяніе дворянства. Въ Англіи, классической странѣ феодализма, не умѣряемаго здѣсь даже центральной властью, и буржуазіею, въ лицѣ парламента управлявшей страной, общинныя земли были расхищены землевладѣльцами уже въ XVI в. Въ Германіи для совершеннаго уничтоженія общинъ, обнаружившихъ замѣчательную живучесть, потребовались соединенныя усилія феодализма, королевской власти и политико-экономической науки. Въ Швейцаріи древнія марки сохранились главнымъ образомъ лишь потому, что феодализмъ введенъ былъ здѣсь довольно поздно,

---

[1]) Исторія разрушенія англійскихъ общинъ изложена у Nasse и Мэна. Исторія германской марки представлена во всей полнотѣ у Маурера. О швейцарскихъ общинахъ много интересныхъ свѣдѣній у Маурера и особенно у Лавеле. «Первобытная собственность». О Скандинавской общинѣ: Hertig de rebus agrariis Suecicis et Danicis Berolini 1868.

[2]) Мэнъ, Деревенскія общины. Кэмбель, Поземельная система Индіи въ Сборникѣ Лесли: Владѣніе и пользованіе землей въ различныхъ странахъ.

никогда не имѣлъ сколько-нибудь важнаго значенія и къ концу среднихъ вѣковъ совершенно исчезъ.

По своимъ причинамъ и по первоначальнымъ фазисамъ, процессъ разрушенія волостныхъ общинъ въ Россіи совершенно тожественenъ съ подобнымъ же процессомъ на Западѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь землевладѣлецъ, захватывая въ свою власть всю, незанятую жителями, часть дачи и оставляя деревнямъ лишь ближайшіе къ нимъ участки земли, сразу уничтожалъ всякую связь не только между деревнями, вошедшими въ помѣстье, и деревнями одной и той же волости, оставшимися за предѣлами его, но и между деревнями своего помѣстья. Но въ дальнѣйшихъ стадіяхъ развитія процесса сходство исчезаетъ. Между тѣмъ какъ въ Германіи результатами раздробленія марокъ было исчезновеніе общиннаго землевладѣнія и образованіе на общинной землѣ обособленныхъ подворныхъ участковъ, а затѣмъ неравенство ихъ вслѣдствіе раздѣла между наслѣдниками, добровольнаго и принудительнаго отчужденія, у насъ съ разрушеніемъ волостныхъ союзовъ общинное землепользованіе не прекратило своего существованія, а получило лишь новую форму. Теперь каждый отдѣльный поселокъ, весьма значительно зависѣвшій прежде въ распоряженіи своей землей отъ той волости, въ составъ которой онъ входилъ [1]), сталъ составлять самостоятельную независимую общину, пользующуюся своей землей отдѣльно отъ другихъ и распоряжающуюся ею по своему усмотрѣнію. Этотъ новый типъ общиннаго пользованія землей мы будемъ называть *деревенской общиной*.

Въ составъ каждой деревенской общины, какъ бы она ни называлась (выставка, починокъ, деревня, сельцо, село, погостъ, слобода, ямъ, рядокъ) входили однѣ и тѣ-же части: 1) группа дворовъ, 2) пахатная земля и сѣнокосы, 3) лѣсъ и другія угодья.

---

[1]) Призывъ жильцовъ на опустѣвшіе участки зависѣлъ прежде отъ волости. Точно также согласіе волости нужно было при передачѣ земли наслѣднику «и мы (черные люди Гороховской волости) на томъ третьемъ полѣ той деревни Дубровки на деревнищахъ посадили Данилка Гаврилова сына Кухмирева, гдѣ прежде того отецъ его живалъ, а тому два годы». (Бѣляевъ, О поз. влад. стр. 8).

Каждому крестьянскому двору принадлежала часть усадебной земли, извѣстное пространство полей и право на участіе въ общихъ лугахъ, пастбищахъ, водахъ, дорогахъ и остальныхъ угодьяхъ, находившихся въ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ жителей сонмѣній. Каково было устройство деревенской общины въ описываемое время,—на этотъ вопросъ можно отвѣтить лишь въ общихъ чертахъ. Существенное значеніе должны бы были имѣть въ этомъ отношеніи большая или меньшая плотность населенія, способъ его разселенія, обиліе земли и, наконецъ, система земледѣлія. Условія эти были не одинаковы въ различныхъ мѣстахъ взятой нами мѣстности, и, вслѣдствіе этого, способъ и степень ограниченія правъ отдѣльной личности должны были быть также весьма различны. Чѣмъ больше было земли сравнительно съ потребностью въ ней, чѣмъ менѣе она различалась по своему плодородію и чѣмъ незначительнѣе было населеніе, разсѣянное мелкими поселками, тѣмъ менѣе община имѣла повода ограничивать права личности, и каждый крестьянинъ могъ до какой ему было угодно степени расширять свое хозяйство не только безъ всякаго вреда для своихъ сообщниковъ, но даже съ пользой для общины, пріобрѣтавшей при расчисткѣ новой земли новыя средства къ платежу налоговъ. Каждый общинникъ естественно старался удерживать въ своемъ пользованіи участокъ, расположенный вблизи его двора, предпочитая удобства положенія даже большему плодородію отдаленныхъ полосъ. При такихъ условіяхъ ни передѣлы, ни принудительная система хозяйства не могли имѣть мѣста. Съ увеличеніемъ населенія, съ расширеніемъ размѣровъ селеній и возвышеніемъ цѣнности земли, община, напротивъ, необходимо должна была прибѣгнуть къ ограниченію своихъ членовъ для охраненія ихъ взаимныхъ интересовъ, такъ какъ каждый желалъ получить участокъ изъ наиболѣе плодородной и ближе расположенной части общинной земли. Вслѣдствіе такого различія условій, въ однѣхъ деревняхъ крестьяне пользовались своими участками постоянно и неограниченно, такъ что могли передавать ихъ своимъ наслѣдникамъ, закладывать, продавать (въ древнерусскомъ смыслѣ), не говоря уже о томъ, что были полными хозяевами и могли

воздѣлывать землю, какъ находили нужнымъ. Въ актахъ весьма часто упоминается о сторожильцахъ, жившихъ на одномъ и томъ же участкѣ впродолженіе всей своей жизни. Подобный способъ подвижнаго общиннаго владѣнія былъ распространенъ особенно въ области Сѣверной Двины. Въ другихъ деревняхъ, находившихся въ мѣстностяхъ гуще населенныхъ, гдѣ, вслѣдствіе отсутствія большихъ запасовъ незанятой земли, являлась необходимость въ болѣе тщательной обработкѣ ея и въ замѣнѣ подсѣчной системы болѣе интенсивной, трехпольной, общинное землевладѣніе приняло форму близко подходящую къ современной, съ общей принудительной системой хозяйства и вообще съ болѣе строгимъ ограниченіемъ правъ личности. Вотъ описаніе одной деревенской общины, Ужинскаго погоста Шелонской пятины, по писцовой книгѣ этой пятины 1500—1501 года. Погостъ этотъ былъ расположенъ на Ильменѣ и принадлежалъ Великому князю. Въ немъ жили въ это время 90 дворовъ тяглыхъ и 13 дворовъ бобылей. Главнымъ занятіемъ жителей было рыболовство, но въ тоже время они занимались и земледѣліемъ. Всѣ 90 дворовъ высѣвали «въ сухіе лѣта, коли вода мала» 27 коробовъ ржи (по 1 коробу на дворъ) «да они жъ *пашутъ* у погоста въ полѣ на водопойнѣ на пазбѣ *90 участковъ полосами*, а сѣютъ на тѣхъ участкахъ 90 коробовъ овса коли вода борзо сойдетъ; да у нихъ же 90 участковъ, *кошенныхъ полосами же*, а ставится на тѣхъ на всѣхъ участкахъ сѣна 2700 копенъ, *на участокъ по 30 копенъ*». Кромѣ того, скашивалъ «вопче съ Взважанами 1000 копенъ» (Арх. М. Юст. № 706, л. 50—51). Въ одной платежной книгѣ 1859 года опредѣляются нѣкоторыя подробности древняго общиннаго устройства. «А землями и луги и лѣсомъ и всѣми угодьи верстатися крестьяномъ (села Едимонова) межь себя самимъ полосами на всякую выть по ровну, а не черезъ землю, чтобы крестьянамъ межь себя спору и брани не было ни которыми дѣлы» (Рус. Бесѣда, 1856, т. 2). Не ограничиваясь этими данными, мы постараемся собрать всевозможныя данныя для доказательства повсемѣстности существованія деревенской общины, такъ какъ относительно этого пункта высказывалось въ литературѣ особенно много

сомнѣній. Въ источникахъ мы находимъ мало опредѣленныхъ указаній на способы пользованія землей деревенскими общинами, за то многія явленія того быта убѣждаютъ, что, за исключеніемъ усадьбы, находившейся тогда, какъ и теперь, въ подворномъ пользованіи, вся земля состояла не только въ общинномъ владѣніи, но и въ общинномъ пользованіи. Начнемъ съ пахатной земли, которая, какъ мы видѣли, состояла изъ пашни, перелога и пашни поросшей лѣсомъ и дѣлилась на три поля. Общинное пользованіе ею доказывается слѣдующими фактами. 1) Однимъ изъ постоянныхъ явленій того времени было соединеніе пахатныхъ полей различныхъ деревень въ одно общее поле, называемое въ писцовыхъ книгахъ «припущеніемъ» пашень другъ къ другу [1]). Это явленіе было повсемѣстно (при-

[1]) Напримѣръ: «Деревня Косницево—Савкино, да къ ней же припущены въ пашню дер. Полянки, да поч. Мостищевъ, да поч. Враниковъ, а въ ней крестьянъ 4 двора, а людей въ нихъ тожь; пашни паха免ые въ полѣ 20 четьи, въ дву потомужъ; земля худа сѣна 20 копенъ, рощи пашенной 2 десятины». Или «деревня Маммерово, да къ той же деревнѣ припущено въ поля: пустошь Лапино, пустошь Сычово, пустошь Полухино, пустошь Душниково, а въ ней крестьянъ 20 дворовъ; пашни пахаиые середней земли 45 четьи да перелогу 40 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 30 копенъ». Случаи слитія полей происходили при различныхъ условіяхъ: 1) припускались поля жилаго поселка къ полямъ другаго жилаго селенія, какъ это было въ приведенныхъ случаяхъ. Такіе случаи описываются довольно часто въ писцовыхъ книгахъ всѣхъ уѣздовъ. Приэтомъ соединялась иногда поля нѣсколькихъ поселковъ: «Дерев. Скокова, на рѣчкѣ на Токочѣ, да къ ней же припущена въ пашню дер. Усища, да дер. Селивановская, да дер. Онтоново, а въ ней крестьянъ 16 двор., да дворъ пустой; пашни середней земли 67 четьи» и т. д. 2) Всего чаще однакожь припускались поля селищъ, пустошей и вообще поселковъ, оставленныхъ жителями, къ полямъ жилаго поселенія: «Дерев. Софроново, да къ той же дер. припущено къ пашнѣ селище Усово» или «дер. Еланково на Суходолѣ, да къ ней же припущено въ пашню пустошь Петрилово, а въ ней крестьянъ 12 двор.»: между прочимъ, при описаніи этой деревни замѣчается, что «сѣно у деревни вопче съ сельцомъ Филисовой слободкой на рѣкѣ на Клязьмѣ, на отхожемъ лугу». Иногда одно какое нибудь селеніе присоединило къ своимъ полямъ нѣсколько пустошей и селищъ: такъ къ вотчинной дер. Слободѣ (Звенигородскаго уѣзда, городскаго стану), имѣвшей 16 дворовъ крестьянъ, припущено въ пашню «6 селищъ и 7-я пустошь»; иногда же, напротивъ, къ нѣсколькимъ деревнямъ припускалась одна пустошь, какъ, наприм., къ тремъ деревнямъ въ томъ же уѣздѣ и стану присоединена была одна пустошь. Нѣкоторые случаи отличались особенностями. Такъ 3 поля пустоши Опухтина были припущены въ пашню не къ одной деревнѣ, а были распредѣ-

*

мѣры, приведенные въ примѣчаніи, относятся къ различнымъ уѣздамъ центральной и сѣверовосточной Россіи) и происходило въ значительныхъ размѣрахъ, что было бы невозможно при подворныхъ обособленныхъ участкахъ, такъ какъ при этомъ условіи потребовалось бы предварительно соединеніе этихъ участковъ въ каждой деревнѣ и затѣмъ уже соединеніе полей одной деревни съ полями другой, а это дѣлало бы подобные случаи весьма исключительнымъ явленіемъ. При предположеніи же, что право распоряженія землей принадлежало всей общинѣ, такой всеобщій фактъ становится легко объяснимымъ. Въ какомъ размѣрѣ происходило въ иныхъ мѣстностяхъ соединеніе полей различныхъ деревень видно изъ того, что въ Ростовскомъ у., въ Савиномъ стану, къ 3 жилымъ селамъ и 18 деревнямъ припущено было въ 1578—80 гг. 26 пустыхъ деревень и 6 пустошей.

2) Далѣе, только при деревенской общинѣ возможно было существованіе полей, обрабатываемыхъ сообща всѣми жителями деревни [1]), какъ это было, напр., въ Дмитровскомъ уѣздѣ. Размѣры такой общественной запашки тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе въ сложности количество земли, находившейся въ подворномъ

лены между тремя деревнями. 3) припускались къ пустоши пашни селищъ или пустоши же: «пустошь Вислоухово, да къ ней же припущено въ пашню селище Сабанино (поле въ томъ и другомъ переложное); или «пустошь, что была дер. Фалино, да къ ней же припущена въ пашни пустошь Савино; пашни худой земли лѣсомъ поросло 17 четьи въ полѣ, а въ дву потомужь, сѣна 20 коп. въ пустѣ 2 выти безъ трети». Подобные, на первый взглядъ странные, случаи объясняются тѣмъ, что села, соединившія свои поля были найдены однимъ писцомъ заселенными, а другой писецъ написалъ ихъ пустошами. Также надо объяснять и тѣ случаи, когда къ пустоши припускалась пашня жилаго поселка: починка, деревни и т. д., напр., «пустошь, что была деревня Хожлово, а въ ней припущенъ въ пашню починокъ Буровъ; пашни лѣсомъ поросло большимъ 43 четьи въ полѣ, а въ дву потомужь, сѣна 20 копенъ, лѣсу непашеннаго 6 десятинъ, а вытей впустѣ 4 выти съ третью; земля худа, сѣна по селищу укошено 30 копенъ, косилъ изъ найму крестьянинъ». Соединеніе пашень дѣлалось по взаимному согласію деревень, но случалось, что оно происходило по требованію помѣщика: «да къ тѣмъ же дворомъ Офонасъ припустилъ въ поле дер. Заборье да дер. Липнякъ, да деревню Наумово (Дерев. писц. книга I. 509).

[1]) «Деревня Сысоева, а въ ней крестьянъ 16 дворовъ, а людей въ нихъ тожъ. Изъ этихъ дворовъ 11 на трети, 3 на полтрета выти, 2 на полвыти «да онѣжъ пашутъ сопча полвыти». (Писц. книга Дмитровскаго уѣзда).

пользованіи, а участіе въ ней общинниковъ было пропорціонально величинѣ ихъ подворныхъ участковъ [1]).

Подобный же способъ пользованія землей встрѣчаемъ мы и теперь еще въ Архангельской губерніи [2]).

3) Но самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ общиннаго пользованія землей въ древней Россіи, именно въ деревняхъ болѣе населенныхъ мѣстностей, служитъ отсутствіе неравенства подворныхъ участковъ. Взятые безотносительно, они, правда, не одинаковы не только въ различныхъ уѣздахъ [3]) и различныхъ поселкахъ одного уѣзда [4]), но и для дворовъ одной и той же деревни [5]).

Но различія такъ ничтожны, что ихъ можно объяснять лишь

---

[1]) Деревня Иванишева, 4 двора, каждый на чети выти «да опижъ *по мѣрѣ* пашутъ сопча полвыти». Въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ рѣдной деревнѣ не было такой общественной запашки. Иногда два и болѣе поселковъ имѣли одну запашку. По крайней мѣрѣ такъ можно толковать слѣдующій случай: «Деревня Городище, въ ней одинъ дворъ на полвыти», «да онъ же пашетъ *по мѣрѣ* полполтрети ($1^1/_2$) выти».

[2]) Ефименко, Сборникъ свѣдѣній объ артеляхъ, т. 2.

[3]) Въ Рузскомъ уѣздѣ (подмосковномъ). на 1 дворъ приходилось въ среднемъ «пашни паханой» около 3 десятинъ ($5^{27}/_{60}$ четьи), переложной и поросшей лѣсомъ пашни около $10^1/_2$ десятинъ ($20^{35}/_{60}$ четьи). Въ Ярославскомъ же на 1 дворъ первой приходилось $2^1/_6$ десятины ($4^{78}/_{225}$ четьи), а перелогу всего по 1 десятинѣ съ небольшимъ ($2^{19}/_{225}$ четьи.).

[4]) Напр., въ деревнѣ Коровинѣ (въ московскомъ у.) 3 двора, кажды на полвыти, а рядомъ въ дерев. Пахомовѣ каждый изъ 4 дворовъ на чети выти. Или въ дер. Глинки (Ростов. у.) на 5 двор. было 22 четверти въ полѣ и въ двухъ постольку-же, сѣна 15 коп., лѣсу непашеннаго 3 десятины, а сосѣдней дер. Михалкинѣ на 5 же дворовъ пашни было по 20 четве тей въ трехъ поляхъ, сѣна 100 коп., лѣсу пашеннаго 2 десят. и непашеннаго 5 десятинъ. Или въ Тверскомъ уѣз. рядомъ стояли 2 дер. по 2 двора въ каждой, но въ одной (Меншой островъ) пашни въ полѣ было 12 четьи, сѣна 40 копенъ, а въ другой (Данильцово) первой 10 четьи, а второй 70 коп.

[5]) Напр. въ селѣ Ольяндовѣ того же уѣзда изъ 14 дворовъ: 9 были на трети выти, 2 двора на полтрети, 2 двора на полвыти. Или въ деревнѣ Окулово изъ 8 дворовъ 6 дворовъ на $^1/_4$ выти, 1 дворъ на $^1/_2$ и 1 дворъ на полвыти. Но въ послѣднемъ дворѣ два хозяина, слѣдовательно, на каждаго приходилось по $^1/_4$ выти. Или въ селѣ Синковѣ (Коломенскаго стану, Дмитровскаго уѣзда) изъ 27 дворовъ живущихъ 15 дворовъ на полчети выти, 7 дворовъ на чети, два двора на полполчети, 1 дворъ на $^1/_3$, два двора на полтрети. Въ сосѣдней дер. Глазновѣ 7 двор. по $^1/_3$ выти и 1 на полтрети.

разницей почвы и еще болѣе—неодинаковостью состава семей и ихъ рабочей способности: наибольшій подворный участокъ любой деревни никогда не превышалъ наименьшаго болѣе, чѣмъ вдвое и весьма рѣдко втрое, также какъ и въ современныхъ русскихъ селахъ. Да и какъ могло быть иначе при одинаковости потребностей и однообразіи средствъ хозяйства? Какимъ образомъ достигалось количественное и качественное равенство подворныхъ участковъ—мы не знаемъ. Теперь, какъ извѣстно, каждое изъ трехъ полей дѣлится на нѣсколько частей одинаковаго качества, которыя раздѣляются въ свою очередь на извѣстное количество полосъ, строго соотвѣтствующее числу общинниковъ (душъ), между которыми онѣ и распредѣляются потомъ по жребію. Судя по нѣкоторымъ отрывочнымъ даннымъ и по частому употребленію слова «жребій», подобный же способъ долженъ былъ практиковаться и въ то время [1]), такъ какъ это самое простое и вмѣстѣ самое легкое средство отрѣзать каждому полосы одинаково хорошія, одинаково близко расположенныя и одинаковой величины и вообще уравнять шансы. Отведеніе же участковъ въ одномъ обрубѣ требуетъ для установленія равенства такихъ знаній въ таксаціи, какія не мыслимы для того времени. Но равенство участковъ должно было современемъ нарушаться уже вслѣдствіе измѣненія въ количественномъ составѣ семей. Возстановлялось ли оно и какимъ образомъ: посредствомъ ли періодическихъ передѣловъ [2]), какъ теперь, или взаимнымъ соглашеніемъ только между заинтересованными семьями—на эти вопросы источники не даютъ отвѣта.

---

[1]) Въ «Повѣсти объ основаніи Печерскаго монастыря» разсказывается, между прочимъ, что слушавшіе разсказъ о видѣніи совѣтовались между собою относительно покупки земли и лѣса, о которыхъ шла рѣчь въ видѣніи, чтобы выстроить на ней церковь. «Сущее убо окрестъ пещеры мѣсто абіе *дается въ жребій* нѣкоему человѣку именемъ Іоанну Дементьеву» (стр. 2). Послѣ открытія пещеры владѣлецъ жеребья отдаетъ его монастырю.

[2]) На существованіе передѣловъ въ помѣстьяхъ указываетъ одинъ примѣръ, представленный Бѣляевымъ, гдѣ крестьяне по требованію помѣщика передѣляютъ земли. Случай этотъ можетъ доказывать, впрочемъ, лишь то, что передѣлъ, какъ средство къ возстановленію равенства, былъ извѣстенъ. Много данныхъ о передѣлахъ, по увѣренію Бѣляева, заключается въ писцовыхъ книгахъ Старицкаго уѣзда.

Вѣрнѣе послѣднее предположеніе, такъ какъ передѣлы составляютъ настоятельную необходимость только въ большихъ общинахъ и при недостаткѣ земли — условія, которыхъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ то время не существовало. Надѣливши своего члена на-равнѣ съ другими участкомъ земли, русская община древней Россіи, въ большей части сѣверныхъ селеній, предоставляла ему полную свободу въ распоряженіи доходомъ отъ земли, давая ему право дѣлить на части, передавать наслѣдникамъ, мѣняться своей землей, закладывать, отдавать въ наемъ и даже отчуждать посредствомъ даренія и продажи, съ тѣмъ лишь подразумѣваемымъ условіемъ, чтобы участокъ оставался во владѣніи общины [1]), подобно тому какъ частные землевладѣльцы, предоставляя своимъ поселенцамъ такія же права, удерживали за собою право владѣнія и распоряженія. Совмѣстное существованіе полной свободы члена общины въ распоряженіи своимъ земельнымъ

---

[1]) Въ такомъ именно смыслѣ распоряженія только доходомъ отъ земли нужно понимать свидѣтельства источниковъ о распоряженіи общинниковъ землею. Приведемъ нѣкоторые изъ такихъ случаевъ. Въ одной грамотѣ три брата продали (отступилися) другому крестьянину «Великаго князя земли, а своего владѣнія, въ Каржнѣ курьи двора и дворища, а орамыхъ земель и пожень и съ притеребы, и рыбныхъ ловищъ и угодей, что встарь потягло отъ вѣка въ той земли, по описи отца своего, свой жеребей, по книги». Продали они потому, что «не измогли» служить службы Великаго князя, давать дань и всякіе земскіе разрубы (А. Ю. № 23, 56 стр.). Община при этой передачѣ очевидно не теряла ничего и не имѣла основанія вмѣшиваться въ сдѣлку. Въ другой грамотѣ идетъ рѣчь о передачѣ участка по наслѣдству (А. Ю. № 26; Ср. № 23); въ третьемъ случаѣ говорится о раздѣлѣ земли между владѣльцами (№ 23), причемъ совсѣмъ не упоминается объ участіи общины. Жеребьи, т. е. общинные участки, отдавались также въ монастырь (А. Ю. № 20, 25) подъ церковь (Повѣсть объ основаніи Печер. монастыря). Но что всѣ эти случаи должны быть понимаемы въ смыслѣ распоряженія не землею, а только доходомъ отъ нея, доказывается сравненіемъ съ подобными же случаями въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ. Въ одной грамотѣ вотчинникъ (Соловецкій монастырь) предоставляетъ крестьянамъ свободу мѣняться и продавать свои дворы и земли, только доложивъ объ этомъ прикащику (А. Ю. т. I № 258 Ср. № 334). Но можно-ль объяснять это позволеніе такъ, что крестьянинъ могъ дѣйствительно продать землю кому угодно и на какихъ угодно условіяхъ? Конечно нѣтъ; крестьянинъ получалъ право лишь передавать пользованіе участкомъ и притомъ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ и самъ пользовался имъ. Точно тѣми же предѣлами ограничивалось право и общинника на черной землѣ.

имуществомъ и неограниченнаго права общины даже отнимать это имущество, когда того потребуютъ общіе интересы, можетъ показаться современному человѣку непонятнымъ, такъ какъ эти два явленія, повидимому, взаимно исключаются. Но съ точки зрѣнія общинника они вполнѣ примиримы. Общинникъ имѣетъ равное съ другими право на долю въ общинной землѣ, но не на опредѣленный участокъ, и потому не можетъ противиться, если община находитъ нужнымъ взять находящійся въ его пользованіи участокъ и дать ему взамѣнъ другой, равный; съ другой стороны, и община не имѣетъ основанія препятствовать своему члену передавать свой жребій другому лицу, лишь бы новый владѣлецъ выполнялъ всѣ связанныя съ этимъ жеребьемъ обязательства: платежъ налоговъ, огораживаніе поля отъ скота и вообще соглашался подчиняться общему плану хозяйства [1]). Одинъ случай, приводимый Бѣляевымъ, бросаетъ довольно яркій свѣтъ на существовавшія въ ту пору отношенія. Владѣлецъ лавки продаетъ другому свой участокъ въ общинной землѣ Понимая эту сдѣлку въ современномъ смыслѣ, слѣдовало бы ожидать, что рѣчь идетъ объ опредѣленномъ клочкѣ землѣ. Но на самомъ дѣлѣ никакого опредѣленнаго участка не продавалось, а передавалось лишь право на пользованіе долей въ общинной землѣ, величины которой не зналъ ни тотъ, ни другой и которая могла сдѣлаться извѣстной лишь при общемъ раз-

---

[1]) Въ случаѣ несоблюденія послѣдняго условія, община энергически защищала свои права предъ судомъ. Такъ, когда въ одной черной волости нѣкто Злоба Васильевъ купилъ двѣ черныя пустоши и отказался платить за нихъ какія либо подати, то община обратилась съ жалобой на него въ судъ. Въ этомъ случаѣ однакожъ она проиграла дѣло, такъ какъ Злобѣ предоставилъ купить земли жалованной грамотой самъ князь (Андрей Васильевичъ). Но это дозволеніе князя было несправедливо и противорѣчило исконной политикѣ правительства, узаконявшаго за общинниками право выкупать проданныя земли и, въ случаѣ несостоятельности продавца, требовавшаго, чтобы покупщикъ или тянулъ вмѣстѣ съ черными людьми тягло, или, при несогласіи на это, возвращалъ земли назадъ чернымъ людямъ. «А кто будетъ покупилъ земли донные, служни или черныхъ людей, а тѣ кто возможетъ выкупити, инѣ выкупитъ, а не возмогутъ выкупити, инѣ потянутъ къ чернымъ людямъ, а кто не хочетъ тянути, инѣ ся земли ступитъ, а земли чернымъ людямъ даромъ». (Собр. гос. грам. и д. I. № 34). Такое толкованіе этого мѣста кажется вѣрнѣе, чѣмъ то, по которому купившій долженъ или окупить всѣ пошлины, или тянуть тягло.

дѣлѣ, когда покупщикъ получитъ столько же земли «какъ инымъ лавкамъ доведется».

Въ раздѣлъ поступала только та часть общинной земли, которая была годна къ воздѣлыванію, да и эта лишь въ такомъ количествѣ, какое было необходимо для удовлетворенія потребности общинниковъ въ хлѣбѣ. Все же остальное пространство, неспособное къ обработкѣ, или обработка котораго была пока не необходима, оставалось въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи. Сюда принадлежали именно луга, пастбища, лѣса, озера и рѣки и т. д. Способъ пользованія каждымъ изъ этихъ разрядовъ земель различался, смотря по ихъ свойству. Сѣнокосы, производимые около и между полей (межь поль) и вообще на болѣе выгодно расположенныхъ участкахъ, передѣлялись, по всей вѣроятности, ежегодно, подобно тому, какъ это дѣлается теперь въ деревенскихъ общинахъ, или по крайней мѣрѣ отъ одной описи земель до другой; сѣнокосы же, расчищенные домохозяевами въ лѣсу или въ отдаленныхъ мѣстахъ, оставались въ пользованіи расчистившихъ [1]. Размѣры участія каждаго двора въ сѣнокосахъ опредѣлялись его потребностями, вслѣдствіе чего и являлось неравенство въ количествѣ скашиваемаго сѣна [2]. Пользованіе лѣсомъ и пастбищами на Сѣверѣ, при ихъ обиліи, едва ли было подчинено какимъ либо правиламъ: всего вѣроятнѣе, что каждый могъ рубить его столько, сколько ему было нужно, и выгонять весь скотъ какой имѣлъ [3]. Въ централь-

---

[1] Въ современныхъ деревенскихъ общинахъ Олонецкой губерніи тѣ изъ сѣнокосовъ, которые считаются платежными, передѣляются поровну между однодеревенцами при всякой ревизіи, сѣнокосы же, расчищенные отдѣльными домохозяевами и обложенные податьми, или совсѣмъ не передѣляются, или передѣляются чрезъ болѣе продолжительные сроки, напр. отъ ревизіи до ревизіи. (Л-шъ).

[2] Въ писцовыхъ книгахъ обозначается только количество скашиваемаго сѣна въ копнахъ. Отношеніе ихъ къ пахатнымъ участкамъ различно даже въ сосѣднихъ деревняхъ. Такъ, въ двухъ сосѣднихъ деревняхъ Суздальскаго у., Стародубо-ряполовскаго стану, въ два двора каждая, въ одной (Клопахъ) сѣна скашивалось 30 коп., а въ другой только 10 коп. Разница въ размѣрахъ сѣнокосовъ въ различныхъ уѣздахъ объясняется неодинаковостью качества луговъ.

[3] Только при нераздѣльномъ пользованіи объяснимо приписываніе писцами лѣсовъ не къ дворамъ, а къ цѣлымъ селеніямъ. «На 3 обжи поверст-

ныхъ же уѣздахъ лѣсъ, напротивъ, раздѣлялся въ XVI вѣкѣ уже на участки между дворами [1]).

Озера, рѣки, вообще воды, находившіяся въ предѣлахъ деревни, а также и мосты, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и водяныя мельницы, состояли въ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ жителей [2]). Отсюда именно получили свое происхожденіе народные взгляды на святость воды, которые сильны еще и теперь и по которымъ считается грѣхомъ производить какія-либо нечистоты въ водахъ (Афанасьевъ, Поэтическіе взгляды славянъ на природу). Но для разумнаго пользованія, именно для рыбной ловли [3]), водопоя скота, мочки конопли и мытья

наго лѣсу въ длину верста, а въ ширину полверсты» (Нев. Прилож. 71, 84, 97, 245, 246, 249, 271 и пр.), тогда какъ пашня и сѣнокосы пріурочиваются къ дворамъ. Точно также только при этомъ условіи возможно было совокупное владѣніе нѣсколькихъ поселковъ однимъ лѣсомъ, примѣры чему были приведены выше. Приведемъ здѣсь еще нѣсколько случаевъ. Двѣ деревни Владимірскаго у. Богаевской волости, Анкино и Левоново, изъ которыхъ въ первой было 19 дворовъ крестьянъ и 2 дв. бобылей, а во 2-й 25 дв. крестьянъ, 2 дв. бобылей и 1 дворъ пустой, имѣли «лѣсу непашеннаго вопче вдоль на версту, а поперекъ на полверсты». Точно также двѣ вотчинныя деревни, Малетѣево и Стрѣлково, каждая съ отдѣльными пашнями и лугами, пользовались «вопче непашеннымъ лѣсомъ вдоль на версту, а поперекъ тожъ». Или, при описаніи двухъ деревень Коломенскаго у. Раменской волости Покидыва и Офонасовскаго, по обозначеніи у каждой пашни и сѣна, писецъ прибавляетъ «а лѣсу у обоихъ деревень болота въ длину на версту, а поперекъ на полверсты».

[1]) Въ общемъ пользованіи состоялъ преимущественно непашенный лѣсъ т. е. не поступавшій подъ палы, котораго не могло быть уже въ то время въ большинствѣ деревень центральныхъ уѣздовъ. Этимъ и объясняется отсутствіе нераздѣльнаго пользованія лѣсомъ въ этихъ мѣстностяхъ. Количество лѣса на дворъ соотвѣтствовало его потребности въ немъ и было неодинаково даже въ одной и той же деревнѣ, не говоря уже о различныхъ деревняхъ. Напр., въ деревнѣ Гундобинѣ Дмитров. у. Повельскаго стану на 2 двора приходилось лѣсу 15 десятинъ, а рядомъ въ деревнѣ Пахомовѣ на столько же дворовъ только $^1/_4$ десятины.

[2]) Въ этомъ смыслѣ я понимаю выраженія въ родѣ: «а угодья у мое деревни озерко». «А угодья у того сельца озерко Ретень». У деревни Выставки озерцо глубокое, Неволинъ. (Прилож стр 52, 341), «На рѣчкѣ на Олонцѣ у деревни у Иманицъ мельница мелетъ по все лѣто однимъ колесомъ; а обровъ *даютъ* гривну (тамъ же 154). Или «да подъ тѣмъ же починкомъ мельница нѣмецкое колесо, а мелетъ коваленою водою въ весну, да въ осень» и т. д. Мельницы находились нерѣдко въ общинномъ пользованіи въ древнее время и въ другихъ странахъ, напр. въ Германіи.

[3]) Иногда нѣсколько деревень пользовалось сообща однимъ озеромъ.

бѣлья и т. д. онѣ были открыты для каждаго. Относительно рыбной ловли въ XVI вѣкѣ въ черныхъ деревняхъ, въ мѣстахъ наиболѣе выгодныхъ для нея, ловъ былъ вольный, причемъ нерѣдко установлялось пользованіе товариществами, состоявшими лишь изъ нѣсколькихъ лицъ [1]), а на помѣщичьихъ земляхъ угодья эти переходятъ къ помѣщикамъ, которые или пользовались ими сами, иногда нѣсколько помѣщиковъ вмѣстѣ одной рыбной ловлей [2]), или сдавали ее крестьянамъ за оброкъ.

Дороги были открыты также каждому для свободнаго пользованія и никто не могъ ихъ не застраивать, ни загораживать, ни вообще какимъ либо образомъ затруднять свободное пользованіе ими. Пошлины на дорогахъ и мостахъ не могли развиться изъ общины, а были созданіемъ московскаго правительства. Наконецъ, многіе другіе предметы: мхи, залежи рудъ и даже домницы, глины, опустѣлые пашни и дворы, общественныя площади въ большихъ селахъ находились въ общемъ пользованіи [3]).

Въ какомъ отношеніи по землѣ деревенская община стояла къ волостной? По мнѣнію Лешкова, (Русскій народъ и государство, стр, 248—249), деревня того времени представляла самостоятельную общину, которой принадлежало не только независимое распоряженіе землей, распредѣленіе ея между членами, передѣлъ ея, но и защита земельныхъ интересовъ отъ внѣшняго захвата. При постоянной перемѣнѣ лицъ, она, по его мнѣнію, какъ территоріальное цѣлое, оставалась неизмѣ-

---

«Да тоежъ деревни въ Будковскомъ озерѣ тоня, а ловятъ неводомъ однимъ». Деревня Бичюрина имѣла участокъ въ рыбной ловлѣ въ озерѣ Удоллѣ (Прилож. 52, 335 336)

[1]) Эти рыбопромышленныя артели повсемѣстно существуютъ до сихъ поръ на Сѣверѣ и представляютъ лишь одну изъ стадій развитія общиннаго начала. Сборникъ Матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи, вып. 2-й, стр. 1—175.

[2]) «А ловятъ тѣ озера помѣщики Велильскіе сообща». Дер. II, 583.

[3]) «А угодья тое деревни домница». Нев. прил. 52. Или, «да къ той же деревнѣ половина пустоши Шахощи, а пашутъ ее наѣздомъ». Могутъ быть даже и сады. «Въ селѣ садишко въ 9 яблонь». (Вотская писц. кн. 279, ср. 338). Но *путикъ*, т. е. тропинка въ лѣсу, по которой ходятъ на охоту, у каждаго двора былъ свой. Поселенецъ, получившій участокъ, получалъ его вмѣстѣ «съ путики и ловищи и со всѣмъ угодьемъ. .. и что къ тому жеребью изстари потягло». (А. Ю. № 175).

няемой. Противъ этого мнѣнія можно привести много возраженій. Могли ли, прежде всего, составить мелкіе поселки, состоявшіе изъ 2 — 3 дворовъ, занятыхъ нерѣдко ближайшими родственниками, составить отдѣльный міръ, особенно при постоянной необходимости мѣнять (при подсѣчной системѣ) мѣсто пашень? Затѣмъ, при томъ сильномъ движеніи населенія, какое было въ древней Россіи, когда исчезали и возникали то и дѣло цѣлыя деревни, долженъ былъ бы произойти, по справедливому замѣчанію Кейсслера, совершенный хаосъ во внутреннемъ государственномъ управленіи, при самостоятельности деревенской общины, такъ какъ на общину былъ возложенъ цѣлый рядъ государственныхъ задачь. Наконецъ, всѣ историческіе памятники, какими мы здѣсь располагаемъ, доказываютъ ясно, что деревня составляла лишь подчиненную часть волости, къ которой она «тянула», какъ это и теперь мы видимъ въ Олонецкой губерніи. Въ источникахъ весьма часто разсказываются случаи, когда предъ судомъ являются крестьяне, требующіе отъ лица волости «во всѣхъ крестьянъ мѣсто волости» защиты поземельныхъ владѣній ея отъ захватовъ помѣщиковъ, присоединенія тѣхъ или другихъ деревень и т. д. и, напротивъ, весьма немного примѣровъ, когда отдѣльное селеніе ходатайствуетъ передъ правительствомъ только отъ себя и исключительно о своихъ интересахъ (Глотова слободка и пр.). Но что касается до способовъ воздѣлыванія земли, въ этомъ отношеніи каждая деревня, въ предѣлахъ извѣстнаго пространства, («что къ той деревнѣ изстари потягло, куда ходилъ топоръ коса и соха») распоряжалась, какъ кажется, совершенно независимо отъ волостнаго міра, по крайней мѣрѣ, до той поры, пока измѣнившіяся условія не требовали его вмѣшательства съ цѣлью измѣненія общинной системы

Данныхъ, на основаніи которыхъ я старался возстановить деревенскую древнюю общину, можетъ показаться недостаточно для прочныхъ выводовъ и мнѣ кажется, въ виду этого, не только нелишнимъ, но и совершенно необходимымъ изложить здѣсь дальнѣйшую исторію русской поземельной общины, такъ какъ изслѣдованіе позднѣйшихъ отношеній представляется въ дан-

номъ случаѣ единственнымъ способомъ провѣрить наши выводы объ отношеніяхъ древнѣйшихъ.

Въ продолженіе послѣднихъ двухъ съ половиной столѣтій деревенская община не подвергалась существеннымъ измѣненіямъ [1]). Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, развившееся въ концѣ XVII столѣтія въ крѣпостное право, способствовало лишь ускоренію процесса развитія общины въ томъ направленіи, по какому она должна была бы идти уже вслѣдствіе естественнаго увеличенія населенія и вліянія другихъ указанныхъ факторовъ. Ограниченная извѣстной территоріей, деревенская община, въ случаѣ нарушенія равенства подворныхъ участковъ, отъ неравномѣрнаго измѣненія въ составѣ семейства, должна была постоянно прибѣгать теперь къ новому способу для уравненія этихъ участковъ—къ передѣлу земли, который, при прежней свободѣ выселенія, долженъ былъ составлять лишь исключительное явленіе. Намъ извѣстно, къ сожалѣнію, не болѣе 2 случаевъ передѣла земель въ XVII вѣкѣ, если не считать неопредѣленныхъ намековъ. Изъ нихъ видно, что въ передѣлъ поступали не только крестьянскія пахатныя земли, но и земли духовенства [2]). Въ Шуѣ дѣлили даже огородную землю [3]). Срокъ передѣла въ одномъ случаѣ опредѣленъ въ 10 лѣтъ [4]), въ другомъ не опредѣленъ, но говорится «что крестьяне про межь себя пашню дѣлятъ по часту» [5]). Въ одномъ изъ монастырскихъ наказовъ говорится о раздѣлахъ, сдачѣ и про-

---

[1]) Не говоря уже о черныхъ, и во владѣльческихъ деревняхъ крестьянская земля по прикрѣпленіи строго отдѣлялась отъ земель вотчинника, обработываемыхъ рабами, и состояла въ общинномъ пользованіи. Земля распредѣлялась попрежнему по дворамъ и подворные паи называются жеребьями.

[2]) Духовенству давали иногда самую худшую часть пая (Калачов., Архивъ т. 3. Сборникъ рязанскихъ актовъ).

[3]) Борисовъ, Акты о промѣнахъ и раздѣлахъ земель № 5.

[4]) Жители посада Шуи, съ земскимъ ларечнымъ цѣловальникомъ во главѣ «приговорили на сходѣ въ земской избѣ раздѣлить по росписи пахатную землю во всѣхъ трехъ поляхъ по своимъ вырѣдь на десять лѣтъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что по прошествіи ихъ долженъ былъ произойти новый передѣлъ. (Борисовъ, Акты о промѣнахъ и раздѣлахъ земель въ XVII в. стр 7—8. Ср. ibid. № 10).

[5]) Это говорится о селѣ Шаморѣ (Калачов. Архив. т. 3. Сборникъ рязанскихъ актовъ).

мѣнѣ пашни между крестьянами, какъ дѣлѣ самомъ обыкновенномъ [1]).

То обстоятельство, что тягла и жеребьи покупались и отдавались въ наемъ, какъ мы видѣли выше, вполнѣ совмѣстимо, такъ какъ они, какъ и въ старину, передавались съ обязательствомъ отбывать связанныя съ ними повинности и подати, за несоблюденіе которыхъ участокъ отбирался въ міръ и передавался другому крестьянину [2]). Угодьями пользовались однодеревенцы сообща [3]). На сѣверѣ Россіи и въ XVII вѣкѣ продолжали существовать волостныя общины на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ онѣ существовали и прежде [4]).

Въ 1718 году произведена была первая ревизія и, на основаніи ея, всѣ лица мужскаго пола, попавшія въ ревизію, обложены были налогомъ. Вмѣсто двора, платежной единицей принята была ревизская душа. Подушная система нарушала какъ нельзя болѣе начало равенства, такъ какъ она не разбирала ни бѣднаго, ни богатаго, ни малаго, ни взрослаго, ни больнаго, ни здороваго. Вѣрная своему историческому призванію, община стремится возстановить нарушенное равенство. Она перелагаетъ подать съ душъ на землю и, чтобы поставить всѣхъ въ равныя

---

[1]) А. Ю. № 334, I. На существованіе передѣловъ указываютъ также выраженія въ родѣ «передѣльная грамота», «по конечному раздѣлу досталось мнѣ». (Борисовъ, Акты о раздѣлахъ и промѣнахъ земель №№ 4 и 5).

[2]) Борисовъ, Акты о раздѣлахъ и промѣнахъ земли, № 3. Община, какъ и въ прежнее время, одинаково существовала, какъ во владѣльческихъ, такъ и въ черныхъ деревняхъ. Но въ послѣднихъ предметомъ общиннаго пользованія была вся земля, состоявшая во владѣніи деревни; въ первыхъ же только та часть, которая воздѣлывалась крестьянами на себя; право распоряженія землей принадлежало также только первымъ.

[3]) «И живучи мнѣ Василью на той деревнѣ на своемъ участкѣ пашня пахати съ сусѣды вмѣстѣ и угодьями владѣти всякими по своему жребію повытно (А. Ю. № 196).

[4]) Такъ она призывала переселенцевъ и надѣляла ихъ землей. «Се азъ земской судья... да суденкой староста, да земскій цѣловальникъ.... да и всѣ крестьяне Кильтенскія волости дали есмя данную грамоту Петру Гаврилову сыну Пантѣеву, на пустой жеребей на четверть деревни Архиповскіе», съ льготой на извѣстный срокъ, послѣ котораго онъ обязывался «съ того жеребья тянуть государевы подати съ міромъ, въ чемъ его міръ обложетъ въ колодѣ въ бѣлосошной. Жеребій данъ «всѣмъ міромъ», пока не отыщется вотчичъ (Калачовъ, Архивъ историческихъ и практич. свѣдѣній 1859, 3, критика, примѣч. 24).

платежныя условія, принимаетъ за единицу распредѣленія земли, вмѣсто прежняго двора, ту-же ревизскую душу, которую правительство взяло за податную единицу, и надѣляетъ семьи землею соотвѣтственно количеству рабочихъ силъ въ нихъ: семьи съ большимъ числомъ работниковъ получали больше противъ семей, гдѣ работниковъ было меньше, хотя бы число душъ въ этихъ послѣднихъ, вслѣдствіе присутствія малолѣтковъ, было и больше. Такимъ образомъ единицей распредѣленія служило собственно тягло, т. е. взрослый работникъ. Чичеринъ, впрочемъ, утверждаетъ, что понятіе тягла было внесено въ жизнь въ концѣ XVII в. правительственными распоряженіями, приводя въ доказательство отрывокъ изъ инструкціи, данной 4-мъ экономическимъ правленіемъ, учрежденнымъ въ 1770 г. для управленія крестьянами духовнаго вѣдомства, отобранными въ это время въ казну. Въ инструкціи указывается на невыгоды принятаго во многихъ мѣстахъ распредѣленія земли по душамъ, при которомъ семьи, обремененныя малолѣтними и престарѣлыми, принуждены за безцѣнокъ сдавать лишнюю землю, не будучи въ силахъ обработать ее, вслѣдствіе чего терпятъ бѣдность и не платятъ податей, и предписывается экономическимъ правленіямъ, въ случаѣ, если они найдутъ, что накопленіе недоимокъ и упадокъ благосостоянія происходятъ отъ этой причины, распредѣлять землю и подати по тягламъ, принимая за тягло работника отъ 15 до 60-лѣтняго возраста [1]).

---

[1]) Вотъ этотъ отрывокъ. «Извѣстно, что *во многихъ мѣстахъ* крестьяне дѣлятъ землю не по числу имѣющихся во дворѣ работниковъ, но по числу написанныхъ въ ревизскихъ сказкахъ муж. пола душъ, отчего происходитъ, что, вмѣсто должнаго уравненія, крестьяне одинъ передъ другимъ несутъ въ прокормленіи своихъ семей и въ платежѣ податей разорительное отягощеніе, потому что нерѣдко случается, что хотя во дворѣ, состоящемъ въ 5 муж. пола душъ, одинъ только находится работникъ, а 4, въ томъ числѣ малолѣтные и престарѣлые, никакой работы, а особливо хлѣбопашества, исправлять не могущіе, однакожъ долженъ тотъ одинъ работникъ, какъ для своего семейства хлѣба напахать, такъ подушныя и оброчныя деньги не на одну только свою душу, но и за малолѣтнихъ и престарѣлыхъ заплатить, и хотя на всѣ оныя души земля у него есть, но не достаетъ у него силы оную обработать, ниже другою крестьянскою работою исправляться, почему таковые и принуждены излишнюю землю и сѣнные покосы отдавать другимъ въ наемъ, но и то за дешевую цѣну, ибо сосѣди, зная

Но изъ самой инструкціи уже слѣдуетъ, что этотъ порядокъ былъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и что, слѣдовательно, въ другихъ мѣстахъ существовалъ болѣе уравнительный способъ распредѣленія земель. Всего вѣроятнѣе однако-жъ, что душеваго порядка совсѣмъ не существовало; правительство было введено въ заблужденіе словами. Подъ внѣшнимъ раздѣленіемъ земли по душамъ оно не замѣтило внутренней работы общинъ, распредѣлявшихъ душевые жеребьи соотвѣтственно количеству рабочихъ силъ семей и, выхвативши изъ жизни понятія тягла, рѣшилось сдѣлать обязательнымъ порядокъ, и безъ того уже принятый общинами какъ наиболѣе удовлетворявшій потребности въ равенствѣ.

Подобное же стремленіе вмѣнять въ обязанность держаться порядковъ, созданныхъ жизнью, видно и во многихъ другихъ распоряженіяхъ правительства XVIII в. Такъ, при устройствѣ однодворческихъ общинъ, велѣно было [1]) всѣ земли, положенныя въ подушный окладъ, межевать не къ отдѣльнымъ дворамъ и лицамъ, а къ цѣлому селенію въ общую межу и запрещено было продавать ихъ другимъ лицамъ; однодворцы могли лишь отдавать земли въ наемъ погодно. Далѣе запрещалось земли, положенныя въ подушный окладъ (некупленныя отдѣльными лицами), дѣлить между наслѣдниками и отдавать въ приданое за дочерьми, если онѣ выходятъ въ другое сословіе или въ

его необходимость, надлежащей цѣны не даютъ. Сверхъ сего, бываетъ и то, что, по довольству въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земель, и въ наемъ оныхъ брать некому, почему принуждевъ такой одинокій крестьянинъ свой участокъ земли оставить впустѣ, а сами они отъ времени до времени приходятъ въ скудость и совершенное разореніе. Въ отвращеніе сего экономическимъ правленіямъ надлежитъ наиприлежнѣйше освѣдомиться, не отъ сего ли описаннаго крестьянскаго издревле вкоренившагося обычая сами они къ своему разоренію терпятъ оскудѣніе, и буде подлинно при томъ откроется тотъ порядокъ, то немедленно велѣть такое селеніе непремѣнно расписывать на тягла, полагая въ оное работниковъ отъ 15 до 60-лѣтняго возраста, исчисляя собираемую со всего селенія подать, раскладывать на тягла, а посему раздѣленіе земель и взысканіе податей дѣлать уже не съ душъ, но съ тяглъ, а сверхъ того наблюдать и того, дабы крестьяне малосемейные отъ семей своихъ не отдѣлялись, а непремѣнно бы считалось въ каждой по 4, а по крайней мѣрѣ по 3 работника». (П. С. Зак. № 13, 590, п. 6).

[1]) Межевыя инструкціи 1754 и 766 годовъ.

другое селеніе, но если мужья дочерей умершаго общинника пожелаютъ поселиться на его землѣ, то имъ дозволялось это. Всѣ участки, почему-либо оставшіеся безъ хозяина, должны были оставаться въ пользу остальныхъ крестьянъ того же селенія [1]).

Ни одно изъ этихъ постановленій не вводитъ въ сущности ничего новаго въ приписаніе земли не къ отдѣльнымъ дворамъ, а къ цѣлой общинѣ, запрещеніе отчуждать участки отдѣльнымъ членамъ, ограниченіе права наслѣдства и поступленія пустыхъ жеребьевъ въ общее пользованіе общинъ,—всѣ эти черты принадлежали русской общинѣ съ самаго начала ея историческаго существованія. Единственное нововведеніе, но не XVIII, а XVII в., состояло въ запрещеніи самимъ общинамъ отчуждать свои земли [2]). Но и это нововведеніе имѣло прецедентъ въ древнихъ постановленіяхъ, по которымъ тяглыя земли должны были принадлежать тяглымъ людямъ; вся его новизна заключалась лишь въ томъ, что оно, во вредъ не только общиннымъ, но и правительственнымъ интересамъ, лишало общины права, посредствомъ промѣны и продажи тяглымъ людямъ, извлекать наибольшія выгоды изъ своихъ земель, хотя цѣль его была прямо противуположна: не допускать уменьшенія доходовъ отъ податныхъ званій. Въ концѣ концовъ единственнымъ крупнымъ измѣненіемъ, внесеннымъ въ общинные распорядки XVIII столѣтіемъ, мы должны признать лишь принятіе новой единицы распредѣленія, именно ревизской души вмѣсто прежней—двора. Перемѣна эта отразилась невыгоднымъ образомъ на земледѣліи. Въ древней Россіи подворный участокъ имѣлъ болѣе или менѣе опредѣленные раз-

---

[1]) П. С. З. № 12659 гл. 19. Ср. №№ 5138 и 10237 гл. 23.

[2]) Въ 1619 г. крестьянамъ заонежскихъ погостовъ было запрещено продавать свои земли. Въ 1663 г. Каргопольскимъ и Турчасовскимъ крестьянамъ позволено было выкупать проданные и заложенные участки. (П. С. З. № 112). Затѣмъ нѣсколько разъ въ теченіи XVII—XVIII в. правительство приказывало отбирать пріобрѣтенныя отъ черносошныхъ крестьянъ другими лицами земли (въ 1649 г. П. С. З. № 10; въ 1751 г. ibid № 9874). По межевой инструкціи 1766 г. запрещено повсемѣстно отчужденіе земель, находившихся во владѣніи податныхъ лицъ, и на нихъ распространены всѣ правила, установленныя для однодворческихъ селъ.

мѣры [1]), такъ что, сколько бы разъ онъ ни переходилъ изъ рукъ въ руки, хозяйство могло быть ведено въ одинаковыхъ размѣрахъ. Душевой же участокъ не представляетъ такой цѣлостности и при каждомъ передѣлѣ измѣняется въ своемъ объемѣ—условіе весьма невыгодное для правильнаго земледѣлія. Обрѣзанную и искалѣченную крестьяне пронесли однакожъ коренную основу своего быта сквозь всѣ ужасы своей исторической судьбы нетронутою въ своихъ существенныхъ чертахъ до настоящаго времени [2]).

Переходя къ изслѣдованію общины отъ уничтоженія крѣпостнаго до настоящаго времени, мы должны предупредить читателя, что располагаемъ здѣсь весьма недостаточными данными. Главнымъ источникомъ для изученія этого періода, кромѣ Положенія 19 февраля, служитъ трудъ «Высочайше учрежденной коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи» [3]), дающій неполныя и лишь приблизительно вѣрныя данныя. То же можно сказать и о массѣ отрывочныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ газетами и журналами. Но всѣ эти данныя одинаково доказываютъ, что общинное владѣніе и пользованіе землей сохранилось повсемѣстно въ великорусскихъ селахъ и организовано (мы не беремъ сѣверныхъ губерній, которымъ посвятимъ далѣе отдѣльную главу) въ основныхъ чертахъ по слѣдующему типу. Каждый поселокъ,

---

[1]) А. Ю. № 175, 187 196.

[2]) Мы не будемъ говорить о положеніи поземельной общины въ началѣ XIX вѣка, такъ какъ, при тожествѣ ея устройства съ настоящимъ, пришлось бы впасть въ неизбѣжныя повторенія. Описаніе ея можно найти у Гакстгаузена въ его Studien über die inneren. Zustände. Russlands.

[3]) Не говоря уже о томъ, что свѣдѣнія, собранныя коммиссіей, въ высшей степени скудны и безсистемны, трудъ этотъ не можетъ дать основаній для вполнѣ вѣрныхъ выводовъ по той причинѣ, что свѣдѣнія, добытыя коммиссіей, получены не отъ крестьянъ, отъ которыхъ всего скорѣе можно было бы надѣяться узнать истину, а отъ лицъ имъ постороннихъ: землевладѣльцевъ, арендаторовъ, предсѣдателей управъ, городскихъ головъ, предводителей дворянства и вообще людей, знакомыхъ съ крестьянскимъ бытомъ лишь по случайнымъ наблюденіямъ и кромѣ того поставленныхъ въ особыя условія, благодаря которымъ они волей неволей должны были внести въ свои мнѣнія тенденціозность. Это дѣлается особенно вѣроятнымъ при сравненіи мнѣній крестьянъ и не крестьянъ объ одномъ и томъ же вопросѣ и, преимущественно, объ общинномъ землевладѣніи.

какъ бы онъ ни былъ незначителенъ, составляетъ отдѣльную общину. Всѣ земли, находящіяся въ межѣ поселка: усадьбы, пахатная земля, луга, лѣса, выгонъ и остальныя угодья, состоятъ въ общинномъ владѣніи всѣхъ жителей села, но способы пользованія различны для разныхъ разрядовъ земель. Усадьба, включая сюда мѣсто подъ дворомъ, огороды и коноплянники, находится въ подворномъ потомственномъ пользованіи семьи, подъ которой разумѣется совокупность лицъ, живущихъ подъ одной кровлей [1]). Выгоны и угодья состоятъ напротивъ въ нераздѣльномъ пользованіи цѣлой общины. Лѣсомъ пользуются по мѣрѣ возникающей потребности, раздѣляя отъ времени до времени большую или меньшую часть лѣсной дачи между семьями по числу ревизскихъ душъ въ нихъ. Наконецъ пахатная земля и сѣнокосы распредѣляются между семьями сначала по числу ревизскихъ душъ въ нихъ, а потомъ соотвѣтственно ихъ рабочей силѣ и всегда даются только во временное пользованіе, именно отъ одного передѣла земель до другаго. Точно также распредѣляются и луга съ тѣмъ лишь различіемъ, что они поступаютъ въ передѣлъ повсемѣстно каждый годъ; передѣлы же пахатной земли производятся не въ одинаковые сроки не только въ различныхъ мѣстахъ, но и въ одномъ и томъ же селеніи, повторяются не чрезъ равные промежутки времени. Продолжительность срока передѣла зависитъ во многомъ отъ свойства почвы. Тамъ, гдѣ она не требуетъ никакихъ затратъ на удобреніе и вообще на улучшеніе, напримѣръ въ мѣстностяхъ черноземныхъ, преобладаетъ частый, въ иныхъ селахъ, даже ежегодный передѣлъ; при противуположныхъ же почвенныхъ условіяхъ, каковы напримѣръ въ центральныхъ губерніяхъ, передѣлы производятся или отъ ревизіи до ревизіи или вообще чрезъ продолжительные сроки [2]).

---

[1]) Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Юхновскомъ у. Смоленской губерніи, даже усадебная земля не разверстана по семьямъ. (Приложеніе къ докладу коммиссіи т. I. стр. 164).

[2]) По свѣдѣніямъ, собраннымъ коммиссіей, передѣлы въ различныхъ мѣстахъ Россіи производятся въ слѣдующіе сроки. Въ Валдайскомъ у. Новгородской губерніи не ранѣе какъ чрезъ три года, въ Боровичскомъ чрезъ 10—15 лѣтъ. Въ Корчевскомъ Тверской губ. «чуть не каждый годъ», у государственныхъ крестьянъ Московской губ. чрезъ 10 лѣтъ. Въ Смолен-

Въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ повсюду замѣтно стремленіе: 1) производить передѣлы чрезъ опредѣленные сроки, чтобы устранить такимъ образомъ всѣ невыгодныя послѣдствія ихъ неизвѣстности и неожиданности и 2) сдѣлать эти сроки болѣе продолжительными въ видахъ лучшей обработки земли [1]. Са-

ской губ. «не только ежегодныхъ, но и частыхъ передѣловъ не бываетъ». Въ Юрьевскомъ у. Владимірской губ. передѣлы отъ ревизіи до ревизіи. Крестьяне и староста одной волости заявили (въ 1873 г.), что они не передѣлялись съ самой воли. Въ Ярославской губ. передѣлы вообще рѣдки и производятся только въ случаѣ накопленія земельныхъ участковъ отъ убылыхъ душъ или при сдачѣ сиротскихъ земель: въ одной волости Даниловскаго у. крестьяне передѣлились въ 1871 г., а до этого времени передѣла и не помнятъ; въ другой волости не было передѣла съ 10 ревизіи. Въ одномъ селеніи того же уѣзда, по словамъ старосты, послѣ 1861 года передѣлялись каждый годъ, но теперь передѣлы стали рѣже. Въ одной волости Юрьевецкаго у. Костромской губ. передѣловъ не было послѣ 10-й ревизіи. Въ Макарьевскомъ у. Нижегородской губ., по словамъ землевладѣльца и священника, передѣлы ежегодны, но крестьяне одной волости этого уѣзда заявляютъ, что они передѣляются только чрезъ три года. Государственные крестьяне той же мѣстности дѣлятся отъ ревизіи до ревизіи. Въ Ардатовскомъ у. многія общества установили передѣлы чрезъ 12—15 лѣтъ. У черемисовъ Казанской губ. передѣлы очень рѣдки. Въ колоніи Екатериненштадтѣ Самарской губ. передѣляются чрезъ каждые 8 лѣтъ, а въ другихъ колоніяхъ чрезъ 5 — 8 лѣтъ. Въ Камышинскомъ уѣздѣ земля дѣлится на 2, 3, 5 и даже 10 лѣтъ. Въ Пензенской губ. въ двухъ волостяхъ Саранскаго уѣзда крестьяне составили приговоры, чтобы въ теченіе 15 лѣтъ поля оставались въ пользованіи однихъ и тѣхъ же крестьянъ съ непремѣннымъ обязательствомъ удобрить ихъ; въ третьей волости установили передѣлы чрезъ 6 лѣтъ, въ четвертой—по прошествіи 9. Въ Тамб. губ. въ одной волости Кирсановскаго у. передѣлы отъ ревизіи до ревизіи. Въ Егорьевскомъ у. Рязанской губ. по прошествіи 1—9 лѣтъ; а въ Ряжскомъ у. передѣлы вообще рѣдки. Въ Тульской губ. въ Крапивенскомъ у. они бываютъ чрезъ 5—10 лѣтъ, въ Ефремовскомъ чрезъ 20—30 лѣтъ. Въ Мценскомъ у. Орловской губ. часть земель — такъ называемые *навозники* т. е. удобряемая земля — вовсе не подвергается передѣламъ, чтобы каждый могъ лучше удобрять ее (такого навозника приходится на крестьянина сажень пять); въ передѣлахъ же остальной земли господствуетъ «безпорядокъ» (?). Въ Курскомъ и Фатежскомъ у. передѣлы не часты, обыкновенно отъ ревизіи до ревизіи. Въ Воронежской губ. передѣлы у малороссовъ бываютъ часто, у великороссовъ же отъ ревизіи до ревизіи и т. д.

[1]) Въ Аткарскомъ у. крестьяне, сознавая всю невыгоду каждогодняго передѣла полей, стали дѣлиться по возможности рѣже. (Приложенія къ Докладу Коммиссіи I. 175 стр.). Въ Петровскомъ у. «всѣ благоразумныя общества стараются дѣлать передѣлы полей какъ можно рѣже. Въ Калужской губ. стали входить въ употребленіе долгосрочные передѣлы 10 — 20

мая процедура передѣла повсюду одинакова и отличается во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ строгимъ проведеніемъ начала равенства [1]). Она производится при участіи всего міра слѣдующимъ образомъ: каждое поле дѣлится предварительно на нѣсколько частей, отличающихся различными качествами почвы, затѣмъ каждая изъ такихъ частей разрѣзывается на столько клиньевъ, сколько въ селѣ ревизскихъ душъ, между которыми они и распредѣляются по жеребью. Такимъ образомъ каждый душевой надѣлъ составляется изъ нѣсколькихъ мелкихъ и отдаленныхъ другъ отъ друга полосъ и всѣ надѣлы оказываются одинаковаго качественнаго состава. Но такъ какъ и такимъ способомъ не всегда достигается полная уравнительность надѣловъ, то стараются не оставлять ихъ въ однѣхъ рукахъ, а передаютъ при новомъ передѣлѣ ихъ

лѣтъ, въ Ардатов. у. Нижегор. губ. чрезъ 12—15 лѣтъ (166.170). Въ Тульской губ. передѣлы не часты; въ Орловской губ. повсюду составляются приговоры не дѣлить земли ранѣе 6 лѣтъ. Въ Крестецкомъ у. передѣлы становятся теперь гораздо рѣже противъ прежняго (161). Въ Сѣвскомъ и Трубчевскомъ у. крестьяне, вполнѣ сознавая весь вредъ частаго передѣла, почти нигдѣ не дѣлятъ земли безъ особенной крайней надобности (183). Въ Михайловскомъ у. «общинное владѣніе устанавливается лучше и удобнѣе, такъ какъ крестьяне не дѣлятъ навозныхъ полей» (181).

[1]) Вотъ описаніе передѣла сѣнокосовъ въ Архангельской губерніи. «Сѣнокосные луга раздѣляются каждый годъ между крестьянами по участкамъ или жеребьямъ. Предъ временемъ косьбы, обыкновенно около Петрова дня или Ивана Купалы, вся деревня назначаетъ день, когда слѣдуетъ расколотить землю. Въ тотъ день всѣ домохозяева ѣдутъ на лугъ, отыскиваютъ границы жеребьевъ прошедшаго года и ставятъ на нихъ огромныя жерди. Жребій заключаетъ въ себѣ участокъ земли, съ котораго должны снять траву 10 человѣкъ. Когда 10 жеребьевъ по числу 10 десятковъ душъ разграничены, тогда заправляющіе этимъ дѣломъ выборные отъ каждаго десятка по одному начинаютъ передвигать десятки по участкамъ. Тотъ десятокъ душъ, который въ прошломъ году косилъ жеребій, наприм. хоть на южномъ концѣ, переводится на сѣверный конецъ, а десятокъ, занимавшій этотъ второй жеребій, переводится на третій, и такъ одинъ за другимъ отодвигаются всѣ 10 десятковъ. Чрезъ 10 лѣтъ десятокъ, который посадили на сѣверный конецъ, опять сидетъ на южный жребій. За дѣлежомъ на жеребьи приступаютъ къ раздѣлу каждаго жеребья отдѣльно. Здѣсь принимаетъ участіе уже цѣлый десятокъ. Предварительно жребіи расколачиваются на 10 равныхъ частей, потомъ берется отъ каждой души какой либо значекъ: всѣ десять значковъ складываются въ одну рукавицу, перемѣшиваются тамъ, и затѣмъ выборнымъ вынимаются и кладутся по порядку». (Ефименко, Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ).

другимъ лицамъ. Для этого дѣлятъ клинья на группы, въ каждой по десяти. Десятокъ душъ, пахавшій съ предъидущаго передѣла десять клиньевъ на одномъ концѣ, переводится при новомъ передѣлѣ на другой, а десятокъ съ этого конца подвигается на ближайшій слѣдующій, передвигая за собой и всѣ остальные. Затѣмъ каждый десятокъ дѣлится по жеребью между входящими въ его составъ душами. Совершенно такой же порядокъ наблюдается и при передѣлѣ сѣнокосовъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что душевые жеребьи отводятся тогда въ одномъ мѣстѣ.

Раціональность современной общинной организаціи и сознательное отношеніе къ ней крестьянъ доказывается также многими другими фактами. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ результатовъ новыхъ наблюденій надъ общиной состоитъ въ констатированіи факта полнѣйшей совмѣстимости общиннаго способа пользованія съ усовершенствованными способами хозяйства. Любимымъ конькомъ всѣхъ противниковъ общины было, именно, доказывать, что она заключаетъ въ себѣ непобѣдимыя препятствія къ развитію земледѣлія. Главное изъ нихъ заключается, по ихъ мнѣнію, въ невозможности личной иниціативы, такъ какъ хозяйственныя работы каждаго общинника необходимо должны производиться по опредѣленному плану, общему для цѣлаго міра. Никто напр. не можетъ замѣнить трехпольнаго сѣвооборота другимъ, такъ какъ паровое поле служитъ выгономъ для скота. По той-же причинѣ всѣ должны начинать пашню и посѣвъ не ранѣе извѣстнаго времени, именно когда скотъ перегонятъ съ пара на скошенные луга и сжатыя поля. Жнитво и уборка хлѣба очевидно должны производиться также въ одну пору. Косьбу равнымъ образомъ нельзя ни начать ни окончить по произволу, такъ какъ до раздѣла сѣнокосовъ косить никто не имѣетъ права, а позднѣе другихъ косить нельзя вслѣдствіе того, что на скошенные луга перегоняется скотъ для пастьбы. Но прогрессъ совершается по мѣрѣ развитія потребностей общества, а не подъ вліяніемъ случайныхъ примѣровъ; роль передовыхъ личностей заключается лишь въ томъ, что онѣ, яснѣе другихъ сознавая новыя требованія, вырабатываютъ и распространяютъ въ массѣ идеи о средствахъ къ ихъ удовлетворенію. Воспри-

нятіе же новыхъ идей обществомъ зависитъ отъ его организаціи и въ этомъ отношеніи сельская русская община находится въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Измѣненіе сѣвооборота, введеніе машиннаго хозяйства, дренажъ, орошеніе и обработка болотистыхъ мѣстностей и тому подобныя улучшенія, если когда-нибудь со стороны крестьянъ явится запросъ на нихъ и имъ сдѣлаются извѣстны результаты науки, гораздо возможнѣе для общинниковъ, чѣмъ для отдѣльныхъ домохозяевъ или даже ихъ товариществъ. Эгоистическое противодѣйствіе отдѣльной личности, при ея зависимости отъ міра, не можетъ остановить нововведенія, разъ признаннаго необходимымъ цѣлымъ міромъ. Съ другой стороны, при дружномъ совершеніи хозяйственныхъ работъ по общему плану и по возможности въ одно для всѣхъ время, обезпечивается исправное выполненіе этихъ работъ и устраняется для отдѣльной личности опасность пострадать отъ собственнаго замедленія и небрежности [1]).

Факты на лицо. Нѣмецкія колоніи на Волгѣ, усвоившія общинные русскіе распорядки во всей ихъ полнотѣ, довели свое хозяйство до замѣчательной степени совершенства и достигли высокаго благосостоянія. Поля ихъ, вслѣдствіе тщательной обработки, даютъ большіе урожаи, дѣлающіе немыслимымъ не только голодъ, но даже недостатокъ въ хлѣбѣ. Хозяйственныя постройки весьма прочны, помѣстительны и очевидно разсчитаны, не смотря на передѣлы, на равномѣрный доходъ въ продолженіи долгаго времени. Машины распространены повсемѣ-

---

[1]) Вотъ одинъ примѣръ нововведенія въ хозяйствѣ общинной. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ крестьяне Тукеинской дачи Олонецкаго у. крайне нуждались въ сѣнѣ. Кругомъ ихъ лежали болота, на которыхъ только въ сухіе годы, рѣдкіе въ Олонецкой губ., они собирали плохое сѣно. Крестьяне рѣшились осушить ихъ и весь міръ поголовно принялся за работу. Два года рыли они канавы общими силами, потомъ два года выжигали торфъ и, наконецъ, послѣ трехлѣтняго посѣва осушенныхъ болотъ хлѣбомъ (урожай былъ великолѣпный), они получили прекрасное сѣно. И теперь тотъ годъ считается у тукеинцевъ плохимъ, въ который они продадутъ 500 тысячъ пудовъ этого сѣна (Л мъ Сельская община въ Олонецкой губ. От. Зап. 1874, 2. 235 стр.). Возможны ли такія гигантскія работы для отдѣльныхъ подворныхъ хозяевъ или ихъ артелей? Подобныя же работы описываются Якушкинымъ (обычное право) и Кавелинымъ (объ общинномъ землевладѣніи) и А. Есипенко, Сборникъ объ артеляхъ II, 153—154.

ство. Мы могли бы также привести въ примѣръ хозяйство менонитовъ, но общинное землевладѣніе у нихъ организовано нѣсколько по иному типу, чѣмъ у русскихъ крестьянъ. Примѣръ нѣмецкихъ колоній доказываетъ также, что улучшеніямъ въ земледѣліи не препятствуютъ ни передѣлы, ни чрезполосность и мелкота участковъ, ни даже круговая порука, такъ какъ всѣ эти черты свойственны нѣмецкимъ колоніямъ въ такой же мѣрѣ, какъ и русскимъ селамъ. Между тѣмъ противники общины, признавая—одни намѣренно, другіе по непониманію дѣла, всѣ эти явленія необходимою принадлежностью общиннаго пользованія землей [1]), считали доказаннымъ, что при ихъ существованіи не мыслимы никакія земледѣльческія улучшенія.

Изслѣдованія общины въ послѣднія 20 лѣтъ выяснили полнѣйшее соотвѣтствіе общиннаго землевладѣнія съ бытомъ и міровоззрѣніемъ народа. Насколько сильна привязанность крестьянъ къ общинѣ, видно особенно изъ того, что, не смотря на свободу, предоставленную въ этомъ отношеніи закономъ, въ послѣдніе 15 лѣтъ [2]) не было и примѣровъ добровольнаго уничтоже-

---

[1]) Передѣлы полей, мелкота и чрезполосность надѣловъ происходятъ не отъ общиннаго землевладѣнія, а отъ тѣхъ способовъ, которые приняты общинниками для установленія равенства надѣловъ. Если бы крестьяне умѣли и имѣли средства въ точности оцѣнивать выгоды каждаго участка, то тогда, при той же общинѣ, душевые участки могли бы быть отводимы въ одномъ мѣстѣ съ соблюденіемъ полнѣйшаго равенства относительно величины качества и разстоянія ихъ отъ усадьбъ. Или если бы община рѣшилась ввести артельную обработку въ родѣ той, которая предлагается въ 4 № за 1874 Земледѣльческой Газеты, эти явленія также не имѣли бы мѣста. Всего менѣе можетъ быть поставлена въ вину общинѣ круговая порука, которую противники общины считаютъ между тѣмъ одной изъ наиболѣе вредныхъ сторонъ общиннаго владѣнія. Круговая порука въ томъ видѣ, какъ она примѣняется теперь, есть исключительно результатъ фискальной системы, точно также какъ и всѣ вытекающія изъ нея ограниченія выхода изъ общины, вслѣдствіе которыхъ крестьянинъ оказывается прикрѣпленнымъ къ землѣ своей деревни. (Полный сводъ всѣхъ доводовъ за и противъ общины читатель найдетъ у Кавелина въ статьяхъ объ общинномъ землевладѣніи въ «Недѣлѣ» за 1876, № 3 и слѣд.).

[2]) По «положенію» 19 февраля, временно-обязанные крестьяне, съ согласія помѣщика, а крестьяне собственники -послѣ выкупа земель—съ согласія посредника, могутъ уничтожить общинное землевладѣніе, раздѣливши землю на подворные участки, если на сельскомъ сходѣ состоится приговоръ

нія общиннаго землевладѣнія, если не считать нѣсколькихъ исключительныхъ случаевъ. Ни усилія посредниковъ и помѣщиковъ, во многихъ мѣстахъ бравшихъ на себя роль ревностныхъ прозелитовъ политико-экономическихъ теорій, ни обѣщанная льгота отъ круговой поруки не могли побудить крестьянъ къ раздѣлу общинной земли на подворные участки [1]). Въ

такого рода по рѣшенію большинства $^3/_4$ голосовъ. Отъ общинъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ и бывшихъ колонистовъ, съ 1871 г. поселянъ собственниковъ, требуется для приговора даже $^2/_3$ голосовъ. Разверставшись по дворамъ, крестьяне освобождаются отъ круговой поруки.

[1]) «Въ Ярославской губ., по даннымъ мѣстнаго статистическаго комитета, до сихъ поръ не было и попытки ввести участковаго пользованія землей въ какой-бы то ни было формѣ; хотя законъ 19 февр. 1861 года и не препятствуетъ этому, но весь складъ экономической жизни крестьянъ не допускаетъ такой перемѣны» (Приложенія I, 168). Въ Новобасанскомъ мировомъ участкѣ Черниговской губ. только одно крестьянское общество раздѣлило выкупленный надѣлъ подворно; всѣ прочіе крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, въ большей части уже собственники, остаются при общинномъ владѣніи, которое, въ сравненіи съ подворнымъ при однокачественности почвы, не имѣетъ вреднаго вліянія» (186) «О замѣнѣ общиннаго пользованія землею участковымъ, заявляетъ одинъ землевладѣлецъ, между крестьянами не проявляется никакого желанія; напротивъ того, попытки такой реформы вызываютъ ропотъ, даже сопротивленіе (619). «Замѣчательно, что крестьяне, говоритъ мировой посредникъ Михаилов. у., зная о правѣ замѣны общиннаго пользованія на участковое, ни по одному обществу до сего времени ни заявленій, ни приговоровъ о томъ не представляли, несмотря на то, что мѣстный мировой посредникъ старался распространить между ними сознаніе этого права и пользу отъ его примѣненія» (180). По словамъ мироваго посредника Чухломскаго у. Костромской губ., крестьяне, не смотря на вредъ отъ общиннаго владѣнія, сознаваемый самими крестьянами (?), неохотно переходятъ къ участковому пользованію по причинѣ вкоренившагося издавна обычая общиннаго пользованія, круговой поруки, мѣстныхъ климатическихъ условій и затрудненія имѣть общій выгонъ; даже при выкупѣ земель не переходятъ къ участковому за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ (169). Въ Михайловскомъ у. Рязанской губ. въ участковый раздѣлъ никто переходить не желаетъ (180). «Не смотря на то, говоритъ крестьянинъ Кромскаго у. Орлов. губ., что крестьянское населеніе сознаетъ невыгоды общиннаго пользованія, тѣмъ не менѣе, общинное пользованіе вездѣ существуетъ и передѣла земли на постоянные участки въ скоромъ времени не предвидится. Нежеланіе крестьянъ раздѣлить землю, по его мнѣнію, объясняется: во 1-хъ невозможностью уравнять самые надѣлы по качеству почвы; 2) стѣсненіемъ для выпуска скота и 3) неувѣренностью въ томъ, что новые порядки могутъ быть лучше тѣхъ, которые уже издавна существуютъ и которые увѣковѣчены преданіемъ старины (183 стр.). Общинное пользованіе землей, пишетъ земле-

виду этого факта, въ виду раціональности общиннаго устройства, какую же долю вѣроятія можно придавать всѣмъ разсужденіямъ о фискальномъ происхожденіи и искусственномъ поддержаніи общиннаго землевладѣнія въ Россіи? Тѣ исключительные случаи раздѣла общинной земли, которые выставлены въ «докладѣ» съ особенною силой, какъ доказательство стремленія крестьянъ перейти къ подворному пользованію, доказываютъ, напротивъ, какъ нельзя яснѣе ихъ отвращеніе къ нему. По заявленію Ярославскаго статистическаго комитета, въ этой губ. составлены нѣкоторыми обществами приговоры о замѣнѣ общиннаго владѣнія участковымъ. Но приговоры эти «существуютъ только на бумагѣ, чтобы избавиться отъ круговой поруки; de facto же въ этихъ селеніяхъ владѣютъ землею по старому и передѣляютъ свои поля отъ времени до времени». Съ тою же цѣлью освободиться отъ круговой поруки, но совсѣмъ не отъ общиннаго землевладѣнія, были составлены подобные же фиктивные приговоры и въ другихъ мѣстностяхъ [1]). Замѣ-

---

владѣлецъ Славяносербскаго у., подвергая крестьянъ несправедливости круговой поруки въ уплатѣ повинностей и не давая возможности прогресса въ улучшеніи земли удобреніемъ—оказывается однакожъ неизбѣжнымъ при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находятся крестьяне въ отношеніи пастьбы скота и водопоя. Это главная причина, удерживающая крестьянина въ общинномъ пользованіи (187). Въ уѣздахъ Рыльскомъ и Путивльскомъ только 2 селенія ввели участковое пользованіе (184), изъ Духовщинскаго у. заявляютъ, «что перехода къ участковому хозяйству не случалось и безъ мѣръ правительственныхъ его ожидать нельзя (164). Вообще замѣнить общинное владѣніе участковымъ, замѣчаетъ юрьевецкій землевладѣлецъ, при настоящихъ условіяхъ быта нѣтъ никакой возможности» (169).

[1]) Для Симбирской губ. составленъ въ «Приложеніяхъ» даже списокъ 17 селеній, гдѣ составлены были приговоры о раздѣлѣ и гдѣ земля по прежнему состоитъ въ общинномъ пользованіи и передѣляется (171). Цѣлью ихъ было дать возможность выкупить свои надѣлы. Какъ туго прививается участковое владѣніе доказываетъ слѣдующій случай. Въ Вольскомъ у. одно сельское общество (д. Большіе озерки) «раздѣлило свою землю на самостоятельные участки съ тѣмъ, чтобы каждый домохозяинъ пользовался своимъ надѣломъ на правѣ личной собственности и передавалъ его по наслѣдству; но такъ какъ это общество удержало ежегодный передѣлъ полей (!), причемъ хозяева получаютъ причитающіеся имъ участки ежегодно въ разныхъ мѣстахъ, то этотъ порядокъ пользованія ничѣмъ существеннымъ не отличается въ сельско хозяйственномъ отношеніи отъ обыкновеннаго общиннаго» (176). Нѣсколько случаевъ раздѣла земель были въ Сызранскомъ у., одинъ въ Пронскомъ, одинъ -въ Калужскомъ. Мотивы ихъ не объ-

чательно, что привязанность къ общинѣ одинаково сильна какъ въ бѣдныхъ, такъ и въ богатыхъ [1]).

Но всего рельефнѣе выражается эта привязанность въ томъ, что крестьяне, арендуя земли у землевладѣльцевъ, пользуются ею на тѣхъ же общинныхъ началахъ, какія приняты ими при пользованіи надѣлами. Но и этого мало [2]), даже покупаемую землю общества не дѣлятъ на подворные участки, а присоединяютъ къ общинной землѣ [3]). Какіе же болѣе убѣдительные аргументы можно представить въ доказательство соотвѣтствія поземельной общины съ основами быта русскаго крестьянства въ доказательство его глубокой исторической привязанности къ ней?

Мы постараемся теперь объяснить точнѣе причины, вслѣдствіе которыхъ возникла и такъ крѣпко держится эта замѣчательная система распредѣленія земли. Относительно этого вопроса въ литературѣ существуетъ нѣсколько мнѣній. Гакстгаузенъ, считавшій общину исключительною особенностью славянскаго племени, видѣлъ въ ней лишь разросшуюся семью. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, имѣвшаго много приверженцевъ, онъ ссылался на существующія поземельныя отношенія у

ясневы, къ сожалѣнію. Съ большимъ успѣхомъ, по докладу, развивается личное владѣніе въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Остзейскимъ губ., по примѣру переселенцевъ изъ прибалтійскаго края (176).

[1]) Говоря о препятствіяхъ къ уничтоженію общины, предсѣдатель Валдайской управы находитъ ихъ въ противодѣйствіи бѣдняковъ, желающихъ получить при передѣлѣ хорошіе удобренные участки. Но вотъ фактъ, доказывающій противуположное. Одинъ изъ давшихъ отзывы заявляетъ, что, хотя нѣкоторые изъ крестьянъ и желаютъ выдѣлить участки, но все-таки съ цѣлью, отдѣлившись отъ общества, опять составить между собою, т. е. между выкупившими, общину на прежнемъ основаніи. Это люди зажиточные, желающіе избѣжать круговой поруки со всѣмъ обществомъ» (187).

[2]) Сельское хозяйство. № 5. Статья Малышева «Хозяйство въ частныхъ имѣніяхъ Симб. губ.». Крестьяне заключаютъ условія съ помѣщиками каждый отдѣльно, но, по заключеніи ихъ, составляютъ между собою общину съемщиковъ и раздѣляютъ на равныя доли всю арендованную землю и затѣмъ каждый беретъ требуемое имъ число этихъ долей.

[3]) Напр., по Кашинскому у. Тверской губ., какъ сообщаетъ одинъ землевладѣлецъ со словъ членовъ управы, отъ владѣльцевъ къ крестьянамъ перешло въ теченіе 10-лѣтія послѣ реформы 26,000 десятинъ и большая часть этой земли перешла въ общинное владѣніе (162).

Сербовъ, Босняковъ и Болгаръ и многочисленныя семьи, встрѣчавшіяся въ его время во всѣхъ концахъ Россіи и представлявшіяся ему переходной ступенью къ обычной общинѣ. Но такое сопоставленіе совершенно неправильно. Дѣйствительно южнославянское сельское населеніе до сихъ поръ живетъ большими, нераздѣльными семьями, заключающими отъ 20 до 100 лицъ и называемыми *задругами* или *дружинами*. За исключеніемъ незначительныхъ клочковъ земли, выдѣляемыхъ на короткое время въ частное пользованіе членовъ для постава льна или конопли, вся земля обработывается здѣсь сообща подъ руководствомъ выборнаго господаря (Лавеле, Утешеневичъ). Но не говоря уже о томъ, что подобныя семейныя общины до послѣдняго времени повсемѣстно существовали въ Германіи (cognationes, Freundschaften, Geschlechter etc.—Мауреръ) и Италіи, а во Франціи удержались до настоящаго времени (Communaule), compagnie Лавеле, Baudrillart) и, слѣдовательно, совсѣмъ не составляютъ особенности славянскаго племени, Гакстгаузенъ совершенно ошибочно отожествлялъ эти явленія съ русской общиной. Подобныя семейныя общины были въ прежнее время и въ Россіи. Древнѣйшіе русскіе законодательные памятники (Русская правда, Псковская судная грамота) или совсѣмъ не содержатъ никакихъ постановленій о семейномъ и наслѣдственномъ правѣ, или заключаютъ въ себѣ такого рода законы, которые ясно доказываютъ, что господствующей формой быта въ ту пору была семейная община (Энгельманъ, Систематическое изложеніе Псковской судной Грамоты, стр. 20—21), Но эти семейныя общины, вслѣдствіе причинъ, еще недостаточно разъясненныхъ, главнымъ образомъ, вѣроятно, вслѣдствіе выселенія ея членовъ въ одиночку, исчезли уже въ первые вѣка русской исторіи и отъ нихъ не осталось теперь и слѣда. Тѣ большія семьи, которыя встрѣчалъ въ Россіи во время своего путешествія Гакстгаузенъ и подъ впечатлѣніемъ которыхъ онъ составилъ свое мнѣніе, вовсе не были остаткомъ древнерусскаго семейнаго права, а представляли результатъ условій новаго времени, преимущественно крѣпостнаго права, по уничтоженіи котораго они дѣйствительно путемъ раздѣла стали быстро разрушаться. (До-

кладъ коммиссіи о сельскомъ хозяйствѣ). Въ мѣстностяхъ, гдѣ не было крѣпостнаго права, напр. въ средѣ государственныхъ крестьянъ, стремленіе къ раздѣламъ было сильно всегда, какъ это засвидѣтельствовано экономической конструкціей 1770 года. Не могутъ служить также подтвержденіемъ взглядовъ Гавстгаузена ни раскольническія общины, въ основѣ которыхъ лежитъ совсѣмъ не родство, а религіозно-коммунистическій принципъ, ни встрѣчающіяся въ Архангельской губерніи ассоціаціи дворовъ, съ цѣлью общаго производства (печища), принимаемыя за сербскую задругу также и г. Ефименко. Подобныя ассоціаціи составляютъ принадлежность одной изъ формъ общиннаго владѣнія, при которой часть земли находится въ попостоянномъ подворномъ пользованіи, а другая часть, обработка которой почему либо не возможна или не удобна для отдѣльныхъ лицъ, воздѣлывается сообща. И наконецъ всего менѣе семейной основы можно искать въ обычной общинѣ, представляющей, какъ мы говорили уже, вольный союзъ лицъ съ цѣлью равенства и взаимности. Бѣляевъ впрочемъ не совсѣмъ справедливо присвоиваетъ ей названіе договорной, такъ какъ онъ предполагаетъ юридическую опредѣленность отношеній ея членовъ, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ и не было. Но нужно назвать совершенно нелѣпымъ мнѣніе, по которому русскіе крестьяне, жившіе будто-бы сначала на особыхъ подворныхъ участкахъ, «принуждены были изъ разбросанныхъ деревень переселиться въ центральныя села» и ввести общинное пользованіе и передѣлъ земли лишь вслѣдствіе перенесенія податей съ земли на лица и взысканія ихъ не съ отдѣльныхъ лицъ, а съ общины [1]). Трудно допустить уже съ перваго взгляда возможность такого уничтоженія жилищъ, большею частью весьма отдаленныхъ другъ отъ друга, лишь для того, чтобы выстроить ихъ снова на другомъ мѣстѣ, точно также невѣроятно, чтобы ради однѣхъ только фискальныхъ цѣлей всѣ рѣшились предполагаемое подворное хозяйство съ полями, расположенными вокругъ двора, съ полной свободой распоряженія, промѣнять на хозяйство общинное, при которомъ они получили участки, разрѣзан-

---

[1]) Чичеринъ, Опыты по исторіи русскаго права. Стр. 125.

ные на мелкія полосы, разбросанныя по всѣмъ полямъ, притомъ подвергающіяся передѣламъ, и должны были подчиняться во всѣхъ своихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ общему плану общины. Но это мнѣніе совершенно опровергается, какъ мы видѣли, источниками. Деревни, описанныя въ писцовыхъ книгахъ, по большей части существуютъ и до сихъ поръ съ тѣми названіями, съ тѣмъ же расположеніемъ относительно другъ друга, какъ и 300 — 400 лѣтъ назадъ, и теперь онѣ также малолюдны, какъ и тогда, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыя были многолюдны и прежде. Далѣе есть несомнѣнныя свидѣтельства, что передѣлы существовали до введенія подушной системы, какъ это доказываютъ приведенные выше акты о промѣнахъ и раздѣлахъ въ Шуѣ.

Отвергая въ подушной системѣ магическую силу создавать общины, мы точно также не можемъ согласиться съ мнѣніемъ весьма распространеннымъ, особенно въ послѣднее время, что община обязана своимъ происхожденіемъ исключительно борьбѣ человѣка съ неблагопріятными условіями природы. Эта борьба могла бы оказать вліяніе лишь на многолюдность поселковъ, съ цѣлію защиты отъ нападеній хищныхъ звѣрей, разбойниковъ, но изъ нея никакимъ образомъ нельзя объяснять происхожденія общинной формы землевладѣнія. Крестьянинъ пахалъ отдѣльно отъ другихъ, отдѣльно отъ другихъ ловилъ звѣрей по уединеннымъ путикамъ и ловищамъ, и вообще велъ борьбу съ естественными препятствіями въ большинствѣ случаевъ одиноко. Защита деревень отъ наводненій, посредствомъ постройки общими силами плотинъ, должна была быть весьма рѣдкимъ явленіемъ, такъ какъ поселки строились на возвышенныхъ мѣстахъ, и постройки были такъ дешевы, что всегда было можно легко перейти на новое мѣсто. Ассоціаціи, подобныя поземельной общинѣ или промысловой артели, обязаны своимъ происхожденіемъ стремленію людей къ общежитію, взаимности и равенству, которое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе препятствуютъ ему внѣшнія или внутреннія причины. Между этими причинами первое мѣсто занимаютъ природныя условія, родъ занятія при заселеніи земли населеніемъ, затѣмъ искусственное поощреніе частнаго землевладѣнія и насильственное уничтоженіе общиннаго. Имѣя это въ виду, легко

объяснить много непонятныхъ на первый взглядъ явленій. Финны не образовали общины потому, что заселили страну въ періодъ охотническо-звѣроловческаго быта, при которомъ неизбѣжно каждая семья должна была жить отдѣльно отъ другихъ, такъ какъ только при этомъ условіи она могла найти достаточно средствъ къ существованію. По той же причинѣ не могутъ образовать ни многолюдныхъ поселковъ, ни общины Самоѣды и другіе сѣверные дикіе народы. Русскіе же явились на сѣверъ уже земледѣльцами, слѣдовательно въ родѣ занятій не было препятствій къ поселенію деревнями и устройству общины. Не было ихъ также и въ природныхъ условіяхъ. Обширныя пространства земли представляли каждому просторъ къ свободному займу. Деревни, однакожъ, не могли быть ни постоянными, ни многодворными вслѣдствіе того, что участки плодородной земли разбросаны здѣсь небольшими клочками и земледѣльцу необходимо было мѣнять мѣсто осѣдлости. При такихъ условіяхъ стремленіе къ равенству выразилось въ общинѣ — волости, которая по всей вѣроятности не только удержалась бы до настоящаго времени, но и получила бы дальнѣйшее развитіе въ направленіи все большаго и большаго уравненія членовъ, подобно тому какъ мы видимъ это въ общинѣ Уральскихъ казаковъ, если бы раздача черныхъ земель въ помѣстья и вотчины и устройство административныхъ территоріальныхъ единицъ не остановили этого роста. Но, поощряя частное землевладѣніе, русское правительство, въ противуположность германскому и англійскому, не обнаружило активнаго стремленія уничтожить общину, и только этимъ объясняется, почему общинное землевладѣніе разрушилось на Западѣ и сохранилось у насъ. Безъ такого искусственнаго разрушенія оно существовало бы и тамъ, такъ какъ оно есть выраженіе присущаго людямъ стремленія къ равенству.

До какой степени сильна была эта идея равенства въ русскомъ крестьянствѣ видно изъ того, что она лежала въ основаніи организаціи каждаго промысла: здѣсь она выражалась въ формѣ товарищества. До насъ дошли только отрывочныя свѣдѣнія о промысловыхъ товариществахъ до 16 вѣка, но и они даютъ основаніе предполагать артельную орга-

низацію общей для всѣхъ сферъ тогдашней экономической дѣятельности. Можно даже съ вѣроятностью утверждать, что артель была въ то время единственной организаціей и что только въ послѣдующее время ее вытѣснила современная форма устройства промысловъ съ хозяевами и рабочими, явившаяся, какъ кажется, подъ давленіемъ возникшей частной поземельной собственности. По крайней мѣрѣ, не было ни одной области экономической дѣятельности, къ которой не было бы примѣнено артельное устройство. Такъ были товарищества для покупки земли. Члены такого товарищества назывались сябрами, какъ и во многихъ другихъ ассоціаціяхъ. Складывалось нѣсколько лицъ, покупали на общій счетъ извѣстное количество земли и потомъ дѣлили ее пропорціонально своей долѣ въ общемъ капиталѣ. Но съ покупкой и раздѣломъ земли товарищество не разрушалось. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. въ случаѣ тяжбы, начатой противъ одного, въ процессѣ принимаютъ участіе всѣ товарищи, явившіеся въ судъ для подтвержденія правъ своего товарища [1]). Къ сожалѣнію, неполнота дошедшихъ до насъ данныхъ лишаетъ насъ всякой возможности объяснить хотя въ общихъ чертахъ устройство подобныхъ товариществъ. Весьма обыкновенны были также товарищества для арендованія земли и для различныхъ другихъ сельскохозяйственныхъ цѣлей [2]).

---

[1]) «А кто съ кѣмъ растяжутся о земли, или о борти, да положатъ грамоты старыя и купленную свою (купчую) грамоту и его грамоты заидутъ бо сябровъ земли и борти и сябры вси станутъ (должны стать) отвѣчаючи ктожъ (каждый) за свою землю, или за борть, да и грамоты подъ господою (судомъ) покладутъ, да и межниковъ возмутъ и той отведутъ у стариковъ (старожильцевъ, знающихъ межи) по своей купной грамотѣ свою часть: ино ему правда дати по своей части, а целованью быть одному; то ему и судница (правая грамота) дать на часъ, на который поцелуетъ» (Псков. Судн. грам. 16). Очевидно, это товарищество представляло юридическое лицо.

[2]) «А пахали тое наемную пашню на выть троицкіе крестьяне Вислайко Никитинъ съ товарищи, а найму дали 2 гривны» (Писцовыя книги Дмитровскаго уѣзда). Далѣе въ той же мѣстности описывается еще нѣсколько товариществъ для пашни наемной земли. Точно такія же товарищества встрѣчаемъ и въ новгородскихъ пятинахъ. Деревня Марьинъ Рядокъ на большой дорогѣ была сначала въ помѣстьѣ, а послѣ была «на оброкѣ у крестьянъ тоежъ деревни у Сенки у Игнатова съ товарищи» Неволинъ, Прил. 248). Точно также пустошь Тепиволково отдана была товариществу

Артельное владѣніе и пользованіе было также основной чертой устройства солянаго промысла въ XVI и слѣдующихъ вѣкахъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, о которыхъ до насъ дошли свѣдѣнія, именно въ Ненoксѣ, Унѣ и Владыченскомъ Усольѣ (Онежск. у.). Данныя здѣсь полнѣе, что даетъ возможность опредѣлить не только организацію этихъ артелей, но и указать происхожденіе ихъ. Члены товарищества назывались сябрами Доли совладѣльцевъ въ промысловомъ угодьѣ и въ орудіяхъ производствъ были неодинаковы, но если не считать такихъ дольщиковъ, какъ монастыри (кирилловскій, сійскій, соловецкій, никольскій, архангельскій), сосредоточившихъ посредствомъ купли и даренія въ своихъ рукахъ значительные паи, различіе въ размѣрахъ долей легко объясняется неравенствомъ количественнаго состава семей, подобно тому, какъ это было и при общинномъ владѣніи землей [1]). Единицей распредѣленія принималась

изъ 4 человѣкъ на урокъ на 5 лѣтъ (Неволинъ, Приложеніе 191. Ср. стр. 125). Или «Рядовичи»—называются далѣе нѣсколько именъ—пашутъ арендованное ими селище на разъемъ и даютъ съ него об,ока въ волость гривну и 5 денегъ (Дер. пат. I. 509). Подобныя товарищества составлялись не только изъ жителей одной деревни, но нерѣдко нѣсколькихъ сосѣднихъ поселковъ. Напр., у Неволина въ Приложеніи на 125 стр. описывается одно такое товарищество для пашни наѣздомъ. Въ писцовыхъ книгахъ центральныхъ уѣздовъ описываются также товарищества для косьбы сѣна: такъ въ одномъ мѣстѣ «крестьянинъ Филка Андреевъ съ товарищи» косилъ сѣно по селищу Троицкаго села Озерецкаго, платя найму въ монастырь 7 алтынъ, тоже и во многихъ другихъ мѣстахъ. Товарищества снимали далѣе на оброкъ мельницы, угодья.

[1]) Въ одномъ случаѣ соляная варница раздѣлена была такъ: владѣльцевъ, названныхъ по имени, пятеро, и кромѣ нихъ были еще сябры (и съ иными сябры). Одинъ изъ сябровъ владѣлъ тремя двѣнадцатыми цѣлаго; остальные, очевидно, должны были владѣть меньшими долями. Въ другомъ случаѣ, въ наволоцкой варницѣ Скоторомицѣ, гдѣ единицей распредѣленія была принята выть, доли пайщиковъ были слѣдующія: устюжанину Тимофею Усову принадлежали двѣ выти съ пол-вытью; ненокшанамъ, посадскимъ людямъ: Ивашкѣ Кологривову — пол-выти; Тренькѣ да Варламкѣ Суровцевымъ — пол выти; вдовѣ Меланьицѣ Подзякова женѣ Ермолина — выть; Ермолкѣ Завертяину—выть безъ трети; Мирошкѣ Дворяшину — выть безъ чети; церковныхъ Петра и Павла — три выти; а всего девять вытей съ третью и пол-полтрети выти. Въ этой же варницѣ Соловецкій монастырь имѣлъ три выти съ пол-вытью и пол полтрети выти (по писцовой книгѣ, хранящейся въ архивѣ ненокской Троицкой церкви, приведенной въ извлеченіи г-жею Ефименко въ «Сборникѣ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи», ч. 2, стр. 140).

двѣнадцатая, рѣдко седьмая доля всего промысловаго угодья съ принадлежащимъ къ нему хозяйственнымъ инвентаремъ, или, наконецъ, выть. Товарищи имѣли право продавать и передавать свои доли по наслѣдству, но это не было отчужденіе въ современномъ смыслѣ. Здѣсь отчуждались не реальныя доли, а лишь право на участіе въ общемъ угодьѣ и въ каждомъ изъ орудій и матеріаловъ необходимыхъ для производства, подобно тому, какъ мы видѣли это и въ поземельной общинѣ [1]). О выдѣлѣ этихъ купленныхъ частей, понятно, не могло быть и рѣчи. Случалось, что внутри одной солеварной общины образовались болѣе мелкія артели, владѣвшія отдѣльно отъ другихъ какими нибудь изъ орудій [2]). Работы на варницахъ производились «по общему совѣту всѣхъ сябровъ» [3]), и безъ этого общаго совѣта отдѣльный владѣлецъ, былъ ли то монастырь, владѣвшій «большею варею», или мірскіе люди, владѣющіе «малыми дольками», не могъ предпринять ничего. Собственно о распредѣленіи самаго продукта, соли, не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Организація солеварныхъ общинъ, какъ можно судить по приведеннымъ даннымъ, сходна въ основныхъ чертахъ съ организаціей поземельной общины и можно предполагать, что прототипомъ ея послужила, именно, эта послѣдняя. (Далѣе мы постараемся точнѣе показать тожество артели и общины). Весьма

---

[1]) Напримѣръ, одинъ продаетъ другому свою долю «три двѣнадцатыхъ сугреба», т. е. три двѣнадцатыхъ въ томъ количествѣ соли, которое вываривается за одинъ разъ (сугребъ). Другой продаетъ «въ колодцы въ росолномъ, пол-двѣнадцатаго сугреба росолу; участки въ Орлики, варницы и въ цренѣ, и въ дугахъ, и въ кострищахъ (мѣсто для складки дровъ), и во всѣхъ варничныхъ угодьяхъ». Доля въ орудіяхъ производства соотвѣтствовала долѣ въ угодьѣ (А. Ю. № 90,93 и 95). Точно также продавалось право пользованія на опредѣленное время: продалъ владѣніе свое... полночи росолу Тихонова црена и съ варничнымъ мѣстомъ и съ кострищными мѣсты и съ плотовыми пристащи, *что на ту полночи доведется*» (Ефименко, 139 стр.).

[2]) Напр., «одинъ сябръ имѣлъ четверть црена и варницы со всѣми варничными угодьи въ складствѣ съ Кормановъ да Васильемъ», а «бадья и жаравецъ были въ складствѣ съ кормановъ Ивановымъ Заслонова и съ троицкими старцы Сійскаго монастыря» (Ефименко, 130 стр , по неизданнымъ купчимъ XVI в.).

[3]) Такъ напр., въ одной челобитной разсказывается случай, когда сябры, по общему совѣту, чистили свой соляной колодезь (Ефименко, 141 стр.).

вѣроятно, что и другія артели обязаны своимъ происхожденіемъ той же общинѣ, но никакъ уже не семьѣ.

Охота за звѣрями и птицами производилась также товариществами. Для древняго времени мы имѣемъ свѣдѣнія только объ артеляхъ для битья моржей и для ловли кречетовъ, доставлявшихся къ дворамъ князей и царей. Изъ грамоты велик. князя Андрея Александровича на Двину и двухъ грамотъ Ивана Даниловича видно, что кречатый промыселъ производился артелями или ватагами, во главѣ которыхъ стоялъ «ватаманъ». Члены этихъ товариществъ назывались помытчиками, но кромѣ нихъ въ составъ артелей входили лица, служившія у нихъ по найму за деньги (наймиты) и изъ доли (третники). Покровительствуя дорогому для нихъ кречатому промыслу, великіе князья и цари предоставили этимъ артелямъ полную автономію въ управленіи своими дѣлами и право самосуда, кромѣ дѣлъ по важнымъ преступленіямъ, и, кромѣ того, избавили ихъ отъ зависимости отъ мѣстныхъ властей, освободивши вмѣстѣ съ тѣмъ отъ податей и рекрутства. Правительство же давало имъ деньги на ежегодныя издержки по промыслу. Обязанностью ихъ было поставлять точно опредѣленное количество кречетовъ, причемъ какъ переловъ, такъ и недоловъ одинаково признавались неисполненіемъ обязанности: недоловъ наказывался даже штрафомъ. По даннымъ XVIII в., артели эти имѣли общіе суды и денежные капиталы [1]). Организовавшись при такихъ исключительныхъ условіяхъ, онѣ не могутъ, однакожь, служить типомъ самобытныхъ товариществъ для охоты. Гораздо болѣе значенія въ этомъ отношеніи имѣютъ артели, возникавшія для той же цѣли сами собой безъ побужденій и поощренія правительства [2]).

---

[1]) «Сборникъ матеріаловъ объ артели», (Ефименко, стр. 94—99).

[2]) Одна такая артель была въ кречневскомъ погостѣ вотской пятины. По перечисленіи 8 деревень, находившихся въ 10 боярщинахъ и у двухъ монастырей, писецъ прибавляетъ: «да подъ тѣми же деревнями данъ на оброкъ мохъ Вежьицкой, весь Межокъ и Замотшья и Земтицъ великаго князя крестьянамъ тѣхъ же деревень: Петрову Васкову, да Ивашку Денисову, да Ѳомкѣ Микулину, да Пахомкѣ Окулову и ихъ товарищамъ; а на томъ мху ловити имъ соколы себѣ, а за соколы имъ давати на годъ оброку пять гривенъ Новгородцкая». (Вот. пят. 5). Этотъ оброкъ они должны были сами отвозить новгородскому дьяку. Ефименко разсказываетъ, по неизданнымъ

*

Товарищества въ области рыболовства были въ старину повсемѣстнымъ явленіемъ и остатки ихъ сохранились во многихъ мѣстностяхъ до настоящаго времени. Здѣсь слѣдуетъ различать два типа артельной организаціи. Первый тотъ, когда всѣ члены артели были одинаково хозяевами, участвуя въ предпріятіи равнымъ количествомъ капитала и труда. Эти артели весьма древняго происхожденія, сохранившіяся теперь только въ немногихъ мѣстностяхъ поморья, именно въ Колежмѣ и Сорокѣ, отчасти въ Колѣ. Другой типъ артели представляютъ артели покрученниковъ, во главѣ которыхъ стоятъ капиталисты, а рабочіе участвуютъ лишь трудомъ — это почти общій типъ современной мурманской артели. Они болѣе поздняго происхожденія и явились вслѣдствіе того, что владѣльцы рыбныхъ ловлей—архіерейскіе дома, монастыри, стали являться сами предпринимателями въ промыслѣ, давая отъ себя всѣ орудія производства. Для насъ важно разсмотрѣть только первый типъ, представляющій самобытное созданіе народной жизни. Изъ немногихъ сохранившихся свѣдѣній можно заключить, что рыболовныя артели состояли изъ 4-хъ человѣкъ. Подобно тому, какъ въ поземельной общинѣ и въ общественныхъ солеварняхъ, и здѣсь члены ассоціаціи продавали свои участки, т. е. право на участіе въ угодьѣ и орудіяхъ производства [1])

актамъ, объ одной артели 1723 года, составленной двумя крестьянами съ цѣлью производить на зимней сторонѣ Бѣлаго моря «птичей куроптиной и рябовой промыселъ» (Сборникъ объ артеляхъ, 2, 98 стр.). Они вели дѣло сообща и продавали пойманныхъ птицъ какому-то Роману Степанову, сыну Морозовыхъ.

[1]) Въ одной купчей 1681 г., между прочимъ, сказано: «се азъ ухт-островской волости богоявленскаго прихода, Алексѣй Захаровъ, сынъ Ѳедосѣевъ продалъ есми и поступился тоежъ волости Лаврентью Харитонову сыну Осипову, что былъ у меня, Алексѣя, посыланъ участокъ на Мурманское съ Стефаномъ Давыдовымъ Климушинымъ съ товарищы на четвертая доля». Составныя части участка перечисляются въ одномъ случаѣ такъ: «у колмогорца глинскаго посада у Андрея Титова, сына Зыкова, куплено въ домъ архіерейскій, по его, Андреевой, купчей и по заручной записи, на Мурманскомъ берегу въ Оленьемъ становищѣ въ Кисельниной губѣ въ стану, въ скеи, въ банѣ, въ анбарѣ, въ сѣняхъ и во всемъ томъ стану четвертая доль, что была съ Куростровцомъ, съ Юдкою Ломоносовымъ, чѣмъ онъ, Андрей, владѣлъ и съ остальными всякими промышленными заводы»; въ другомъ случаѣ, въ составъ участка входили «четвертая доль въ карбасѣ

другимъ, причемъ смыслъ акта продажи здѣсь совершенно тотъ же, что и тамъ. Товарищи имѣли общія орудія производства: скеи, бани, амбары, суда и т. д. и сообща покупали продукты потребленія, напримѣръ, соль, [1]). Рыболовныя товарищества были распространены и въ центральныхъ уѣздахъ [2]).

Тоже общинное начало внесъ русскій народъ и въ устройство ремеслъ [3]) и, наконецъ, даже въ такую сферу дѣятель-

---

въ парусехъ, въ подольникахъ, и въ удахъ, и въ лепахъ, и во всякомъ мурманскомъ заводѣ». Слова «четвертая доль, что была съ Куростровцомъ, съ Юдкою Ломоносовымъ» показываютъ, что однимъ паемъ могли владѣть нѣсколько человѣкъ

[1]) Въ той же купчей 1686 г. послѣ перечисленія промысловыхъ орудій слѣдуетъ: «я въ той соли, что куплена у Якова Петрова пятьдесятъ пудъ и въ той соли свою четверть (продалъ есмь)» (Сборникъ объ артеляхъ, II, 4 стр.).

[2]) Напримѣръ, «въ Муромскомъ у. въ Дубровскомъ стану Провъ Фурсовъ съ товарищи бралъ на оброкъ 14 озеръ да конецъ. Въ томъ же стану была на оброкѣ за Нечайкомъ за Мартыновымъ съ товарищи заводь на рѣкѣ подъ Благовѣщенскомъ». Въ той же мѣстности нѣсколько озеръ и заводей брали на оброкъ охотники ямской клинской слободы «Борисъ да Родіонъ съ товарищи». Извѣстная переяславская рыбная слобода представляла собою большую рыболовную общину съ общимъ владѣніемъ данными въ ея пользованіе землями и водами.

[3]) Въ мусецкомъ погостѣ (обон. пятины) была община колесниковъ. Они жили въ селѣ Сольцѣ, каждый въ своемъ дворѣ, и занимались хлѣбопашествомъ. Во главѣ общины стоялъ староста «Да на погостѣ на Мусцѣ отдѣлено по Государевѣ грамотѣ колеснымъ мастерамъ старостѣ Рычку Ригиву съ товарищи въ 90 году, а треть того была въ помѣстьѣ» (называется имя помѣщика). Далѣе говорится: «да въ Мусецкомъ же погостѣ на Государевѣ грамотѣ за колеснымъ же мастеромъ за Рычкомъ съ товарищи село Сольца, въ которомъ кромѣ церкви и дворовъ причта было пашенныхъ дворовъ колесныхъ мастеровъ, дворъ староста Рыкъ Ригивъ, дворъ Гришка Пахомовъ и т. д., всего 25 дворовъ. Пашни паханыя колесныхъ мастеровъ 240 четьи въ полѣ и съ 2 потому-жъ, сѣна 132 копны, лѣсу кустарю и болоти 30 десятинъ» (Нев. прилож 97—98) Во 2-й псковской лѣтописи, подъ 1420 г. (6928 г.), на стр. 23, говорится между прочимъ: «псковичи наяша мастеровъ Ѳедора и дружину его побивати церковь свинцомъ». Значеніе слова дружина объясняется мѣстомъ, приведеннымъ Карамзинымъ изъ одной лѣтописи XIV в., гдѣ идетъ рѣчь о дружинѣ иконописцевъ. Въ лѣтописи говорится: «початы быша подписывати на Москвѣ двѣ церкви камены—св. Богородицы подписывали грецы—митрополичьи писцы, а св. Михаила—русскіе писцы кн. вел. Симеона Ивановича; въ нихъ же были старѣйшины и начальницы иконописцемъ: Захарія, Іосифъ, Николай и прочая дружина ихъ». Далѣе: «тоежъ весны почали подписывати церковь св. Спаса—мастеръ, старѣйшина иконникомъ, Гойтанъ и Семенъ и Иванъ (Карамзинъ, IV.

ности, которая наиболѣе благопріятна для развитія личнаго эгоизма—въ торговлю, о чемъ можно заключать изъ того, что купцы имѣли общіе склады для своихъ товаровъ, которые и назывались въ Новгородѣ, кажется, «обчинами» [1]).

Такимъ образомъ общинное начало проникало во всѣ отрасли экономической дѣятельности сѣверорусскаго населенія. Для какой бы экономической цѣли ни соединялось нѣсколько человѣкъ, они устраивали свои отношенія на основаніи одного и того же принципа равенства всѣхъ участвующихъ въ пред-

---

Троицкій списокъ 134—45 г.). Подъ словомъ старѣйшина надо разумѣть здѣсь представителя товарищества — старосту дружины, какъ видно изъ сравненія съ плотничьимъ товариществомъ XI вѣка, о которой говорится въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ (П. С. Р. Л. III. 214). Срав. Новгород. лѣтопись (78 стр. 1338 г.), по которой новгородскій епископъ Василій повелѣлъ расписывать церковь «греку Исаю съ други». Въ договорной грамотѣ Мстислава Давидовича съ Ригою и Готьскимъ берегомъ, писанной въ 1229 г., упоминается вскользь объ общинѣ волочанъ, которая обязывалась сообща платить за товаръ, потерянный однимъ изъ членовъ: а который волочанинъ вкладываетъ товаръ нѣмечьскый, или смолеческый, на кола своя черезъ волокъ везти, а что погынетъ товара того нсѣмъ волочанамъ платити» (Р. Достопам. т. II, стр. 260). Объ артеляхъ въ центральныхъ уѣздахъ собраны нѣкоторыя извѣстія въ извѣстной книгѣ Калачова «Артели въ древней и новой Россіи», между которыми заслуживаютъ особеннаго вниманія артели каменщиковъ, плотниковъ и чернорабочихъ.

[1]) Въ первой новгородской лѣтописи подъ 1342 г. записанъ слѣдующій фактъ: «прислаша Плесковичи послы къ Новугороду, съ поклономъ: идетъ на насъ рать нѣмецкая до полка ко Плескову: кланяемся вамъ, господѣ своей, обороните насъ. Новгородцы же не умедлиша ни мало, поидоша вборзѣ въ великую пятницю, а иные въ великую субботу, а обчины вси попечатавъ». Если «обчины» эти, что вѣроятно, означаютъ общіе склады, погреба, то Новгородъ представляется союзомъ множества общинъ. У Неволина, въ Приложеніяхъ, на стр. 165, описывается сальница, служившая складомъ товаровъ для нѣсколькихъ купцовъ и, вѣроятно, устроенная на общій счетъ. Но такъ часто приводимая въ примѣръ торговой артели купеческая община 12 вѣка, при Ивановской церкви на Опокахъ, была лишь товариществомъ для взвѣшиванія воска, продаваемаго въ Новгородъ мѣстными и иногородными купцами. О ея организаціи мы узнаемъ кое-что изъ грамоты князя Всеволода Мстиславича, данной около 1136 года. При вступленіи въ общину, купецъ долженъ былъ сдѣлать вкладъ въ 50 гривенъ и тысячевимъ ипрьское (ипьское) сукно, послѣ чего онъ получалъ названіе пошлаго купца. Пошлымъ купцомъ можно было сдѣлаться также отчиною, т. е. по преемству. Для чего служилъ вкладъ—не извѣстно. Грамотой князя была предоставлена Ивановской общинѣ полнѣйшая автономія въ дѣлахъ собственнаго управленія. (Доп. къ ист. Актамъ, т. I, № 3).

пріятіи. Способы осуществленія этого равенства, почти одинаковые во всѣхъ случаяхъ, были, однакожъ, всегда такого рода, что они не уничтожали личной самостоятельности членовъ ассоціаціи.

IX.

Отношенія общинниковъ другъ къ другу и къ общинѣ.

Источники, по которымъ приходится возстановлять древній общинный бытъ, кромѣ бѣдности содержанія и отрывочности, мало удовлетворяютъ этой цѣли еще и потому, что большая часть ихъ относится ко времени, когда, подъ вліяніемъ государственной власти, помѣстнаго права и духовенства, первобытныя отношенія подверглись значительнымъ измѣненіямъ. При томъ большинство актовъ относится къ крестьянамъ владѣльческимъ, на которыхъ вліяніе это отразилось сильнѣе, чѣмъ на черныхъ. Вслѣдствіе этого, только съ большимъ трудомъ можно различить самобытныя черты быта отъ элементовъ, внесенныхъ исторіей.

Цѣль, которую преслѣдовала первобытная община, состояла въ возможно полномъ и равномъ удовлетвореніи потребностей своихъ членовъ, главнѣйшими изъ которыхъ были потребности матеріальнаго благосостоянія и личной свободы. До тѣхъ поръ, пока община была неограниченной обладательницей земли, пока она не подпала подъ давленіе государства и помѣстнаго права, у нея были всѣ средства удовлетворять этой цѣли въ такой полнотѣ, какая была возможна при данныхъ природныхъ условіяхъ. Съ образованіемъ государства, съ появленіемъ помѣстнаго землевладѣнія положеніе дѣлъ измѣнилось. Общинѣ были указаны иныя цѣли, весьма часто шедшія въ разрѣзъ съ прежними интересами ея членовъ, и въ тоже время ограничена ея самостоятельность въ выборѣ средствъ къ ихъ удовлетворенію. Изъ свободной община сдѣлалась тяглой. Это первое и самое сущест-

венное измѣненіе влекло за собой рядъ другихъ. Для вѣрнаго обезпеченія средствъ къ своему существованію государство должно было поставить къ себѣ общину въ такія отношенія, при которыхъ бы ея дѣятельность была необходимо направлена въ его интересахъ и такъ какъ прежде всего ему нужны были матеріальныя средства, получавшіеся почти исключительно отъ земли, то естественно оно должно было завладѣть прежде этой землей. Право собственности на нее переходитъ отъ общины къ представителю государственной власти—князю, подобно тому, какъ это происходило при образованіи государства во многихъ другихъ странахъ; крестьяне же сдѣлались только владѣльцами ея [1]).

Но съ развитіемъ государственныхъ потребностей, требовавшихъ все большаго напряженія платежныхъ силъ, князь не могъ довольствоваться податями и повинностями съ тяглыхъ людей, оставляя землю въ ихъ владѣніи, и кромѣ платежа налоговъ на общины налагается новая обязанность содержать служилыхъ людей, что и было достигнуто раздачей черныхъ земель въ помѣстья и вотчины. Такимъ образомъ вмѣсто общинъ, владѣвшихъ землей на правахъ собственности, явились 1) общины, пользовавшіяся только правомъ владѣнія—черныя общины—и 2) общины на владѣльческихъ земляхъ, право которыхъ на землю ограничивалось исключительно пользованіемъ. Всѣ эти перемѣны не измѣнили, однакожь, вѣковыхъ воззрѣній народа, и стремленіе къ равному распредѣленію правъ и обязанностей продолжало существовать во всей силѣ и выражалось въ той же формѣ. Находилось ли село на

---

[1]) Черная земля считалась «землей великаго князя»—это видно изъ прямыхъ выраженій многихъ актовъ «На лѣвѣ господине земля Великаго князя Мскурескіе волости, а на право господине земля митрополича Селецкия» А. Ю. № 8. Ср. 20. Крестьяне же считали себя только владѣльцами ея: «Се язъ Семенъ Семеновъ сынъ Лебедева, да язъ Семенъ Лукояновъ сынъ Лебедева же, племянникъ его, отступилися есмя царя и великаго князя земли, а своего владѣнія игумену Еуфимью» и т. д. А. Ю. Стр. 66. Ср. Стр. 54, 55, 56, 57. Но право собственности князей на землю еще яснѣе выражалось въ ихъ неограниченномъ распоряженіи черными землями, которыя они брали себѣ и раздавали во владѣніе служилымъ людямъ и монастырямъ.

владѣльческой или на черной землѣ, всѣ жители его, участвующіе въ пользованіи землей, представляли одно цѣлое. Земля, на какихъ бы условіяхъ они ни пользовались ею, принадлежала, въ моментъ пользованія, всѣмъ имъ вмѣстѣ, и только цѣлая община имѣла права на хозяйственное распоряженіе ею; отдѣльный же членъ имѣлъ лишь идеальное право на равную съ другими долю. Различіе между черными и владѣльческими общинами заключалось не въ способахъ распоряженія землею, а лишь въ объемѣ правъ на нее. Между тѣмъ какъ черная община имѣла всѣ права владѣльца по отношенію къ землѣ, кругъ дѣйствій владѣльческой общины ограничивался, исключительно, распредѣленіемъ земли, отведенной ей въ пользованіи. Принципы же распредѣленія оставались одни и тѣ же.

Другія черты общиннаго устройства потерпѣли болѣе существенныя измѣненія. Всѣ члены древней общины имѣли равную долю въ пользованіи землей и угодьями, и различія въ родѣ занятій и экономическомъ положеніи, вслѣдствіе этого, возникнуть не могло. Съ наложеніемъ на землю податей, въ пользу государства и владѣльцевъ [1]), составъ крестьянскихъ общинъ подвергся радикальнымъ измѣненіямъ. Явилось стремленіе освободиться отъ земли и связанныхъ съ нею тягостей, при которыхъ земледѣліе становилось раззорительнымъ: одни бѣжали въ степи, другіе переходили въ батраки, третьи брали земли меньше, чѣмъ имъ было нужно, дробили тягла. Такимъ образомъ произошло то странное явленіе, что, при обиліи незанятой и плодородной земли, явилась масса безземельныхъ и малоземельныхъ, предпочитавшихъ самостоятельному хозяйству существованіе изо дня въ день поденной работой на другихъ.

Разсмотримъ подробнѣе составъ сельскихъ общинъ XVI вѣка. Главную массу населенія ихъ составляли крестьяне. Это

---

[1]) Подати съ земли существовали и въ Новгородскій періодъ, но онѣ сбирались кажется по времени, по мѣрѣ надобности въ нихъ. Что касается до частнаго владѣнія землей въ этотъ періодъ, то оно несомнѣнно существовало, но такъ слабо укоренилось, что въ Двинской области, гдѣ земли не раздавались въ помѣстья, общинное землевладѣніе исчезло въ XV—XVI в. совершенно. Въ другихъ областяхъ оно было поддержано московскими князьями раздачей земель въ помѣстья

были во первыхъ осѣдлые земледѣльцы, имѣвшіе свой домъ и дворъ и долю въ землѣ и угодьяхъ и называвшіеся пашенными, крестьянами [1]), и во вторыхъ мелкіе торговцы, ремесленники, имѣвшіе дворъ, но не участвовавшіе въ землѣ и носившіе названіе непашенныхъ людей. Они составляли повсюду относительно ничтожный процентъ [2]), что совершенно понятно при исключительной почти земледѣльческой культурѣ той эпохи. По имуществу крестьяне дѣлились на лучшихъ, среднихъ и молодчихъ [3]), но нѣтъ основаній полагать, чтобы эти разряды различались по своему значенію въ общинѣ [4]). Кромѣ крестьянъ въ составъ общинъ входили еще подворники, захребетники, казаки, бобыли, подсусѣдники и задворные люди. По своимъ личнымъ и имущественнымъ правамъ, всѣ эти люди были также полноправны, какъ и крестьяне, и отличались отъ этихъ послѣднихъ лишь своимъ экономическимъ положеніемъ. Они или совсѣмъ не имѣли доли въ землѣ и жили наемнымъ трудомъ, или пользовались ею въ болѣе ограниченномъ сравнительно съ крестьянами количествѣ. Подворникомъ назывался и называется до сихъ поръ на сѣверѣ человѣкъ [5]), не имѣющій своего двора и хозяйства и живущій на квартирѣ въ чужомъ домѣ не за деньги, а изъ-за работы. Иногда ихъ жило по нѣсколько въ одномъ домѣ [6]). Захребетники находились въ лучшихъ эконо-

---

[1]) Они назывались также тяглыми, оброчными, людьми письменными, численными (А. А. Э. т. I. 179).

[2]) Такъ въ Буховскомъ погостѣ Деревской пятины на 190 дворовъ приходилось 37 дворовъ непашенныхъ (Дер. пят. 1,760). Но въ одной монастырской деревнѣ на 6 дворовъ пашенныхъ приходилось 4 непашенныхъ двора (Дер. пос. кн. 1. 686). Какъ сказано, эти непашенные люди были или ремесленники (ibid. 2. 482), или торговцы и платили отдѣльно отъ земледѣльцевъ особый налогъ, называвшійся *поземомъ* (ibid. 1. 760, 689, 693. Ср. 685).

[3]) А. П. т. I, № 165, 315. Доп. къ А. И. т. I. № 149. А. А. Э. т. I. 266 стр.

[4]) Что правительство сносилось иногда непосредственно съ лучшими людьми, помимо даже старостъ, это доказываетъ скорѣе, что *оно желало* выдѣлить ихъ, но не служитъ доказательствомъ ихъ преобладающаго значенія въ общинахъ.

[5]) Ефименко, народныя юридическіе обычаи стр. 102.

[6]) Дер. I. 37. Встрѣчаются подворники и въ своихъ домахъ (Ibid. I. 681. 808. Подворникъ, какъ и крестьянинъ, могъ и не заниматься земле-

мическихъ условіяхъ. Въ большинствѣ случаевъ они имѣли дворы [1]), но, не имѣя доли въ землѣ, работали на участкѣ какого либо крестьянина. Встрѣчаются между ними и не земледѣльцы, непашенные.

Съ тѣмъ же характеромъ наемныхъ рабочихъ, несостоявшихъ въ тяглѣ, являются казаки [2]), встрѣчавшіеся, впрочемъ, только въ нѣкоторыхъ волостяхъ. Они жили у своихъ нанимателей и, какъ кажется, нерѣдко переходили отъ одного хозяина къ другому, вслѣдствіе чего казакъ и называется иногда казакомъ-приходцемъ или просто приходцемъ [3]). Въ виду этихъ переходовъ, были установлены пошлины при поселеніи казаковъ въ волости и порядокъ заявленія о приходѣ и выходѣ ихъ прикащику и доводчику [4]). За поведеніе казака отвѣчалъ его хозяинъ [5]). Такъ какъ казаки, за рѣдкими исключеніями [6]), не

дѣльческими работами, быть непашеннымъ—и въ такомъ случаѣ онъ платилъ поземъ (Дер. 2, 600). Названіе «подворникъ» могло произойти отъ того, что они ходили изъ двора въ дворъ, смотря по тому, гдѣ представлялась работа. Это особенно вѣроятно потому, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ на нѣсколько дворовъ былъ одинъ подворникъ (Дер. I. 37. 2. 601).

[1]) Дер. I. 10, 42, 52, 53, 56: II. 715—716, 722, 725, 728 и пр. Ср. 691 и 696 стр., но встрѣчаются и безусадебные (Дер. I. 1).

[2]) «А которые казаки приходцы, а порядятся за монастырь жити въ варницы, и въ повары, и въ водоливы, или дровъ сѣчь, и возити и всякое дѣло дѣлати, и имъ ся явити нашимъ намѣстникамъ и волостелемъ и ихъ тіуномъ, а имати явки съ казака по денгѣ (А. А. Э. т. I. № 200). Когда рѣчь идетъ о казакѣ, то предполагается всегда, что онъ у кого либо живетъ; «а прилучится коему человѣку... быти въ Вармѣ... у коего казаки вновѣ живутъ и имъ являти приказщику самимъ да и пошлины ихъ дати; а прилучився какову козаку вонъ итти изъ нашихъ мѣстъ изъ волостокъ и у коего человѣка живетъ и ему съ нимъ идти къ приказщику» и т. д. А. А. Э. т. I. № 221.

[3]) А. А. Э. I. стр. 179, 372.

[4]) Какъ при приходѣ, такъ и при уходѣ казака, хозяинъ, у котораго онъ жилъ, долженъ былъ явиться вмѣстѣ съ нимъ къ прикащику и доводчику и въ первомъ случаѣ уплатить извѣстную пошлину; при уходѣ не платилось ничего, за исключеніемъ того случая, когда хозяинъ не объявилъ объ этомъ.

[5]) Тогда какъ крестьянинъ, уличенный въ игрѣ въ зернь, самъ платилъ штрафъ, за казака брался въ такихъ случаяхъ штрафъ съ хозяина, у котораго онъ жилъ на подворьѣ, и затѣмъ казакъ, какъ и крестьянинъ, выгонялся вонъ (А. А. Э. I. стр. Э. I. стр. 210—211).

[6]) Такъ въ одномъ случаѣ казакъ владѣетъ своимъ дворомъ, держитъ

имѣли земли, то они и не платили поземельной обежной дани[1]), участвуя, однакожь, въ отправленіи остальныхъ податей и повинностей[2]) хотя и въ меньшей сравнительно съ крестьянами степени. Раскладка налоговъ между казаками производилась общиной не произвольно, но при участіи выборныхъ отъ нихъ[3]). Создавая такое положеніе для вновь явившагося[4]) экономическаго разряда своего населенія, община, повидимому, отступила отъ своего принципа уравненія всѣхъ своихъ членовъ, такъ какъ казаки не пользовались долей въ землѣ; но это отступленіе было вызвано внѣшними причинами: община сдѣлала все, что могла, для примѣненія принципа равенства правъ и обязанностей въ данномъ случаѣ, призывая казаковъ къ участію въ раскладкѣ налоговъ, связывавшихъ ихъ съ другими членами.

Гораздо болѣе многочисленный разрядъ «затяглыхъ» людей составляли *бобыли*. По своему экономическому положенію они были не вездѣ въ одинаковыхъ условіяхъ. Въ однѣхъ мѣстностяхъ они являются малоземельными земледѣльцами, тянувшими сравнительно съ крестьянами половинное тягло[5]), въ

скотъ (коровъ и лошадей) и платитъ неполную выть (А. А. Э. т. I, 304). Бывали изъ казаковъ даже мелкіе землевладѣльцы. Такъ въ Дерев. пятинѣ (Н. кн. Дер. пят. I стр. 69; Ср. 100) казакъ—своеземецъ въ одномъ случаѣ вмѣстѣ съ другимъ лицомъ владѣетъ «копчей» деревней. На его половинѣ во дворѣ живетъ крестьянинъ, обработывавшій обжу земли.

[1]) А. А. Э. т. I. стр. 303.

[2]) Наравнѣ съ крестьянами они участвовали въ платежѣ виры; въ одномъ случаѣ они платятъ наравнѣ съ крестьянами съ головы по московкѣ старостѣ (ibid. стр. 304) также и биричу. Подати раскладывались на нихъ не по обжамъ, а по головамъ, промысламъ и животамъ.

[3]) «Какъ лучится у васъ разрубъ въ волости, и вы бъ выбрали въ Сумѣ изъ большихъ изъ лучшихъ людей два человѣка, а изъ казаковъ два человѣка; да тѣ бы восемь человѣкъ сидѣли у васъ въ окладѣ и окладывали бы земскихъ людей и казаковъ въ Божью правду, кого чѣмъ пригоже, кто чего достоинъ» (А. А. Э. № 269).

[4]) Въ первый разъ о казакахъ упоминается въ актахъ подъ 1543 А. Ар. Э. т. I. № 200.

[5]) Въ грамотѣ патріарха Іова они названы полувытчиками (Временникъ № 2. Смѣсь стр. 20). Въ Бѣлевской писцовой книгѣ половины XVII в. бобыли представляются земледѣльцами, сидящими на половинѣ крестьянской выти, съ половиннымъ платежемъ податей и повинностей. Въ такихъ же условіяхъ они находились, кажется, и въ вотчинѣ Соловецкаго монастыря;

другихъ—безземельными [1]), даже иногда живущими на чужой землѣ, преимущественно вблизи церкви, на огородахъ причта. Бобыли составляютъ продуктъ московской фискальной системы. При присоединеніи Новгородской области къ Московскому государству въ ней совсѣмъ не было ихъ, а чрезъ столѣтіе послѣ завоеванія они тамъ составляли уже громадный процентъ населенія [2]). Въ центральныхъ уѣздахъ, гдѣ московская фискальная система дѣйствовала съ давняго времени, процентъ ихъ былъ еще больше [3]). Положеніе этихъ безземель-

по крайней мѣрѣ такъ всего легче объяснить тотъ фактъ, что они платили половинную подать именно двѣ деньги, между тѣмъ съ тяглыхъ шло по четыре (А. А. Э. т. I. № 221).

[1]) Въ писцовыхъ книгахъ всѣхъ уѣздовъ по подведеніи итоговъ описи всегда говорится исключительно о землевладѣльческихъ и крестьянскихъ земляхъ, о бобыльскихъ же нѣтъ и рѣчи, но въ одномъ поселкѣ московскаго у. перечисляются только дворы бобылей и все таки описывается пашня. Они не были даже и земледѣльческими рабочими. Такъ въ Дмитровскомъ у. въ Троицкомъ стану, по подведеніи итога монастырской и крестьянской землѣ, замѣчается, что крестьяне этого стана, положенные въ 17 вытей, обязываются пахать на монастырь по 2 десятины на выть, платить оброку по 20 алтынъ съ выти и мелкаго дохода по гривнѣ съ выти, а «бобыли платятъ съ 8 дворовъ 26 алтынъ 4 деньги съ двора по гривнѣ». Они не были положены въ выти и не обязывались ни къ какимъ земледѣльческимъ работамъ, изъ чего можно заключить, что они не имѣли ни земли, ни хозяйства. Они были вѣроятно ремесленниками. Для отправленія какой либо неземледѣльческой повинности, напр. подводной, выбирались бобыли (А. А. Э. т. I. стр. 455).

[2]) Въ 37 погостахъ Дерев. пятины во владѣніяхъ старыхъ помѣщиковъ въ 70 годахъ 16 столѣтія на 505 крестьянскихъ дворовъ приходилось 77 дворовъ бобыльскихъ, а столѣтіемъ раньше не было ни одного. Въ Вотской пятинѣ въ тоже время на 809 крестьянскихъ дворахъ считалось 74 дв. бобыльскихъ.

[3]) Процентъ этотъ тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе мѣстность къ Москвѣ. Въ Углецкомъ у. въ вотчинахъ троицкаго монастыря (въ 1593—94) приходилось на 477 дв. крестьянъ 13 дворовъ бобылей. Въ Рузскомъ у. на 60 дворовъ первыхъ было 5 дворовъ вторыхъ (въ тѣже годы). Въ Дмитровскомъ у. на 917 крестьянскихъ дворовъ считалось 40 двор. бобыльскихъ (въ 1592—93). Во владимірскомъ у. на 473 дв. крестьянъ приходилось 53 двора бобылей. Въ Переславлѣ-Залѣсскомъ въ Троицкой вотчинѣ первыхъ было 809, вторыхъ 62 дв. Въ Суздальскомъ первыхъ было 540, вторыхъ 38 дв. Въ Ярославскомъ у. въ одной части на 207 дворовъ крестьянъ считалось 17 дворовъ бобылей. Въ одной мѣстности Ростовскаго у. на 483 двора крестьянъ приходилось 23 дв. бобылей. Наибольшій процентъ бобылей падаетъ на Московскій у. Такъ въ Сурожскомъ стану на 94 дв. крестьянскихъ

ныхъ, при совершенномъ почти отсутствіи какихъ-либо другихъ сферъ труда, кромѣ земледѣлія, должно было представлять картину страшной нищеты. Иному удавалось, быть можетъ, выучиться какому либо изъ немногихъ необходимыхъ въ ту пору ремеслъ, сдѣлаться деревенскимъ кузнецомъ, плотникомъ, гончаромъ, портнымъ, сапожникомъ, телѣжникомъ, ведерникомъ, ложечникомъ, бортникомъ или, наконецъ, пастухомъ [1]), но большинство жило поденной работой на крестьянскихъ хозяйствахъ или мірскимъ подаяньемъ, пока наконецъ нужда и оброки не заставляли того или другаго взять на себя кабалу или бѣжать куда глаза глядятъ.

Параллельно съ образованіемъ класса безземельныхъ, изъ массы выдѣлялся разрядъ зажиточныхъ «лучшихъ» и «среднихъ» людей, называвшихся такъ въ противуположность «молодшимъ», бѣднымъ. Можетъ явиться вопросъ, отчего же община, основная цѣль которой было возможно полное обезпеченіе

считалось 29 дворовъ бобыльскихъ. (Всѣ эти данныя взяты изъ писцовыхъ книгъ конца XVI в.).

[1]) Обо всѣхъ этихъ ремесленникахъ нерѣдко упоминается въ писцовыхъ книгахъ. 1) Тѣснѣе другихъ ремеслъ связано съ земледѣліемъ кузнечество и потому кузнецъ былъ обыкновеннымъ явленіемъ въ деревнѣ. Занятіе это было то побочнымъ при земледѣліи, (П. кн. Дер. пят. I, стр. 38, 70, 630, 653, 680, 681 729 II. 547, 582, 705, 737. П. кн. Вотской пятины, стр. 587, 623, 688, 793), то самостоятельнымъ промысломъ (Дер. I. 816). Коваль вѣроятно значитъ то же, что и кузнецъ. 2) Плотники встрѣчаются гораздо рѣже, что совершенно понятно, такъ какъ тогда, какъ и теперь, крестьяне въ большинствѣ случаевъ сами строятъ свои дома. Были и между ними люди непашенные (Дер. I. 482) или бобыли. Пастухъ-плотникъ (Вотская писц. кн. 562 стр.). 3) Гончары упоминаются рѣдко. Въ одномъ случаѣ это занятіе было побочнымъ при земледѣліи (Дер. I. 679). 4) Портной мастеръ (Дер. I. 682—земледѣлецъ), швецъ (Дер. I. 758) или шваль—были рѣдки, такъ какъ этотъ трудъ исполнялся дома. Кромѣ того упоминаются въ писцовыхъ книгахъ колесники, (Нев. Приложеніе 97—98 стр.), сапожники, ложечники, ларечники (о писцов. книгахъ центральныхъ уѣздовъ) сканечники, ведерники (Вотская стр. 559) бортники (Дер. I. 642, 747), рудокопы (Вотская 613, 624 стр.), иконники (Вот. 581 и 584 стр.). На ничтожное развитіе этихъ ремеслъ указываетъ тотъ фактъ, что они не были подчинены какой-либо регламентаціи и не служили даже предметомъ обложенія въ пользу казны или владѣльцевъ. Я встрѣтилъ всего одинъ случай въ писцовыхъ книгахъ, гдѣ кузнецъ «за монастырскій оброкъ—запашню дѣлаетъ на монастырскія мельницы всякіе желѣзныя снасти, на монастырскую ограду связи» (Писц. кн. Московскаго уѣзда, XVI в.).

главныхъ потребностей своихъ членовъ, не предупредила развитія пролетаріата. Но было бы напрасно объяснять это несовершенствомъ первобытнаго общиннаго устройства. Обязанность взаимной помощи лежала въ самомъ основаніи этого устройства и была одной изъ крѣпчайшихъ связей, соединявшихъ общинниковъ между собою. На это указываетъ сильное развитіе круговой поруки [1]), самое общинное землевладѣніе, дозволявшее каждому пользоваться землею по мѣрѣ его потребностей и, наконецъ, участіе общины въ случаѣ несчастія съ однимъ изъ своихъ членовъ, какъ напр. въ случаѣ ненамѣреннаго совершенія преступленія. Когда случалось въ волости убійство, то волощане искали убійцу и, если не находили, платили виру [1]). Вира эта, кажется, шла первоначально въ видѣ вознагражденія семейству, потерпѣвшему отъ преступленія, и только потомъ превратилась въ налогъ въ пользу правительства [2]). Въ этомъ отношеніи весьма любопытно сравненіе волости съ вервью Русской Правды.

Оставляя въ сторонѣ вопросы о поземельномъ значеніи верви, о ея пространствѣ, объ отношеніи ея членовъ, мы разсмотримъ ее только какъ союзъ жителей извѣстнаго округа для преслѣдованія преступленій. То немногое, что извѣстно объ этой сторонѣ верви, доказываетъ, какъ глубоко въ ту пору была понята и проведена въ жизнь идея взаимной помощи. Въ случаѣ кражи потерпѣвшій заявлялъ о ней міру, очевидно для того, чтобы заручиться содѣйствіемъ его при отысканіи украденной вещи и преступника. И вервь искала его въ своихъ предѣлахъ. Если воръ былъ найденъ, то онъ платилъ «татьбу и продажу», но если вервь не могла или не захотѣла найти вора, то платила она «продажу» [3]). Продажа платилась, по Русской Правдѣ, князю, но едва ли можно сомнѣваться, въ виду дѣятельнаго участія общины въ дѣлахъ своихъ членовъ, что первоначально это было пособіе общины потерпѣвшему отъ

[1]) «А учинится у нихъ въ волости душегубство... и не доищутся душегубца, ино за голову виры 2 рубля, а заплатитъ волость или станъ, въ коемъ душегубство учинилось» (А. А. Э. т. 1 № 181).

[2]) «А учинится въ волости душегубство и они дадутъ намѣстникамъ за голову виры четыре рубля, а заплатитъ виру волостью (ibid. № 144).

[3]) «Аще будетъ разсѣчена земля или знаменье, имъ же ловлено, или сѣть: то по верви искати въ себѣ татя, или платити продажу».

преступленія. Къ содѣйствію общины обращались также въ случаѣ пропажи коня, оружія или одежды, въ случаѣ укрывательства челядина [1]), при взысканіи долговъ и т. д. [2]) Но особеннаго вниманія заслуживаетъ дѣятельность общины въ случаѣ совершенія въ ея предѣлахъ убійства. Когда убійство было совершено преднамѣренно и при томъ разбойникомъ, община отдавала его на «потокъ и разграбленіе» [3]). Помогала ли она въ такомъ случаѣ родственникамъ убитаго—не извѣстно. Въ случаѣ же убійства непреднамѣреннаго, въ спорѣ или на пиру, въ присутствіи другихъ, община помогала убійцѣ уплатить виру, при чемъ онъ платилъ только свою долю наравнѣ со всѣми участвующими въ платежѣ виры [4]), однакожъ только въ томъ случаѣ, когда убившій «вложился въ дикую виру», то есть состоялъ членомъ союза для платежа виры [5]). Вира, платившаяся цѣлой общиной, называлась дикой, въ отличіе отъ той, которую платилъ убійца отдѣльно. Рѣшеніе вопроса о преднамѣренности и непреднамѣренности убійства, повидимому, зависѣло исключительно отъ самой общины.

---

[1]) «Аще кто конь погубитъ, или оружіе, или портъ, а заповѣсть на торгу... Оже челядинъ крыется, а закличеть й на торгу.

[2]) Въ этомъ случаѣ, какъ и при куплѣ на торгу украденнаго и при отысканіи вещи въ другомъ міру, выводились «послуха».

[3]) «Будетъ ли стоялъ на разбоѣ безо всякія свады, то за разбойника людіе не платятъ, но выдадутъ й самого всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ и разграбленіе». Наказаніе ни въ чемъ не повинныхъ жены и дѣтей наравнѣ съ самимъ преступникомъ трудно объяснить изъ древняго общиннаго быта и нужно считать мѣрой, введенной Русской Правдой для усиленія кары преступниковъ. Въ одномъ случаѣ, именно когда былъ убитъ разбойникомъ «огнищанинъ»—княжескій чиновникъ—община обязана платать виру.

[4]) «Будетъ ли головникъ (убійца) въ ихъ верви, то за не къ нимъ прикладываетъ, того же дѣля имъ помогати головнику, любо си дикую виру; но сплавити имъ вообчи 40 гривенъ, а головничество (платежъ за голову убитаго родственникамъ) самому головнику; а въ 40 гривенъ (т. е виры) ему платити изъ дружины свою часть. Но оже буде убилъ или въ свадѣ или въ пиру явлено, то тако ему платити по верви, иже ся прикладываютъ вирою».

[5]) «Аже кто не вложится въ дикую виру; потому людіе не помогаютъ, но самъ платитъ». Надо думать, что при значительности виры, для уплаты которой даже община нуждалась въ разсрочкѣ («я которая ли вервь начнетъ платити дикую виру колико лѣтъ»..) всякій, по простому благоразумію, считалъ необходимымъ вступать въ такой союзъ.

Наконецъ, въ томъ случаѣ, когда убійца былъ неизвѣстенъ, законъ не обязывалъ вервь платить виру [1]).

При всей неясности и неполнотѣ этихъ данныхъ, изъ нихъ несомнѣнно слѣдуетъ: 1) что община (вервь) помогала потерпѣвшему отъ преступленія, отыскивая преступника, доказывая принадлежность отысканной вещи собственнику, и даже вознаграждая его, и 2) что она помогала и самому преступнику, если онъ совершилъ преступленіе безъ умысла, внося за него пеню въ пользу князя.

Въ Сѣверной Россіи существовало между жителями волости въ соотвѣтствующихъ случаяхъ такое же обязательство взаимной помощи - и первоначально, вѣроятно, на тѣхъ же основаніяхъ. Впослѣдствіи съ развитіемъ централизаціи и подавленіемъ личной независимости, институтъ виры подвергся измѣненіямъ. Платежъ виръ былъ сдѣланъ обязательнымъ для всей общины, отвѣтственной въ случаѣ убійства, безъ вниманія къ тому, всѣ ли ея члены желаютъ участвовать въ платежѣ виры или нѣтъ [2]). Но вира взыскивалась лишь тогда, когда убійца не былъ найденъ [3]).

Къ сожалѣнію, мы должны ограничиться однимъ лишь этимъ случаемъ приложенія начала взаимной помощи, такъ какъ о

---

[1]) «Которая ли вервь начнетъ платити дикую виру, колико лѣтъ платить ту виру, за неже безъ головника имъ платити». Вира не платилась также и въ томъ случаѣ, когда былъ неизвѣстенъ самъ убитый.

[2]) Въ Московской губной записи 1486 года Московскій посадъ раздѣленъ на пять частей, изъ которыхъ каждая должна была составлять какъ бы отдѣльную общину, обязанную круговой порукой платить пеню за случившееся въ ея предѣлахъ убійство: «А на Москвѣ на посадѣ лучится душегубство за рѣкою за Москвою, ино къ тому ж и Даниловское; а будетъ душегубство за Яузою, ино къ нему Андроньевъ монастырь и городище; а лучится душегубство за Варьскою улицею, ино къ тому же и Устрѣтенской улицы и по Неглимну; а за Неглимною лучится душегубство, ино къ тому Дорогомилово, все Занеглинье и Сѣльчинское (А. А. Э. т. I, № 115).

[3]) «Оже учинится вира: гдѣ кого утепутъ и не душегубца изыщутъ; а не найдутъ душегубца, и не дадутъ намѣстникамъ 10 рублевъ». Двинская грамота 1398 года (А. А. Э. т. I № 13). Точно то-же постановленіе повторяется и въ другихъ грамотахъ; «а учинится у нихъ въ городѣ душегубство, и не доищутся душегубца, ино имъ четыре рубля заплатить горожане». (Бѣлозерская уставная грамота 1488 г.).

примѣненіи его въ другихъ случаяхъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Но несомнѣнно, что оно проникало всѣ стороны тогдашняго быта и выражалось въ безпроцентныхъ ссудахъ, помощи больнымъ и увѣчнымъ, пособіи трудомъ потерпѣвшимъ отъ пожара переселенцамъ, въ исполненіи общественныхъ работъ, каковы, напр., проложеніе дорогъ, устройство плотинъ и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, если не предполагать, напримѣръ, широкаго развитія безпроцентныхъ ссудъ во время голода и для обсѣмененія полей, то трудно было бы объяснить отсутствіе въ Новгородской области кабальства, хотя неурожаи бывали тамъ нерѣдки [1]).

Такимъ образомъ не въ недостаткѣ взаимной помощи надо искать причины образованія земледѣльческаго пролетаріата. Необходимыми условіями для его образованія были—несоотвѣтствіе налоговъ на землю съ ея доходностью и отсутствіе принудительной власти въ общинѣ. О первомъ условіи было сказано раньше, остается разсмотрѣть другое. Община обязана своимъ происхожденіемъ и существованіемъ сознанію людей, что при общежитіи, организованномъ на началахъ равенства и взаимности, гораздо полнѣе удовлетворяются потребности каждаго человѣка. Она была не цѣлью, а лишь средствомъ для осуществленія личнаго благосостоянія и свободы индивидуума. Отсюда понятно, что она не могла имѣть никакой принудительной власти надъ своими членами, такъ какъ въ такомъ случаѣ интересы этихъ послѣднихъ не получали бы всесторонняго удовлетворенія. Вслѣдствіе такого устройства, въ древней общинѣ не могло быть ни рѣшеній по большинству голосовъ, ни органовъ власти. Каждое мнѣніе дѣлалось обязательнымъ лишь при единогласномъ согласіи съ нимъ всѣхъ членовъ и, съ другой стороны, каждое дѣйствіе отдѣльнаго лица, не вызывавшее протеста со стороны кого либо изъ остальныхъ, признавалось законнымъ. Въ древней германской маркѣ, весьма близко подходящей къ нашей первобытной общинѣ [2]), единогласное со

---

[1]) Аристовъ, Промышленность древней Руси

[2]) Кавелинъ (Объ общинномъ владѣніи, Недѣля 1876 г., № 3 и 5) кажется вполнѣ основательно предполагаетъ повсемѣстное примѣненіе этого принципа и въ современной русской общинѣ.

гласіе было необходимо при всѣхъ рѣшеніяхъ. Такъ, позволеніе на поселеніе въ общинѣ могло быть достигнуто только такимъ путемъ, и если даже хоть одинъ высказывалъ несогласіе, то новый поселенецъ долженъ былъ оставить деревню. Но принятіе въ общество могло произойти и вслѣдствіе молчаливаго согласія, когда поселенецъ спокойно провладѣлъ занятымъ имъ участкомъ безъ того, чтобы кто либо изъ общинниковъ выразилъ несогласіе на его пребываніе. Точно также поступали и въ другихъ случаяхъ: несогласіе устранялось или взаимными уступками, или добровольнымъ удаленіемъ несогласившагося члена или, наконецъ, если не было ни того, ни другаго, отклоненіемъ предлагаемаго мнѣнія. Примѣръ Новгорода доказываетъ, что такой же порядокъ существовалъ и въ древней русской общинѣ. Не смотря на сильное вліяніе, оказанное на его устройство новымъ элементомъ — княжескою властью, даже и въ историческое время, вплоть до XVI в., въ новгородскомъ вѣчѣ видны первобытныя основы общественнаго самоуправленія. На вѣче могъ присутствовать каждый новгородецъ, не въ силу обязанности или права, а въ силу необходимости устроивать свои собственныя дѣла въ тѣхъ случаяхъ, когда для этого требовалось соглашеніе интересовъ многихъ или всѣхъ. Понятія объ общественныхъ дѣлахъ, какъ о чемъ то особомъ, живущемъ самостоятельной жизнью, въ то время не было. При такомъ порядкѣ, каждый отдѣльный членъ могъ говорить только во имя своихъ личныхъ интересовъ,—и представительства въ Новгородѣ не существовало. Вѣче могло удовлетворять требованія каждаго изъ своихъ членовъ лишь при условіи, чтобы не пострадали интересы другихъ: отсюда необходимость взаимныхъ уступокъ для достиженія единогласнаго рѣшенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что при каждомъ столкновеніи интерессовъ отдѣльныхъ лицъ, если дѣло идетъ объ основныхъ общепризнанныхъ потребностяхъ, возможно мирное соглашеніе ихъ,— особенно это было возможно въ ту эпоху, характеризующуюся однообразіемъ потребностей. Вслѣдствіе этого, надо думать, что единогласное рѣшеніе, достиженіе котораго при всѣхъ случаяхъ намъ кажется теперь невозможнымъ, въ ту пору было постояннымъ явленіемъ и поэтому въ первую пору новгородской

исторіи не могли случаться распаденія вѣча на части и принужденія меньшинства къ принятію рѣшеній большинства. Даже въ эпоху, когда новгородцы постоянно раздѣлялись на партіи, группировавшіяся вокругъ того или другаго князя, всѣ вѣчевыя рѣшенія имѣли въ своемъ основаніи соглашеніе *всѣхъ* [1]) и нѣтъ ни одного примѣра, который бы указывалъ на признаніе права большинства. Но, въ противуположность первобытнымъ порядкамъ, въ Новгородѣ бывали случаи, когда при раздѣленіи голосовъ споръ разрѣшался вооруженной борьбой партій. Борьба эта кончалась или добровольнымъ соглашеніемъ, «одиночествомъ», или кровавымъ господствомъ побѣдившей партіи [2]). Но самые эти случаи доказываютъ, какъ сильно сознавалась необходимость «одиночества», и обнаруживаютъ совершенное отсутствіе всякаго понятія о правѣ простаго большинства. Что касается до другихъ особенностей вѣчевыхъ порядковъ, то они свидѣтельствуютъ объ отсутствіи какихъ либо разъ на всегда опредѣленныхъ формъ. Посѣщалъ вѣче всякій, кто желалъ принять участіе въ рѣшеніи того или другаго общественнаго вопроса. Время созванія вѣча также не было опредѣлено и опредѣлялось потребностью въ общественномъ обсужденіи дѣлъ. Такимъ образомъ въ одну недѣлю могло быть нѣсколько вѣчевыхъ собраній и, наоборотъ, въ цѣлый годъ — ни одного. Точно также не было одного разъ навсегда опредѣленнаго мѣста для вѣчевыхъ собраній. Вѣче могло быть устроено вездѣ, въ городѣ и внѣ города, смотря по надобности, хотя чаще всего собирались у св. Софіи и на Ярославовомъ дворѣ. Созывать вѣче могъ каждый, такъ какъ каждый имѣлъ право на содѣйствіе другихъ, если этого требовали его интересы. Продолжительность вѣча зависѣла исключительно отъ предмета. Вѣче созывалось не на опредѣленный промежутокъ времени, а на срокъ, необходимый для единогласнаго

[1]) Это доказываютъ выраженія, употреблявшіяся въ то время о состоявшихся народныхъ рѣшеніяхъ. Въ договорныхъ грамотахъ съ князьями обращеніе къ князю дѣлалось или отъ всего Новгорода, или «отъ всѣхъ старѣйшихъ и отъ всѣхъ меньшихъ», что указываетъ на участіе всѣхъ людей. Подобныя же формы выраженія находимъ и въ лѣтописяхъ (Сергѣевичъ, Вѣче и князь. 53—55).

[2]) Ibid. (55—57).

рѣшенія извѣстнаго вопроса и продолжалось до тѣхъ поръ, пока оно не достигалось. Совѣщанія были словесныя и на первый взглядъ поражаютъ отсутствіемъ порядка. Нигдѣ нѣтъ указаній на председателя или руководителя преній. Но порядокъ могъ существовать и безъ нихъ. Первый вопросъ предлагалъ тотъ, кто созвалъ вѣче. Затѣмъ высказывались мнѣнія, при чемъ, вѣроятно, говорили лишь тѣ, кто могъ предложить какую нибудь новую мысль, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, говорившій былъ бы остановленъ замѣчаніемъ, что мнѣніе, предлагаемое имъ, извѣстно. Только впослѣдствіи, съ образованіемъ партій, когда богатые люди стали подкупать бѣдныхъ, худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ, вѣчевыя собранія начали представлять ту картину безпорядка, съ которой у насъ обыкновенно неразлучно связывается понятіе о вѣчѣ. Причины образованія партій напрасно было бы искать, однако, въ этой видимой безформенности вѣчевыхъ собраній. Достаточно сказать, что партіи въ Новгородѣ группировались обыкновенно около князей и имѣли цѣлью доставить столъ избранному ими князю, чтобы видѣть, гдѣ ихъ корень. До призванія князей партіи, слѣдовательно, не могли существовать. Точно также не въ этой безформенности лежала причина погибели Новгорода. Достаточно сказать, что Новгородская земля и самъ Новгородъ впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій пользовались самой высшей въ то время степенью спокойствія, благосостоянія и свободы, и это именно въ то время, когда вопросы о войнѣ и мирѣ, законодательство, управленіе и судъ зависѣли исключительно отъ этихъ, повидимому, безпорядочныхъ собраній легко увлекающейся толпы. Князья въ Новгородѣ, какъ извѣстно, играли весьма пассивную роль даже по отношенію къ управленію и суду, особенно съ XII в., когда само вѣче, помимо князя, стало назначать высшихъ сановниковъ, посадника и тысяцкаго. И еслибы не воинственные сосѣди, Новгородъ могъ бы существовать и дольше при своемъ устройствѣ, такъ какъ оно могло удовлетворять вполнѣ всѣ основныя потребности отдѣльныхъ личностей.

Не имѣя принудительной власти, вѣче не могло имѣть первоначально и органовъ власти, если не считать таковыми руководителей, необходимыхъ въ общемъ предпріятіи, какъ война

и т. п. Князья и чиновники явились въ Новгородѣ въ IX вѣкѣ, а выборные посадники и тысяцкіе лишь въ XII.

Но если такая громадная община какъ Новгородъ, состоявшая изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, могла существовать безъ принудительной власти, то болѣе мелкія общины—пригороды, села, пока онѣ жили самостоятельно и имѣли цѣлью лишь удовлетвореніе потребностей своихъ членовъ, при однообразіи этихъ потребностей, еще менѣе имѣли нужды въ ней. Принципы, на которыхъ онѣ были основаны—равенство и взаимная помощь—были такъ просты, примѣнялись и практиковались такъ часто, а польза ихъ такъ ощутительна, что не могло быть и рѣчи при каждомъ данномъ случаѣ о такомъ радикальномъ разногласіи, которое не могло бы быть рѣшено общимъ обсужденіемъ на сходѣ. Не нужно забывать также о всесильномъ вліяніи обычая въ ту пору, державшаго всѣхъ въ опредѣленныхъ границахъ. Дѣйствительно, о партіяхъ въ пригородныхъ селахъ, даже псковскихъ, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній: вездѣ онѣ являются однимъ цѣлымъ. Тоже самое должно было происходить и въ сельскихъ общинахъ [1]) до наложенія на нихъ тягла. Каждая волость представляла административную единицу, въ которую вступалъ, какъ полноправный членъ, всякій, владѣвшій частью волостной земли. Эти общины, состоящія изъ множества поселковъ, были различной величины и различной населенности. Но устройство ихъ было одинаково. Важнѣйшимъ изъ общихъ интересовъ было распредѣленіе земли; предметами совѣщаній должны были быть: пользованіе пастбищами, пустошами, лѣсомъ, опредѣленіе времени пашни, посѣва, жнитва и покоса, устройство изгородей. Сходъ также совѣщался объ улучшеніи дорогъ, о запрудахъ и вообще общественныхъ вопросахъ. Охраненіе тишины и порядка было также важнымъ общимъ интересомъ. Сходъ вѣдалъ судъ при столкновеніи интересовъ, какъ, напр., при нарушеніи кѣмъ-либо общаго мира, при спорахъ о границахъ, при несогласіяхъ, про-

[1]) На существованіе сходовъ въ селахъ указываютъ, во-1-хъ, выраженія въ родѣ: «поговоривши съ волостными крестьянами» и т. д. и, во 2-хъ, особенные дворы, назначенные исключительно для сходовъ (Пѣшковъ).

исходившихъ въ случаѣ раздѣла земли, при поврежденіи изгородей, потравѣ полей скотомъ; имъ же рѣшались споры о загрязненіи колодцевъ, источниковъ, о содержаніи скота, о затрудненіяхъ, дѣлаемыхъ кѣмъ-либо при движеніи по дорогамъ, короче, всѣ споры и столкновенія по поводу общественныхъ дѣлъ міра и при нарушеніи общиннаго мира. Единственною цѣлью, какъ совѣщанія о дѣлахъ общины, такъ и суда, было отысканіе такого рѣшенія, при которомъ возможно полнѣе удовлетворялся бы общинный интересъ, а также требованія заинтересованныхъ личностей, и до тѣхъ поръ, пока не было отыскано такое рѣшеніе, дѣло должно было считаться неулаженнымъ, а разъ оно было найдено, то необходимо исполнялось всѣми, такъ какъ оно и принималось съ согласія всѣхъ. Не могло быть ни принудительной власти, ни ея органовъ. Старосты и сотскіе, если они и существовали, могли лишь выбираться временно, для приведенія въ исполненіе того или другаго рѣшенія.

Очень понятно, что съ наложеніемъ тягла первобытное общинное устройство оказалось непригоднымъ. Тягло было наложено безъ участія общинъ и даже прямо противъ ихъ желанія. Для обезпеченія успѣшнаго выполненія его нужна была принудительная власть, которой не было у общинъ. Новый порядокъ требовалъ, чтобы общины принуждали своихъ членовъ отбывать тягло въ пользу государства, давая имъ для этого средство въ участкахъ земли, которые они обязаны были брать. Старый порядокъ исключалъ, напротивъ, всякую власть общины надъ членами. Послѣдніе не могли имѣть никакихъ обязанностей, пока не брали добровольно въ пользованіе извѣстнаго количества земли, величина котораго опредѣлялась договоромъ и отказаться отъ котораго они могли совершенно свободно во всякое время [1]). Слѣдствіемъ такихъ отношеній былъ переходъ крестьянъ и отказъ ихъ отъ земли. И такъ какъ отношенія крестьянъ по землѣ опредѣлялись одинаково свободнымъ договоромъ, бралъ-ли крестьянинъ участокъ у помѣщика или у черной общины, то оба эти слѣдствія суще-

---

[1]) Это доказываютъ всѣ порядныя крестьянъ въ черныя земли до XVI и даже XVII вѣка

ствовали какъ тамъ, такъ и здѣсь, и приняли, съ увеличеніемъ налоговъ на земли, громадные размѣры. Московское правительство, въ виду этого, стремится дать общинѣ неограниченную власть надъ членами. Впродолженіе цѣлаго столѣтія тянется рядъ попытокъ измѣнить древній строй соотвѣтственно цѣлямъ государства, пока, наконецъ, убѣдившись въ невозможности такой задачи, правительство не устраняетъ совершенно общины изъ государственнаго механизма. Періодъ этихъ попытокъ заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія.

X.

Уничтоженіе общинной автономіи.

Въ двухъ предъидущихъ главахъ я старался возстановить, по отрывочнымъ намекамъ источниковъ, основныя черты общиннаго владѣнія и пользованія землей и общинной автономіи на сѣверѣ Россіи въ первые вѣка исторіи. Данныя, собранныя тамъ, доказываютъ, что древняя русская община была основана совсѣмъ на другихъ началахъ, чѣмъ позднѣйшая, представляющая, съ одной стороны, одинъ изъ факторовъ государственной власти, съ другой—ассоціацію, замкнутую въ сферѣ поземельныхъ интересовъ и характеризующуюся принудительными отношеніями общины къ ея членамъ. Древняя община представляла, напротивъ, вольный союзъ лицъ, имѣвшій цѣлью лишь всестороннее и равное для всѣхъ удовлетвореніе интересовъ своихъ членовъ, независимо отъ какихъ либо другихъ задачъ. Въ основѣ этого союза лежала не связь по землѣ, а сознаніе необходимости солидарности и взаимной помощи для осуществленія стремленія ея членовъ къ благосостоянію и самостоятельности. Для достиженія этой цѣли община обезпечивала каждой семьѣ равное право на участіе въ занимаемой ею землѣ, реализируя это право самымъ разнообразнымъ способомъ, установляла и распредѣляла налоги, выбирала должностныхъ лицъ для исполненія различныхъ службъ, помогала своимъ членамъ въ трудныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни, напримѣръ,

при ненамѣренномъ совершеніи преступленія, при вступленіи въ бракъ [1]), заботилась о будущихъ поколѣніяхъ, увеличивая свои владѣнія покупкой и захватомъ незанятыхъ пространствъ. Органомъ ея былъ сходъ. Въ случаяхъ нарушенія права какого либо изъ членовъ злою волею другихъ, общественное мнѣніе, опираясь на обычай и убѣжденіе въ необходимости взаимныхъ соглашеній, непосредственно или черезъ посредство судей, приводило столкнувшіеся интересы къ согласію. Для рѣшенія столкновеній между двумя общинами составлялись, какъ кажется, смѣстные суды [2])

Основанный на взаимной помощи, союзъ этотъ, очевидно, могъ уживаться съ самыми разнообразными сферами человѣческой дѣятельности, что доказывается существованіемъ общиннаго устройства въ многочисленныхъ полуземледѣльческихъ, полуторговыхъ поселкахъ (рядкахъ, погостахъ), ремесленныхъ слободахъ, въ городахъ, даже съ такимъ большимъ и разнообразнымъ населеніемъ, какъ Новгородъ. Древняя община, какъ увидимъ далѣе, не сохранилась и приняла совершенно иной, тяглый характеръ. Но представляется въ высшей степени интереснымъ вопросъ, было ли это измѣненіе естественнымъ, необходимымъ фазисомъ ея исторіи, т. е. долженъ ли былъ прежній вольный общинный строй неизбѣжно видоизмѣниться въ другой—тяглый, вслѣдствіе внутреннихъ причинъ, въ силу эгоистическихъ стремленій личности къ богатству, власти, неизбѣжныхъ, какъ полагаютъ, при развитіи потребностей, или древнее устройство могло удержаться въ своихъ началахъ, измѣняясь и совершенствуясь въ различныхъ частяхъ по требо-

---

[1]) Даже современная свадебная процедура даетъ широкое участіе обществу въ бракѣ между его членами (Ефименко. Бракъ по народнымъ воззрѣніямъ. «Знаніе» 1874, № 1).

[2]) Не говоря о многихъ другихъ доказательствахъ существованія смѣстныхъ судовъ, ограничимся выпиской изъ Двинской грамоты: «А случится у нихъ (Двинянъ) каково вобчее дѣло, промежъ посадскихъ людей и волостныхъ съ иными волостными людьми, и тѣ ихъ выборные судьи, а съ ними тѣхъ же посадскихъ и волостныхъ людей съѣжаются лучшіе люди всѣ вмѣстѣ, и тѣхъ людей судятъ вобче во всякихъ дѣлѣхъ и управу межъ ихъ чинятъ по нашему новому судебнику». Такое постановленіе могло явиться только потому, что почва была готова для его выполненія.

ваніямъ времени, если бы не было къ тому препятствій извнѣ? Исторія русской общины не даетъ опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ и для его рѣшенія нужно обратиться къ исторіи другихъ такихъ же общественныхъ организмовъ въ другихъ странахъ, существовавшихъ при другихъ условіяхъ. Здѣсь мы находимъ убѣдительныя доказательства, что община обладаетъ въ самой полной степени способностью приспособляться къ измѣняющимся условіямъ. Ограничимся примѣромъ швейцарской общины. Впродолженіе тысячелѣтій она не только сохранила старинное устройство, но и усовершенствовала его. Объ общинномъ землевладѣніи нѣтъ нужды говорить, такъ какъ вопросъ о его сохраненіи и развитіи рѣшенъ положительно не только швейцарской, русской, индійской, яванской, но и общинами многихъ другихъ народовъ [1]). Спорнымъ вопросомъ является лишь вопросъ объ общинной автономіи. Но вотъ какъ рѣшенъ онъ швейцарской общиной: «Въ Швейцаріи общины пользуются, по словамъ Лавелэ, почти полной автономіей. Онѣ составляютъ не только свои уставы, но даже и свою конституцію, на сколько она не противорѣчитъ государственнымъ законамъ. Онѣ завѣдуютъ совершенно независимо всѣмъ, касающимся школы, церкви, полиціи, санитарныхъ мѣръ, призрѣнія бѣдныхъ; онѣ свободно назначаютъ всѣхъ должностныхъ лицъ, установляютъ свои мѣстные налоги. Государство вмѣшивается въ общинную администрацію лишь для предохраненія общинной наслѣдственной поземельной собственности отъ раздробленія и для устраненія нарушеній общихъ законовъ. Доля вмѣшательства центральной власти нѣсколько болѣе обширна въ нѣкоторыхъ кантонахъ, каковы Фрибургъ, Женева и Бернъ; въ другихъ, какъ Аппенцель и Граубинденъ, она доведена до нуля. Тамъ государство ничто иное, какъ федерація независимыхъ общинъ, которыя существовали раньше его и могутъ существовать безъ него. Центральная власть не пользуется никакимъ административнымъ контролемъ надъ мѣстными властями; она можетъ вмѣшиваться только въ случаѣ нарушенія

[1]) Обстоятельныя свѣдѣнія по этому предмету собраны Лавелэ въ его книгѣ: De la propriété et de ses formes primitives», переведенный и на русскій языкъ, а также Мэномъ, Кэмпбелемъ и др.

общихъ законовъ». Такимъ образомъ здѣсь осуществлено то прямое непосредственное правительство, при которомъ народъ управляется безъ всякаго представительства. Большая часть дѣлъ рѣшается внутри общины. Обычай пользуется здѣсь еще большой властью и потому приходится создавать лишь немногіе общіе законы. Для голосованія законовъ и выбора должностныхъ лицъ весною всѣ совершеннолѣтніе граждане сходятся въ общее собраніе, на открытомъ воздухѣ. Предлагаетъ ландаманнъ. Каждый гражданинъ имѣетъ право почина и поправокъ въ этомъ отношеніи. Пренія бываютъ иногда очень одушевленныя, даже бурныя, но всякій старается говорить лишь самое необходимое, такъ какъ время дорого [1]). Это безусловное самоуправленіе, въ возможность котораго не вѣрятъ до сихъ поръ представители науки о государствѣ, впродолженіе цѣлыхъ столѣтій ограждаетъ въ одно и то же время и порядокъ, и свободу, причины чего надо искать именно въ рѣшеніи большинства общественныхъ интересовъ въ самой общинѣ. Вообще форма управленія швейцарской общины представляетъ замѣчательный образецъ политической организаціи самостоятельной общины. Чтобы дать понятіе о ея подробностяхъ, приведемъ въ примѣръ устройство общины Гроссъ, въ кантонѣ Швицъ, какъ его описываетъ Лавелэ: «Всѣ дольщики, которымъ исполнилось 18 лѣтъ, собираются по праву разъ въ годъ—въ апрѣлѣ, чтобы выслушать отчетъ и сдѣлать распоряженіе относительно текущихъ дѣлъ. Въ случаѣ надобности, президентъ созываетъ общинниковъ въ чрезвычайное собраніе. Каждые два года оно дѣлаетъ новые выборы всѣхъ должностныхъ лицъ. Никто не вправѣ (да никто, вѣроятно, и не отказывается) отказаться отъ выполненія обязанностей, къ которымъ выбранъ. Обо всѣхъ резолюціяхъ составляется протоколъ. Обязанность исполненія постановленія собранія возложена на совѣтъ изъ 7 членовъ, избираемыхъ собраніемъ. Этотъ совѣтъ завѣдуетъ эксплуатаціей лѣсовъ, производитъ раздѣлъ рубки, подготовляетъ жеребьевое распредѣленіе земель, служитъ представителемъ корпораціи въ судебныхъ ин-

---

[1]) Лавеле, Первобытная собственность стр. 261, 263.

станціяхъ и распоряжается производствомъ работъ, не превышающихъ 60 франковъ; другія работы должны быть голосованы общимъ собраніемъ. Въ случаѣ нарушенія устава, совѣтъ опредѣляетъ пени и взысканія за убытки, обращаетъ преслѣдованіе къ судебной власти. Совѣтъ собирается по приглашенію президента. Члены, не явившіеся безъ уважительной причины, караются пеней за неявку; вознаграждаются же члены совѣта отсрочкою рабочихъ дней, которые они должны отбывать наравнѣ съ прочими дольщиками. Всѣ выборные получаютъ вознагражденіе и отвѣтственны за свои дѣйствія. Управленіе такимъ образомъ отличается полнотой. Дольщики сами завѣдуютъ своими общими интересами и коллективною собственностью, сообразно правиламъ очень обстоятельнымъ и добровольно принятымъ. Эти конституціи относятся къ первымъ временамъ среднихъ вѣковъ, но онѣ постоянно измѣнялись, совершенствовались, смотря по потребностямъ эпохи, и можно утверждать, что онѣ какъ слѣдуетъ выполняютъ миссію, которая имъ ввѣрена. Коллективный доменъ управляется хорошо и продукты съ него дѣлятся равномѣрно». Исторія швейцарской общины указываетъ намъ тотъ естественный путь, по которому должно было бы идти развитіе каждой общины, если бы она была предоставлена самой себѣ и если бы не существовало внѣшнихъ вліяній. Несомнѣнно, что и сѣверныя русскія общины сохранили и развили бы свой древній автономный порядокъ, если бы онѣ были также изолированы, какъ швейцарскія. Но этого не было: на сѣверо-западѣ, на западѣ, на сѣверо-востокѣ образовались сильныя государства, стремившіяся къ расширенію своихъ территорій. Для борьбы съ ними общины организовали было центральное правительство, представляемое Великимъ Новгородомъ, Псковомъ и Вяткой, но оно было слишкомъ слабо, чтобы вести постоянную борьбу съ правительствами, занятыми исключительно мыслью о войнѣ. У него не было, да и не могло быть, другаго войска, кромѣ временнаго ополченія, которое, конечно, ничего не могло сдѣлать противъ организованныхъ армій скандинавовъ или ливонскихъ рыцарей, привыкшихъ къ войнѣ и предводимыхъ опытными полководцами. Новгородскія области подвергались,

вслѣдствіе этого, постояннымъ опустошительнымъ нападеніямъ. Напримѣръ, Двинская земля, носившая въ новгородскую эпоху названіе Заволочья и включавшая въ себѣ всѣ земли къ сѣверовостоку отъ Бѣлаго озера [1]), тотчасъ же послѣ колонизаціи ея выходцами изъ Новгорода безпрерывно терпѣла нападенія то отъ норманновъ, то отъ пріуральскихъ дикихъ народцевъ, то отъ новгородскихъ ушкуйниковъ, то отъ Московскаго государства, которое наконецъ, въ 1478 году, и подчинило Заволочье своей власти [2]). Но эти нападенія, дѣйствовавшія лишь непродолжительное время, не могли бы, все таки, изгладить первобытнаго общиннаго устройства, если бы съ покореніемъ Новгорода въ Москвѣ не началось дѣятельное систематическое измѣненіе его, въ интересахъ завоевавшаго государства. Московское государство въ эпоху завоеванія Новгорода имѣло уже свои опредѣленныя цѣли и организацію. Составленное почти исключительно изъ завоеванныхъ земель, оно нуждалось для своего существованія въ крѣпкой власти. Въ XVI вѣкѣ, послѣ завоеванія Новгорода, Пскова, Казани, царская власть достигла всепоглощающаго могущества. Земля была признана собственностью царя и великаго князя. На личность и общину усвоенъ былъ взглядъ какъ на орудіе государственныхъ цѣлей. Назначеніе каждаго человѣка, къ какому бы онъ классу ни принадлежалъ, было отбывать тягло въ пользу государства. Идеаломъ его должно было быть не достиженіе личнаго счастія, а, напротивъ, отреченіе отъ него во имя могущества и величія государства. Очевидно, что сѣверныя общины должны были при соприкосновеніи съ государствомъ потерпѣть коренныя измѣненія въ самыхъ основныхъ началахъ. Ихъ цѣлію не могло болѣе быть удовлетвореніе интересовъ своихъ членовъ и охраненіе ихъ отъ внѣшняго давленія; онѣ, напротивъ, должны были помогать государству въ его стремленіи утилизировать возможно полнѣе силы каждой отдѣльной личности. Легко видѣть, что проведеніе такого взгляда на общины должно было встрѣтить непреодолимыя препятствія. Община су-

[1]) Поповъ. Колонизація Заволочья (Бесѣда 1872, № 2 и 3).

[2]) Соколовъ. Описаніе города Холмогоръ съ очеркомъ древней исторіи Двинскаго края (Архангельскій Сборникъ, т. I.).

ществовала съ цѣлію, противуположной той, которую ей указывало государство. Она не располагала даже никакими средствами для выполненія налагаемыхъ на нее обязанностей: представляя добровольный союзъ лицъ, соединившихся исключительно для достиженія своихъ индивидуальныхъ цѣлей, она не имѣла и не могла имѣть никакой принудительной власти надъ своими членами. Напрасно правительство старается вооружить ее этой властью, ограничивая въ тоже время все больше и больше личную свободу ея членовъ: община оказалась совершенно неспособной сдѣлаться факторомъ государственной власти. Вслѣдствіе этого правительство, послѣ долгихъ колебаній въ продолженіе цѣлаго столѣтія, когда оно то передавало все мѣстное управленіе въ руки общинъ, то отдавало его своимъ служилымъ людямъ, то снова возвращало общинамъ, въ XVII в. совершенно устраняетъ общину отъ участія въ управленіи и на ея мѣсто ставитъ помѣщиковъ и воеводъ. Исторія отношеній общины къ государству, перипетіи пассивной борьбы ихъ противъ новаго порядка исполнены глубокаго интереса,—и мы постараемся очертить эту эпоху съ возможной полнотой.

Правительство поставляетъ, прежде всего, въ обязанность общинамъ непремѣнно выбрать старостъ и цѣловальниковъ, если ихъ не было [1]). Такимъ образомъ эти выборные люди, назначеніе которыхъ было прежде помогать при выполненіи рѣшеній міра и срокъ службы которыхъ опредѣлялся сущностью дѣла, становятся теперь повсемѣстнымъ явленіемъ и превращаются въ постоянныхъ чиновниковъ, связанныхъ присягой князю [2]). Точно также было велѣно выбрать постоянныхъ сот-

---

[1]) «А въ которыхъ волостяхъ напередъ сего старостъ и цѣловальниковъ не было: и нынѣ въ тѣхъ во всѣхъ волостяхъ быти старостамъ и цѣловальникамъ». (Судебникъ Ивана III, стр. 68. Ср. А. А. Э. № 94, гдѣ тоже требуется въ губной грамотѣ).

[2]) На существованіе старостъ въ XV в. находимъ указаніе во многихъ грамотахъ: староста городской (А. Юр. быта др. Р. стр. 125, грамота Бѣлозерскаго князя Мих. Андреевича 1447 — 1468), староста разныхъ бѣлозерскихъ волостей (А. А. Э. т. I № 73. Ср. № 123) староста Залѣсской (А. Юр. № 4; Ср. № 6), староста Аргуновской волости и т. д. Въ Новгородскихъ волостяхъ въ концѣ XV вѣка старосты въ деревняхъ встрѣчаются нерѣдко (Н. кн. Дер. пят. I. 9, 11, 71, 99, 100, 210. 226 Вотская пятина 116, 791, 576 стр.; староста своеземецъ ibid. 549) и притомъ на землѣ

скихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ [1]). Только въ отдаленныхъ, глухихъ общинахъ удержались выборные съ прежнимъ характеромъ временныхъ исполнителей рѣшеній общины [2]). Повелѣвая общинамъ выбрать старостъ и сотскихъ, правительство естественно должно было позаботиться о томъ, чтобы выборные удовлетворяли его требованіямъ, и поэтому не только рекомендуетъ крестьянамъ выбирать на эти должности лучшихъ

всѣхъ владѣльцевъ, но, конечно, въ писцовыхъ книгахъ не было нужды упоминать обо всѣхъ существовавшихъ тамъ старостахъ. Акты и законодательные памятники XVI в. доказываютъ, что въ этомъ вѣкѣ старосты, сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе были необходимымъ явленіемъ въ каждой общинѣ. «Отъ великаго князя въ станы и въ волости, говорится въ грамотѣ 1544 г. въ Переяслав. уѣздѣ, которые обошли около переяславскіе дороги отъ Учи и до Дубны старостамъ и десятскимъ и всѣмъ крестьянамъ моимъ великаго князя, и митрополичимъ, и владычнимъ, и княжимъ, и боярскимъ, и монастырскимъ и всѣмъ безъ омѣны, чей кто ни буди (А. А. Э. т. I № 180). Старосты Тавренской волости (А. Ю. №№ 187, 272, 358). Староста Славенскаго волочка (А. Ю. № 6, Ср. Доп. къ А. И. 232—233). Староста Масленской волости (А. И.) Ср. Неволинъ, о пятинахъ, приложеніе 211 стр. Каргопольскіе старосты (Прил. къ А. И. 32 и 77 стр.). (Неволинъ, Прилож. стр. 393 Ср. 174 стр.). Старосты на владѣльч. земляхъ: староста Сиземской волости (А. А. Э. № 151) Княжъ Захарьинъ Сугорскаго погоста староста Тарасъ Павловъ, сынъ Глазункова (ibid. № 152). О старостахъ упоминается почти въ каждой губной грамотѣ, (напр. А. А. Э. № 330). Царскій Судебникъ предполагаетъ старостъ существующими во всѣхъ волостяхъ и подверждаетъ требованіе предыдущаго Судебника, чтобы намѣстники и волостели безъ ихъ участія суда не судили (Ст. 62, 68, 70). Различаются старосты для цѣлой волости, волостные (А. И. т. I. № 125. А. А. Э. стр. 291) и для отдѣльныхъ селъ (ibid. № 152). Ср. А. И. стр. 256. Сельскій староста. (Неволинъ, приложеніе стр. 113). Буресскаго села староста, (ibid. № 113). Иногда двѣ волости имѣли одного старосту. (А. А. Э. т. I № 70).

[1]) Губная грамота 1541 г. (А. А. Э. № 194) Ср. ibid. № 330 и пр. Эти выборныя власти были такимъ образомъ повсемѣстнымъ учрежденіемъ. Сотскіе: (А. А. Э. т. I. стр. 41, 47, 49, 64, № 123 234, А. И. I. стр. 351). Сотскіе въ волостяхъ Троицкаго монастыря (А. А. Э. I. № 234). См. также Бѣляева, крестьяне на Руси, стр. 44, гдѣ приведены двѣ ненапечатанныя грамоты, гдѣ десятскіе упоминаются по большей части во всѣхъ грамотахъ, гдѣ говорится о сотскихъ. (А. А. Э. т. I. стр. 79, 90; также № 269, 330 и т. д. Ср. П. кн. Дер. пят. I. 723.

[2]) «Се азъ Иванъ Герасимовъ сынъ, да азъ Первой Ивановъ сынъ Шебановъ... и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Воскресенскаго приходу» и пр. (А. Ю. 272. Ср. А. А. Э. I. № 350). «Билъ намъ Чюпейко Левонтьевъ во всѣхъ крестьянъ мѣсто», и т. д. (Доп. к. А. И. т. I. № 59).

людей [1]), «которые бы были собою добры и къ нашему дѣлу пригожи», но, кромѣ того, приказываетъ давать о выборѣ сейчасъ знать въ Москву или даже присылать ихъ туда для присяги [2]). Каково было положеніе этихъ «учиненныхъ» старостъ въ общинахъ, каковы были ихъ взаимныя отношенія, изъ источниковъ не видно. Въ большинствѣ случаевъ они не получали никакого вознагражденія; не видно также, чтобы они пользовались другими какими либо преимуществами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, впрочемъ, ихъ освобождали отъ налоговъ [3]). Понятно, что въ старосты должны были выбираться болѣе или менѣе зажиточные люди [4]).

Создавая въ лицѣ этихъ выборныхъ начальниковъ вѣрныхъ исполнителей своихъ требованій, правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, старалось придать всему крестьянскому самоуправленію характеръ принудительный, тяглый. Для этого ей необходима была неограниченная власть надъ своими членами, и правительство

---

[1]) «И вы-бъ, межь себя свѣстяся за одно, учинили себѣ прикащика въ головахъ—въ своихъ селахъ и деревняхъ и починкѣхъ старостъ и сотскихъ, и десятскихъ лучшихъ людей, которые бы были собою добры и къ нашему дѣлу пригожи (А. А. Э. № 191).

[2]) «А которыхъ прикащиковъ, и старостъ, и сотскихъ, и десятскихъ, и лучшихъ людей учините въ своихъ селахъ и въ деревняхъ у себя въ головахъ въ которомъ судѣ ни буди; и вы-бъ о томъ отписали часа того къ намъ въ Москву, къ нашимъ боярамъ». Или «И тѣхъ крестьянъ и дьяковъ, и крестьянъ для крестнаго цѣлованья прислати къ Москвѣ въ разбойный приказъ» (А. А. Э. № 330). Выборъ цѣловальника и потомъ увѣдомленіе. (Ibid. стр. 176). Къ сожалѣнію, отсутствіе данныхъ не даетъ возможности рѣшить, какимъ способомъ происходило самое избраніе и не вмѣшивались ли въ выборы намѣстники и волостели. Выраженіе: «межъ себя свѣстяся за одно» указываетъ, впрочемъ, что выборъ производился при участіи всѣхъ и не по большинству голосовъ, а единогласно.

[3]) «А гдѣ будетъ староста на томъ не взяти (А. А. Э. т. I. № 32). Помѣщики также освобождали старостъ отъ оброковъ наравнѣ съ своими ключниками—«А съ трехъ обежъ дохода нѣтъ: живетъ на нихъ староста». (Писц. кн. Дер. пят. I 48). Тоже самое, что и относительно ключниковъ». «А съ дву обежъ дохода не было: живъ на нихъ ключникъ (ibid 85 стр.)» Ср. 57 стр.

[4]) Староста Кинуйской волости владѣлъ деревней на рѣчкѣ Поломбеѣ. (А. Ю. стр. 161). Въ другомъ мѣстѣ староста кромѣ общиннаго участка снимаетъ еще пустошь. (П. кн. Дер. I. 11 и т. д.).

даетъ ей эту власть. Судебникъ Ивана III, ограничивши срокъ перехода крестьянъ Юрьевымъ днемъ, что было подтверждено потомъ частными грамотами (Важской и др.), долженъ былъ усилить власть общины надъ ея членами, такъ какъ она одна могла слѣдить за соблюденіемъ этого требованія и къ тому же она больше всего страдала отъ несоблюденія его. Совершенно послѣдовательно вытекало изъ такого положенія дѣлъ предоставленное общинамъ право выводить изъ-за монастырей перешедшихъ къ нимъ крестьянъ безсрочно и безпошлинно и сажать ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ они жили прежде [1]).

Это право было необходимо, потому что только при такомъ условіи община могла успѣшно выполнить свою новую задачу отбыванія тягла. Съ тою же цѣлью ей была предоставлена самостоятельность въ сборѣ и раскладкѣ разнаго рода налоговъ. Въ уставныхъ грамотахъ, начиная съ Бѣлозерской 1488 г., намѣстникамъ, позволявшимъ себѣ крайнія злоупотребленія, запрещается брать свои кормы чрезъ доводчиковъ въ станахъ; сотскій, а въ другихъ мѣстахъ староста, долженъ былъ самъ собрать и отвести кормъ въ городъ [2]). Раскладка податей также была предоставлена общинѣ [3]), которая должна была распредѣлять ихъ по «животамъ, пашнямъ и сохамъ». Но, въ случаѣ неповиновенія таглыхъ людей [4]) или недоразумѣній при раскладкѣ податей, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда выходили несогласія по сбору податей между двумя волостями, не кончавшіяся согласіемъ между селеніями, тянувшими вмѣстѣ, общины [5]) должны были обращаться къ содѣйствію властей.

---

[1]) А. А. Э. т. I. № 234.

[2]) А. А. Э. I. № 123, 150, 183, 234.

[3]) А. А. Э. I. № 234 и всѣ уставныя грамоты.

[4]) А кого окладчики обложатъ земскихъ людей и козаковъ и тѣбъ люди платили одновонно безъ всякого перевода и смущенія. А кто упрямится, не учнетъ платити, и мы бы у тіуна просили доводчика и послали на тѣхъ людей на ослушныхъ одновонно безъ всякого перевода доправливати безсрочно, кого чѣмъ обложатъ». (А. А. Э. т. I. № 268).

[5]) А. А. Э. т. I. № 210, 350. Такъ крестьяне Глотовой слободки просили отдѣлить ихъ въ платежѣ отъ Вычегжанъ, Вымичей и Сысоличей, такъ какъ «у нихъ живутъ все молодчіе люди, кормятся пихтою да звѣремъ, а

Вѣрная своимъ началамъ, община старалась разложить повинности по возможности равномѣрнѣе, принимая во вниманіе все имѣнье каждаго крестьянина: дворъ, домашнюю скотину, пашню, получаемый съ нея хлѣбъ, промыслы и число работниковъ въ семьѣ [1]). Вслѣдствіе этого крестьяне верстались отдѣльно отъ бобылей, такъ какъ по имущественному положенію это были два различные класса. Первые распредѣляли подати по пашнѣ и угодью, вторые «по промысламъ и животамъ» [2]). Дѣти моложе 15 лѣтъ не платили налоговъ [3]). Для раскладки податей выбирались окладчики изъ всѣхъ имущественныхъ разрядовъ: изъ лучшихъ, среднихъ, молодшихъ людей и казаковъ [4]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда какой либо налогъ падалъ не на одну деревню, а на цѣлую волость, какъ напримѣръ кормы ловчаго, тіуна и доводчика, онъ сначала распредѣлялся между самыми деревнями «по дани и пашнѣ» и потомъ уже жители каждой деревни раскладывали наложенную на нихъ часть между собою [5]). Стараясь облегчить своимъ членамъ уплату податей,

---

хлѣба не пашутъ и не торгуютъ ничѣмъ, а на Вычегдѣ на Сысолѣ живутъ прожиточные люди, торгуютъ всякими товарами, хлѣбъ пашутъ» (А. А. Э. т. I № 380). Жители Шостаковскаго городка просили также отдѣлить ихъ въ платежѣ отъ жителей Слободскаго городка, (ibid. № 210). Ср. Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, стр. 73. Точно также содѣйствовали общинѣ въ сборѣ и раскладкѣ податей и землевладѣльцы. (А. А. Э. т. I. № 268).

[1]) А. А. Э. т. I. № 399 Ср. А. И. т. I. стр. 212 и 318.

[2]) Неволинъ, Приложеніе 131 стр.

[3]) А. А. Э. т. I. № 269.

[4]) «Какъ лучится у васъ разрубъ въ волости, и вы-бъ выбрали въ Сумѣ изъ большихъ изъ лучшихъ людей два человѣка, и изъ среднихъ людей два человѣка, а изъ меньшихъ людей два, а изъ казаковъ 2 человѣка; да тѣбъ восемь человѣкъ сидѣли у васъ въ окладѣ и окладывали бы земскихъ людей и казаковъ въ Божію правду, кого чѣмъ пригоже, кто чего достоинъ» (ibid)

[5]) А тѣ кормы ловчего и тіуновъ, и доводчиковъ, поборъ дворской, съ десятскими и съ добрыми людьми межъ себя мечутъ съ столца по дани и по пашнѣ: которая деревня больше пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню больше корму и поборовъ положатъ; а которая деревня меньше пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню меньше корму и поборовъ наложатъ». (А. А. Э. т. I № 150). Ср. Доп. к. А. И. 232—233 стр. Вѣроятно, такимъ же образомъ раскладывались всѣ, такъ называемые, волостные разметы. (Неволинъ, Приложеніе, 359 стр.).

общины призывали къ себѣ новыхъ жильцовъ, обѣщая имъ льготы. Съ тою же цѣлью онѣ облагали податьми и такія земли, которыя были освобождены отъ налоговъ тарханными грамотами, что, конечно, возбуждало со стороны землевладѣльцевъ жалобы [1]), и защищали свои интересы при самомъ наложеніи податей. Правительство налагало подати по писцовымъ, переписнымъ и окладнымъ книгамъ, для составленія которыхъ отправлялись по деревнямъ писцы и дозорщики. Они расписывали волости въ сохи и выти, т. е. раздѣляли всю сумму требуемаго налога на равныя части и затѣмъ раздѣляли каждую мѣстность на участки земли, равные по своей платежной способности, которые и назывались сохами, а части ихъ вытями. Размѣръ сохъ измѣнялся смотря по потребностямъ государства, свойству почвы и отношенію землевладѣльцевъ къ государству. Свѣдѣнія о доходности земель собирались отъ крестьянъ и выборныхъ, ихъ начальниковъ, которые или представляли свои мірскія книги [2]), или сообщали свои мнѣнія на словахъ, стараясь представить дѣло въ настоящемъ свѣтѣ [3]). Такимъ образомъ община, подчиняясь безропотно фискальной эксплуатаціи, старалась возможно справедливой раскладкой податей уменьшить ихъ тяжесть. Иногда, впрочемъ, она выступала изъ такой пассивной роли и сопротивлялась самому наложенію податей, прогоняя писцовъ и дозорщиковъ [4]).

Охраненіе порядка и мира было прежде одной изъ главнѣйшихъ заботъ общины, такъ какъ это было необходимое условіе общежитія, и она не могла встрѣчать особенныхъ труд-

---

[1]) А. А. Э. т. I. стр. 417.

[2]) На существованіе мірскихъ книгъ есть положительныя указанія. (Д. к. А. И. т. I. 146. А Ю. 2. № 348 Неволинъ. Приложеніе, 113 стр. Ср. 115, 118, 119 стр. Свѣдѣнія собирались также отъ поповъ и прикащиковъ, но кажется, при отсутствіи показаній крестьянъ, требовалась отъ нихъ присяга. (Нев. прилож. 119).

[3]) Съ тою же цѣлью облегчить своимъ членамъ платежей податей, общины вступали въ взаимное соглашеніе съ другими, платившими съ ними сообща, о наиболѣе выгодной разверсткѣ земель (А. Ю. № 272), или добивались у правительства различныхъ измѣненій въ порядкѣ, платежей. (Неволинъ. О Пятинахъ (предисловіе) о Шимозерцахъ и Оштинскомъ погостѣ. Приложеніе 124 стр.).

[4]) Неволинъ. Приложеніе, стр. 100, равно 113.

ностей при выполненіи этой задачи при сознаніи солидарности частныхъ интересовъ и общаго блага. Теперь, съ наложеніемъ тягла, положеніе дѣлъ измѣнилось. Нужна была крѣпкая власть для подавленія неудовольствія новыми условіями жизни и для предупрежденія преступленій со всѣми ихъ разнообразными послѣдствіями. Въ виду этого, правительство повелѣваетъ «старостамъ и сотскимъ, и пятидесятскимъ, и десятскимъ, и всѣмъ людямъ беречи на крѣпко, чтобъ у нихъ на посадѣ въ станѣхъ и волостѣхъ татей и разбойниковъ, и ябедниковъ и подпищиковъ и всякихъ лихихъ людей не было, и пріѣзду-бъ ни къ кому лихихъ людей не было» [1]). Выборнымъ начальникамъ предписывалось далѣе слѣдить, чтобъ въ селахъ и деревняхъ не было скомороховъ, волхвей, бабъ-ворожей, татей и разбойниковъ [2]), чтобы не допускались непозволительныя игры, какъ напримѣръ игра въ зернь, корчемство, развратъ и пр. Крестьяне, къ которымъ пріѣзжали посторонніе люди, обязаны были доводить объ этомъ до свѣдѣнія старостъ, цѣловальниковъ или сотскихъ и пятидесятскихъ. Сотскому вмѣнено было въ обязанность знать всѣхъ пріѣзжающихъ и живущихъ въ его общинѣ и, въ случаѣ появленія подозрительнаго человѣка, доносить старостѣ для розыска, и если человѣкъ этотъ оказывался лихимъ: татемъ, разбойникомъ, костаремъ, ябедникомъ и т. д., велѣно было или брать съ него штрафъ, или выбивать вонъ изъ волости, или представлять намѣстнику или волостелю, или, наконецъ, сама волость должна была судить и казнить его, если имѣла свой судъ [3]). Данъ былъ большой просторъ вмѣшательству въ общинную полицію властей и землевладѣльцевъ, которые однакожъ должны были обращаться къ общинѣ въ такихъ случаяхъ чрезъ посредство старостъ, а не прикащиковъ [4]). Вліяніе принудительнаго элемента видно и въ тѣхъ случаяхъ, когда община дѣлала какія либо постановленія по собственной иниціативѣ. Такъ, крестьяне Таврепской волости рѣшили однажды всею волостью запретить работы по воскреснымъ днямъ,

[1]) А. А. Э. № 234.
[2]) Ibid. № 244 и во всѣхъ уставныхъ грамотахъ.
[3]) А. А. Э. т. I. № 330.
[4]) А. А. Э. т. I. № 244.

подъ угрозою штрафа въ пользу міра [1]). Устройство общинной полиціи было выгодно правительству еще и въ томъ отношеніи, что, благодаря ей, оно получало большія средства для надзора за всѣми учрежденіями и лицами. Такъ Василій Ивановичъ поручилъ старостѣ, десятскимъ и всѣмъ крестьянамъ Бѣлозерскихъ волостей защиту Ниловой пустыни отъ татей и разбойниковъ [2]). Въ другомъ случаѣ ей было поставлено въ обязанность наблюдать за намѣстниками [3]). Такимъ образомъ повсюду былъ внесенъ элементъ принудительности, измѣнившій первобытныя отношенія самымъ существеннымъ образомъ. То, что прежде дѣлалось вслѣдствіе сознанія необходимости, теперь стало исполняться по обязанности.

Еще болѣе рѣзкая перемѣна произведена была въ устройствѣ суда, обращеннаго правительствомъ въ одну изъ статей дохода. За исключеніемъ приведенныхъ уже свидѣтельствъ Русской правды и нѣкоторыхъ случайныхъ намековъ другихъ источниковъ [4]) мы, правда, не имѣемъ положительныхъ данныхъ на существованіе общиннаго независимаго суда. Но, судя по нѣкоторымъ отрывочнымъ даннымъ источниковъ, онъ долженъ былъ составлять необходимую принадлежность каждой общины. Какая была форма этого суда, былъ ли то судъ сходки или сосѣдей, какія дѣла подлежали его вѣдѣнію, исключительно ли поземельныя или семейныя—мы не знаемъ. Нѣкоторое понятіе о народномъ судѣ даетъ судъ вѣча въ Новгородѣ. Съ подчиненіемъ Новгородской области Московскимъ князьямъ судъ переходитъ къ завѣдыванію правительства, которое иногда передавало его, въ видѣ жалованья, землевладѣльцамъ. Но община, уже въ силу одной традиціи, должна была держать за собой болѣе или менѣе значительное участіе въ судѣ правительственныхъ судей:—намѣстниковъ и волостелей, равно какъ и землевладѣльцевъ. Необходимость контроля надъ своими судьями побуждала и само правительство поддерживать права общинъ

---

[1]) А. Юр. № 358.

[2]) А. А. Э. т. I. № 157.

[3]) А. И. стр. 398. Ср. 403.

[4]) Въ правдѣ и винѣ отвѣчаетъ слобожанинъ предъ своими слобожанами. (А. А. Э. т. I. № 324).

на участіе въ судѣ. Въ памятникахъ XIV, XV и XVI вѣка требованія со стороны правительства относительно присутствія на судѣ выборныхъ отъ общинъ повторяются неоднократно [1]).

Нѣкоторымъ поселеніямъ, преимущественно слободамъ, въ видѣ привиллегіи, было предоставлено даже право вполнѣ независимаго суда [2]). Правительство, предоставляя жителямъ участіе въ судѣ кормленщиковъ и право собственнаго суда, не вносило въ жизнь ничего новаго; оно старалось лишь спасти это старинное право отъ разрушительнаго вліянія вновь созданныхъ имъ отношеній, въ виду понятнаго стремленія намѣстниковъ и волостелей, равно какъ и сильныхъ землевладѣльцевъ, обходиться безъ всякаго участія выборныхъ представителей общинъ, проявлявшагося не разъ [3]).

Съ цѣлью усиленія вліянія общинныхъ представителей на судѣ, Судебникъ создалъ новую должность земскаго дьяка. Онъ приготовлялъ списокъ суда, который, за подписью старостъ

---

[1]) Въ Бѣлозерской уставной грамотѣ 1488 сказано: «А намѣстникамъ нашимъ и ихъ тіунамъ безъ сотскихъ и безъ добрыхъ людей не судити судъ». (А. А. Э. т. I. № 123). По Судебнику 1497 г. намѣстники и волостели не должны судить безъ дворскаго, старосты и лучшихъ людей, точно также бояре и дѣти боярскія. Но старосты избирались не вездѣ и Царскій Судебникъ повелѣваетъ выбрать ихъ во всѣхъ волостяхъ, гдѣ ихъ не было, (см. 62 и 68). Кромѣ старостъ, на судѣ присутствовали еще «судные мужи», (нѣчто въ родѣ современныхъ присяжныхъ). Д. къ акт. ист. I. № 26, 1530. А. А. Э. т. I. № 201. Ср. Сборникъ М. О. Ист. и Др. 1842, кн. V, гдѣ говорится, между прочимъ, что на судѣ должны присутствовать «старосты и лутчіе люди». На этихъ судныхъ мужей ссылались, какъ на *«правду»*. Кромѣ этихъ лицъ на судѣ волостелей, посельскихъ, ловчихъ, слободчиковъ и прочихъ судей- кормленщиковъ встрѣчаются дворскіе, сотскіе, цѣловальники и добрые люди. (См. А. Ю. № 3—9, 11, 19, 20. Акты отн. до юр. быта I. № 53, 52, III, 103, I, II. А. А. Э. I № 94, 143, 144, 147, 150, 201. Д. къ А. И. стр. 23). Право посылать своихъ представителей на судъ относилось, судя по общей формѣ выраженія закона, одинаково къ волостямъ чернымъ и владѣльческимъ. По Судебнику (68 ст.), на судѣ должны быть старосты и цѣловальники «изъ которой кто волости ищетъ и отвѣчаетъ». Ср. Уставную Важскую грамоту.

[2]) «Въ правдѣ и въ винѣ отвѣчаетъ слобожанинъ предъ своими слобожанами».

[3]) Такъ въ 1542 г. Керетчане и Ковдяне жаловались государю, что «государевы доньщики и слободчики судятъ ихъ не по суду и земскимъ людимъ лутчимъ и молодшимъ быти у себя на судѣ не велятъ». (А. А. Э. т. I. № 196).

и цѣловальниковъ, отдавался судьѣ отъ правительства, а этотъ отдавалъ старостѣ, дворскому и цѣловальникамъ копію, приготовленную намѣстничьимъ дьякомъ, за своею подписью [1]. Производство дознанія и слѣдствія предписывалось правительственнымъ судьямъ совершать въ присутствіи волостнаго старосты и лучшихъ людей (человѣкъ 10) [2]. Повальный обыскъ, къ которому прибѣгали судьи, указываетъ еще сильнѣе на участіе общинъ въ судѣ [3]. Мнѣніе обывателей о благонадежности и неблагонадежности извѣстнаго лица рѣшало его осужденіе и оправданіе. Общественное мнѣніе имѣло, такимъ образомъ, рѣшающее значеніе въ дѣлѣ суда. Къ нему, въ лицѣ старожильцевъ, обращались во всѣхъ поземельныхъ дѣлахъ [4].

Точно также и землевладѣльцы, получившіе отъ правительства право суда надъ крестьянами, жившими на ихъ земляхъ, не имѣли права по закону судить безъ выборныхъ отъ общины [5]. Но всѣми этими постановленіями правительству не удалось спасти древняго общиннаго суда. Вмѣсто прежней быстроты, публичности, непосредственнаго отношенія суда къ спорнымъ предметамъ и словесности, теперь начинаетъ господствовать въ судопроизводствѣ письменность, дѣлавшая совсѣмъ излишнимъ присутствіе на судѣ безграмотныхъ представителей общинъ, и приказная волокита.

Чтобы дать еще болѣе ясное понятіе, съ какою послѣдовательностью московское государство измѣняло древній общинный строй, мы прослѣдимъ на отдѣльномъ примѣрѣ—на судьбѣ Двинской области главные моменты развитія новыхъ отношеній.

---

1) Судебникъ Ив. IV. ст. 68 и 62.

2) А. И. т. № 125. Ср. Суд. Ив. IV, ст. 70).

3) Случаи повальнаго обыска (А. А. Э. 395 стр. Ср. А. И. т. I. № 154).

4) А. А. Э. № 209. А. Юр. стр. 211. Акты отн. до юр. быта стр. 246. Доп. къ Акт. ист. стр. 72.

5) Въ Уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря крестьянамъ села Пузырева (1561) велѣно «судити приказщику, а съ нимъ быти на судѣ священнику да крестьянамъ пятьма или шестьма добрымъ и среднимъ» (А. А. Э. т. I № 258.) То же находимъ и въ грамотахъ патріарха Іова Новинскому монастырю: «а выщенъ крестьянинъ на крестьянинѣ предъ игуменомъ и предъ соборными старцы, или предъ приказщикомъ, городскіе и сельскіе; и у игумена и у соборныхъ старцевъ сидѣти въ судѣ сельскомъ лучшимъ людямъ тремъ или четыремъ человѣкамъ, котораго сельчане на-

Она была подчинена, какъ сказано, въ 1478 г. [1]). Московское правительство не вдругъ ввело свой порядокъ въ присоединенную область. Мѣстныя учрежденія изчезали мало по малу и незамѣтно принимали иной характеръ, болѣе сообразный съ цѣлями государства. Сначала правительство предоставило Двинянамъ управляться земскими сотскими, избираемыми изъ ихъ среды вольными голосами. Имъ были поручены Иваномъ III всѣ дѣла по суду и управленію. Служили они погодно. Но эти сотскія существовали всего 22 года (до 1500). Народъ въ это время до нѣкоторой степени сжился съ новымъ нарядомъ, привыкъ считать себя тяглымъ, а землю, которую онъ воздѣлывалъ, землею Государя и великаго князя, находящеюся у него лишь во владѣніи [2]). Между тѣмъ правительство изучало страну,

любятъ (Времен. М. О. И. и Др. № 2-й, Смѣсь). Ср. А. А. Э. №№ 234, 250. А. И. № 278. Точно также недѣльщики, посланные отъ землевладѣльцевъ, не иначе могли взять крестьянина, какъ заявивши объ этомъ выборному начальнику—десятскому (А. А. Э. т. I. № 269).

[1]) 13 генваря 1478 г. Иванъ III объявилъ Новгородцамъ, что Двиняне съ этого времени должны цѣловать крестъ на одно имя великихъ князей, не упоминая о Новгородѣ.

[2]) До сихъ поръ остаются неизслѣдованными причины возникновенія у насъ верховнаго права собственности на землю государей. Несомнѣнно только, что ему предшествовало признаніе этого права за народомъ. Территорія, занимаемая какимъ либо племенемъ: Полянами, Древлянами, оставалась собственностью цѣлаго племени. Въ такомъ смыслѣ надо понимать выраженія: Древлянская земля, Ростовская земля и т. д. (Ср. Landau, Territorien). Это явленіе свойственно не только нашей исторіи, но встрѣчается въ первые эпохи у всѣхъ народовъ. Въ Англіи, Даніи, Швеціи и Германіи земля, по народному сознанію, принадлежала также всей націи и называлась Folcland, Almenning, Alminning, Almanninger, т. е. общая земля. Въ памятникахъ всего кіевскаго періода напрасно было бы искать случая полнаго отчужденія земли. Земля въ это время не могла быть предметомъ купли-продажи именно вслѣдствіе отсутствія частной поземельной собственности. Въ казацкихъ областяхъ (Донской, Уральской) до послѣдняго времени земля составляла собственность цѣлаго населенія. Современемъ, однако, у насъ, какъ и во всѣхъ названныхъ странахъ, верховнымъ собственникомъ земли признается государь. Въ Норвегіи уже въ самую раннюю пору никто не имѣлъ права безъ позволенія короля отгородить часть общей земли въ свое частное владѣніе и только онъ одинъ могъ раздавать общую землю въ аренду частнымъ лицамъ. То-же самое встрѣчаемъ и въ Англіи, гдѣ земли раздавались съ согласія народа королемъ и гдѣ до сихъ поръ собственникомъ земли считается государь. Въ Германіи, впрочемъ, право короля на землю никогда не было проведено въ жизнь и при самомъ своемъ

описывало землю, распредѣляло жителей по сохамъ и вообще подготовляло ее къ воспринятію новыхъ порядковъ во всей ихъ полнотѣ. Наконецъ, когда эти подготовительныя работы были болѣе или менѣе кончены, оно уничтожаетъ самоуправленіе и ставитъ на мѣсто выборныхъ своихъ служилыхъ людей: намѣстниковъ, тіуновъ, волостелей и т. п.. Въ 1500 г. Двинскою землею управлялъ тіунъ боярскаго чина; послѣ него стали посылаться на Двину намѣстники съ цѣлымъ штатомъ подчиненныхъ служилыхъ людей. Но при этой перемѣнѣ соблюдена была также постепенность. Уступая, вѣроятно, привязанности народа къ самоуправленію, а также, быть можетъ, руководясь убѣжденіемъ въ необходимости какого нибудь контроля надъ своими чиновниками, правительство, Судебникомъ 1497 г., предоставляя намѣстникамъ уголовный и гражданскій судъ съ правомъ кормиться отъ него, подчиняетъ ихъ въ этомъ отношеніи нѣкоторому надзору общинъ. Они должны были судить непремѣнно въ присутствіи старостъ и лучшихъ людей посадскихъ и волостныхъ (А. И. I, № 105). Но не легко было обуздывать произволъ намѣстниковъ и волостелей, вооруженныхъ могущественною властью, представителямъ общинъ, тѣмъ

возникновенія подверглось значительнымъ измѣненіямъ. Но этотъ взглядъ сильнѣе всего развился на востокѣ. У турокъ и до настоящаго времени падишахъ признается единственнымъ владѣтелемъ земли — и это не фикція, какъ въ Англіи, а реальное право, которымъ султанъ въ полной мѣрѣ воспользовался не далѣе, какъ въ 1858 г. (Economiste français, 1873, сентябрь). Въ Египтѣ на основаніи этого права государи производили весьма часто радикальныя реформы въ поземельныхъ отношеніяхъ. Вслѣдствіе какихъ причинъ совершилось такое перенесеніе идеи о верховной собственности на землю съ народа на государя въ Россіи мы не беремся объяснить вполнѣ, хотя можно указать на нѣкоторыя условія, содѣйствующія такому перенесенію. Толчкомъ могло служить татарское вліяніе, такъ какъ у татаръ земля принадлежала хану (Неволинъ, Ист. гражд. зак. III. 149, прим. 142). Трудно рѣшить, на сколько оказалъ вліяніе въ этомъ отношеніи примѣръ церкви, выработавшей понятіе о неотчуждаемости земли, принадлежащей ей, (А. И. I, № 7) и раздававшей свои земли въ помѣстья (Бестужевъ, Рус. Ист. I, 448). Точно также не безъ вліянія должно было остаться возвышеніе цѣнности земли, право на владѣніе которой, особенно при разнообразіи вновь образовавшихся классовъ, нуждалось съ развитіемъ государственной жизни въ поддержкѣ государства, въ его санкціи. Эта идея господствовала у насъ до самой средины XVIII в

болѣе, что роль ихъ въ намѣстничьемъ судѣ была совершенно неопредѣлена. Общины посылаютъ въ Москву жалобу за жалобой [1]) на притѣсненія служилыхъ людей, на опустѣніе деревень и посадовъ, вслѣдствіе непомѣрныхъ поборовъ намѣстниковъ, и правительство, въ виду собственнаго же интереса, отнимаетъ у намѣстниковъ важнѣйшія уголовныя дѣла (губное дѣло), отставляетъ ихъ «ради великихъ продажъ и убытковъ» и передаетъ судъ по нимъ снова обществу въ лицѣ губныхъ старостъ, избираемыхъ всѣми жителями мѣстности [2]). Но, позволяя общинамъ выбирать судей, правительство всего менѣе имѣло въ виду возстановить прежнія права ихъ. Губное дѣло было повинностью, обязательно отправляемою общинами. Сначала, особенно въ то время, когда губное дѣло (въ 50 годахъ XVI столѣтія) было соединено съ крестьянскимъ самоуправленіемъ, губное дѣло имѣло еще нѣкоторый характеръ льготы, но затѣмъ оно превращается въ повинность, и губные старосты, вмѣсто того, чтобы быть общинно-земскими агентами, дѣлаются такими же служилыми людьми, какъ и правительственные чиновники, наравнѣ съ которыми они поступаютъ въ распоряженіе приказовъ. Какъ всякая другая повинность губные цѣловальники взимаются съ сохъ [3]). Если на тяглыхъ людяхъ было наложено другое тягло, правительство освобождаетъ ихъ отъ губной повинности. Совершенно тотъ же тяглый характеръ имѣетъ и самоуправленіе по судебнымъ и финансовымъ дѣламъ, данное Иваномъ IV общинамъ послѣ уничтоженія намѣстниковъ [4]). Въ Двинской землѣ реформа эта была произведена въ 1556 г. Грамотой, данной въ этомъ году Двинянамъ, они: 1) освобождаются отъ суда намѣстника, подъ условіемъ давать казнѣ взамѣнъ доходовъ какъ его, такъ

---

[1]) Двиняне въ 1548 г. особенно энергично заявили правительству жалобу на самовольную и несправедливую расправу намѣстниковъ.

[2]) А. А. Э: I, № 187, 192, 194, 196, 201, 204, 231, 234, 242, 243, 244, 250, 257, 269 и др.

[3]) А. А. Э. II. № 119, I. № 300.

[4]) Тяглый характеръ самоуправленія, даннаго общинамъ въ XVI в., достаточно выясненъ въ трудахъ Димитріева «Исторія Судебныхъ инстанцій», Чичерина «Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ» и Градовскаго «Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи».

и тіуновъ, и доводчиковъ съ сохи по 20 рублей и по два алтына съ рубля пошлинъ; 2) они должны выбрать вмѣсто намѣстниковъ излюбленныхъ головъ, которыя называются въ тоже время выборными судьями; 3) выборные судьи на Холмогорахъ, въ посадахъ, станахъ и волостяхъ должны были назначить сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, «которые были бы добры и прямы и всѣмъ крестьянамъ любы, и велѣть имъ беречь на крѣпко, чтобы лихихъ людей не было». 4) Излюбленныя головы, вмѣстѣ съ лучшими посадскими и волостными людьми, выбираютъ цѣловальниковъ, «кому въ судѣ судить и кому въ разсылкѣ быть—дьяковъ, земскихъ, кому судныя дѣла писать—и доводчиковъ, кому у нихъ на поруки давать и на судѣ ставить... а на судахъ и въ обыскахъ, и во всякихъ дѣлахъ у выборныхъ судей быть лучшимъ людямъ посадскимъ и волостнымъ, чтобъ у нихъ силъ и обидъ, и продажъ безлѣпичныхъ не было»; 5) За обиды и лихоимство головы и судьи подвергаются смертной казни [1]), и Двиняне всегда вольны выбирать новыхъ судей. Для утвержденія судьи должны быть отправляемы въ Москву [2]). Выборные люди правили Двинскою землею впродолженіе 30 лѣтъ, съ 1557 до 1587 г., когда мѣсто ихъ заступили воеводы. Повидимому, Иванъ IV возстановилъ во всей полнотѣ древній порядокъ самоуправленія. Крестьянство [3]) судится и управляется своими выборными, которыхъ избиратели могутъ смѣнять, когда найдутъ нужнымъ, и наказывать въ случаѣ неисполненія ими своихъ обязанностей даже смертною

---

[1]) А. А. Э. т. I. № 250.

[2]) Въ жалованной судной грамотѣ Важской волости смертная казнь выборныхъ предоставляется общинѣ (А. А. Э. № 257, Ср. № 234, 242, 243), а по Двинской уставной грамотѣ 1557 г. судъ и казнь ихъ царь оставляетъ за собой.

[3]) Въ этомъ отношеніи не было никакого различія между крестьянами, жившими на владѣльческихъ и черныхъ земляхъ, которые, вообще, по отношенію къ личнымъ и общественнымъ правамъ, представляли, какъ было уже доказано, однообразную массу (А. А. Э. I. № 250, 234) Судебникъ Ив. IV предписываетъ точно также выбрать старость во всѣхъ волостяхъ, не дѣлая различія между разрядами крестьянъ (А. И. т. I. № 105) Разверстка податей производилась владѣльческими крестьянами также самостоятельно, какъ и черными, что видно изъ уставной грамоты, данной Солонецкимъ монастыремъ крестьянамъ Сумской волости (А. А. Э. т. I, № 244).

казнью. Но самая редакція приведенной грамоты показываетъ, что дарованное царемъ самоуправленіе не имѣло цѣлью возстановленіе правъ общинъ и по существу своему было совершенно противуположно древней автономіи. Грамота носитъ характеръ приказанія: общинамъ вмѣняется въ обязанность судиться и управляться самими собою. Это даетъ понятіе о мотивахъ реформы. Выборные нужны были самому правительству для выполненія многочисленныхъ задачъ, которыя оно возложило на общины и выполненія которыхъ оно не могло достигнуть при помощи своихъ служилыхъ людей, а совсѣмъ не для того они вызваны были къ дѣятельности, чтобы преслѣдовать интересы своихъ общинъ. Это была новая форма администраціи, отличавшаяся отъ предшествующей лишь способомъ назначенія служащихъ лицъ. Но она представляла выгоды для правительства въ томъ отношеніи, что болѣе обезпечивала исправное поступленіе налоговъ, которые, къ тому же, и увеличились, такъ какъ весь прежній намѣстничій доходъ, превращенный теперь въ оброкъ, поступалъ въ казну [1]). Къ тому же, поставленные подъ двойной контроль общинъ и правительства, выборные должны были гораздо точнѣе исполнять возложенныя для нихъ обязанности, чѣмъ намѣстники, защищавшіеся отъ преслѣдованія связями и знатностью происхожденія. Кругъ дѣйствій выборныхъ правителей былъ, какъ мы видѣли, тотъ же, что и для намѣстниковъ. Правительство обращалось къ нимъ во всѣхъ случаяхъ, въ какихъ прежде пользовалось службою намѣстниковъ. Полиція по отношенію не только къ волостнымъ и посадскимъ жителямъ, но и вообще ко всѣмъ разрядамъ мѣстнаго населенія и ко всѣмъ учрежденіямъ—распредѣленіе, сборъ и доставленіе налоговъ, веденіе окладныхъ книгъ, по которымъ разверстывались подати и повинности, доставленіе свѣдѣній центральному правительству о количествѣ платимыхъ налоговъ, разборъ тяжбъ какъ между крестьянами, такъ и между посторонними, производство повальнаго обыска, собираніе свѣдѣній отъ старожильцевъ и вообще производство слѣдствія вмѣстѣ съ правительственными судьями, отдача на поруки крестьянъ

---

[1]) А. А. Э. I, № 242.

и арестъ ихъ, присутствіе на судѣ тѣхъ землевладѣльцевъ, которые имѣли право суда, и содѣйствіе ихъ недѣльщикамъ при арестѣ крестьянина—вотъ тѣ обязанности, которыя были наложены на выборныхъ начальниковъ и за неисполненіе которыхъ имъ грозили карою. Въ случаѣ неудовольствія ихъ дѣйствіями и вообще недоразумѣній, общины обращались не къ міру, а къ правительству или къ землевладѣльцамъ, если только эти недоразумѣнія рѣшались по взаимному соглашенію. Такимъ образомъ, самоуправленіе, данное Ив. IV, надо считать однимъ изъ фазисовъ систематической борьбы правительства противъ вольной общины прежняго времени, однимъ изъ необходимыхъ моментовъ въ исторіи закрѣпленія личности и наложенія на нее тягла. Измѣненіе характера самоуправленія тотчасъ же отразилось на отношеніяхъ общинъ къ своимъ членамъ. Отношенія эти были прежде, какъ мы видѣли, совершенно вольныя и основались на добровольномъ согласіи отдѣльныхъ личностей жить общинной жизнью. Теперь власть міра получаетъ принудительный характеръ. Важнѣйшимъ правомъ крестьянина было право перехода. Въ интересахъ государства было признано ограничить это право опредѣленнымъ днемъ въ году (Юрьевымъ), и общины, страдавшія болѣе всего отъ такого перехода, такъ какъ онѣ обязаны были платить подати за перешедшихъ, должны были взяться за преслѣдованіе всякихъ попытокъ къ переходу въ недозволенное время. Большая часть крестьянъ спасалась отъ тяжелыхъ налоговъ въ монастырскія имѣнія—и, въ виду этого, общинамъ предписывается «старыхъ своихъ тяглецовъ крестьянъ выводить назадъ безсрочно и безпошлинно и сажать ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревнѣ жилъ прежде того». Чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе правительство шло къ совершенному закрѣпленію личности, требуя отъ общинъ все болѣе и болѣе энергическаго содѣйствія. Но община состояла изъ тѣхъ же самыхъ лицъ, свободу которыхъ она призвана была теперь уничтожить. Понятно, что для нея это было невозможно. Крестьяне бѣжали цѣлыми толпами на окраины, и выборные начальники не имѣли ни средствъ, ни желанія остановить это бѣгство. Тогда правительство снова устраняетъ общины отъ управленія и передаетъ ея обязанности помѣщи-

камъ и воеводамъ, при помощи которыхъ приводитъ въ исполненіе планъ повсемѣстнаго закрѣпощенія крестьянства. Въ XVII в. во владѣльческихъ селахъ еще встрѣчаются сдѣлки старостъ и обществъ отъ своего имени и случаи поручительства общинъ за крестьянъ въ исполненіи какихъ нибудь подрядовъ, въ исправномъ доставленіи податей или въ добросовѣстномъ отправленіи выборной службы. Но все это постепенно исчезаетъ и помѣщики дѣлаются судьями «во всѣхъ крестьянскихъ дѣлахъ». Въ черныхъ волостяхъ самоуправленіе также все болѣе и болѣе получало характеръ повинности, вслѣдствіе чего дѣятельность и контроль центральной власти и ея органовъ постепенно уничтожали самостоятельность общинъ. Центральная власть дѣйствовала чрезъ воеводъ на все внутреннее управленіе, и тяглое значеніе крестьянства развивалось съ поразительной быстротой. Вмѣсто авторитета міра, теперь надъ крестьяниномъ стала тяготѣть, впродолженіе всей его жизни, власть приказовъ и мѣстныхъ органовъ управленія. Такимъ-то путемъ на пространствѣ всей Россіи были окончательно уничтожены свободныя общины древняго времени. Нѣкоторую самостоятельность сохранили общины только въ поземельныхъ дѣлахъ, что и дало возможность возстановить ихъ значеніе въ наше время, хотя далеко не въ полной мѣрѣ, такъ какъ элементъ тягла составляетъ характеристическую черту и современной общины.

XI.

Современная организація общиннаго пользованія землей и угодьями на сѣверѣ Россіи.

Въ области управленія и суда община не сохранила своей автономіи. Но, благодаря тому счастливому обстоятельству, что всѣ внѣшнія бѣдствія, постигавшія крестьянство, не затрогивали основъ его экономической жизни, она удержала за собой самостоятельность въ сферѣ хозяйственныхъ интересовъ. Организація поземельной общины и теперь та же, что была назадъ тому 400 лѣтъ, и для провѣрки выводовъ, добытыхъ изъ историческихъ

фактовъ, изслѣдованіе современныхъ явленій общиннаго быта сѣвернаго крестьянства можетъ служить, по нашему мнѣнію, самымъ лучшимъ способомъ. Крестьянинъ во всемъ, что касается основныхъ началъ, глубоко консервативенъ. Нравы его представляютъ живой архивъ, въ которомъ можно найдти гораздо болѣе историческихъ данныхъ, чѣмъ во всѣхъ сохранившихся памятникахъ. Дѣйствительно, современныя наблюденія подтверждаютъ свидѣтельства историческихъ источниковъ какъ нельзя полнѣе. Изслѣдованіе современной общины еще разъ показываетъ намъ, что она обязана своимъ происхожденіемъ не семьѣ, какъ утверждалъ Гакстгаузенъ и отчасти Бѣляевъ, не государству, какъ думаетъ Чичеринъ, а представляетъ результатъ совокупнаго дѣйствія двухъ началъ: стремленія къ самосохраненію и присущаго человѣку принципа справедливости, выражающагося въ идеѣ равенства. Видоизмѣненія современной общины, ежедневно возникающія то тамъ, то сямъ подъ вліяніемъ измѣняющихся условій, не только даютъ точное понятіе о тѣхъ метаморфозахъ, чрезъ которыя проходила община въ своемъ историческомъ развитіи, но, что еще важнѣе, даютъ возможность объяснить причины появленія новыхъ формъ общины, и мы еще разъ убѣдимся, что въ ряду этихъ причинъ податная система и стремленіе къ индивидуальному владѣнію играютъ самую незначительную роль.

Всѣ историческія формы общиннаго владѣнія и пользованія землей и угодьями встрѣчаются въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи и въ настоящее время. На сѣверѣ Россіи, въ областяхъ Уральскаго и Донскаго войскъ, въ Сибири, рядомъ другъ съ другомъ, существуютъ самыя различныя формы общины, начиная отъ общины-волости, съ наслѣдственнымъ владѣніемъ занятыми посредствомъ захвата участками, до общины-деревни съ передѣломъ полей и даже съ раздѣломъ продукта, добытаго совокупнымъ трудомъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ названныхъ областей, гдѣ населеніе разбросано небольшими поселками въ два-три двора, среди огромнаго пространства незанятыхъ земель, сохранилась древняя форма общины-волости. Чтобы дать понятіе, до какой степени сходно устройство современной сѣверной волости-общины съ устройствомъ такой же общины

въ XVI вѣкѣ, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ Устюжскомъ уѣздѣ, Вологодской губ., есть Городищенская волость. Она заключаетъ въ себѣ до 2000 душъ и занимаетъ обширную площадь, имѣющую въ поперечникѣ верстъ 30. Земля считается здѣсь Божьей и находится въ общинномъ владѣніи, организованномъ совершенно по тому же типу, какъ и въ волости XV — XVI вѣка. Часть земли, именно лѣса, луга, выгоны, клочки обработанной земли за полями, вообще вдали отъ деревни, принадлежатъ всей волости. Волостною землею пользуются по праву перваго захвата, причемъ крестьяне одного общества сплошь и рядомъ «рубятъ лѣсъ на дрова, водятъ новины, имѣютъ сѣнокосы въ области другаго общества». Волость не вмѣшивается въ порядокъ пользованія, предоставляя каждому работать, гдѣ ему кажется удобнѣе. Пользованіе выгонами также не ограничено никакими правилами: каждый можетъ пускать сколько у него есть скота на любое мѣсто общественнаго пастбища. Нерѣдко нѣсколько лицъ составляютъ между собою ассоціацію для совокупной расчистки новины, вслѣдствіе чего являются такъ называемыя *опчины, опчіе покосы, новинки* и т. д., подобно тому, какъ это мы видѣли въ XVI вѣкѣ. Нѣкоторая часть волостной земли сдается въ аренду крестьянамъ сосѣдней волости. Земли, находящіяся вблизи деревень, выдѣлены въ ихъ исключительное пользованіе и поступаютъ чрезъ извѣстные сроки въ передѣлъ. Тѣ пожни, которыя было бы трудно раздѣлить съ надлежащей уравнительностью, скашиваются сообща всей деревней, и уже продуктъ дѣлится поровну между всѣми душами деревни. Переходъ волостной земли въ земли деревенскихъ общинъ составляетъ здѣсь постоянное явленіе. По мѣрѣ увеличенія населенія, деревни присоединяютъ къ своимъ общиннымъ полямъ, близлежащія дерюги, расчищенныя отдѣльными домохозяевами, наблюдая, однакожъ, при этомъ, чтобы со времени захвата дерюги прошелъ настолько значительный срокъ, въ продолженіе котораго захватившій могъ бы вознаградить себя за трудъ расчистки и унавоживанія. Здѣсь нерѣдки также случаи, что два, три селенія соединяютъ вмѣстѣ свои пашни, пуская ихъ потомъ въ общій передѣлъ (Молва, 1876, № 31). Такимъ об-

разомъ мы встрѣчаемъ въ Городищенской волости всѣ тѣ явленія, которыя происходили и въ волости-общинѣ XVI вѣка. Въ другихъ сѣверныхъ волостяхъ поземельныя отношенія таковы же. Возьмемъ уже отчасти описанныя нами волости Олонецкой губерніи. Въ Олонецкой губерніи двадцать, тридцать, даже пятьдесятъ небольшихъ селеній въ два-три двора составляютъ одну поземельную общину; въ Олонецкомъ уѣздѣ, напримѣръ, насчитывается до 600 поселковъ, но поземельныхъ общинъ не наберется и 30. Община Вагинской дачи, занимающая 200,000 десятинъ, расположенныхъ на пространствѣ 60 верстъ вдоль рѣки Свири, состоитъ изъ 100 слишкомъ селеній. Крестьяне здѣсь пользуются землей на основаніи права перваго захвата и, смотря по силамъ и средствамъ, одни воздѣлываютъ болѣе земли, другіе менѣе. Причинъ такой организація пользованія землею надо искать въ томъ, что, при обиліи земли, когда каждый желающій можетъ вездѣ найдти себѣ участокъ земли, со стороны общины не можетъ быть ни препятствій къ тому, чтобы всякій бралъ ея столько, сколько хочетъ и можетъ обработывать при помощи своихъ средствъ, ни вообще побужденій вмѣшиваться въ поземельныя отношенія своихъ членовъ. Свойства почвы этой мѣстности заставляютъ также держаться принципа захвата. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ способомъ иначе можно было бы реализировать равное право на землю въ тѣхъ случаяхъ, когда члены общины разбросаны на огромномъ пространствѣ и притомъ такими ничтожными поселками, которые не могутъ образовать самостоятельныхъ единицъ, гдѣ годная къ обработкѣ земля, попадающаяся клочками среди болотъ и озеръ, стóитъ недорого и получаетъ цѣнность лишь при усиленномъ приложеніи труда, гдѣ, вслѣдствіе быстраго истощенія ея отъ подсѣчнаго хозяйства, приходится постоянно мѣнять мѣсто и мѣру пашень? Передѣлы здѣсь немыслимы; остается, слѣдовательно, предоставить каждому выбирать удобный участокъ земли и владѣть имъ. Для устойчивости такого порядка совершенно необходимо, чтобы принципъ перваго завладѣнія соблюдался строго,—иначе должны были быть постоянныя столкновенія интересовъ, — и дѣйствительно онъ соблюдается во всей точности. «Ужъ если какой либо изъ крестьянъ,

говоритъ Л—шъ, нашелъ удобное для подсѣки мѣсто и положилъ на него клеймо, печать, т. е., попросту подрубилъ вѣтви на растущихъ здѣсь деревьяхъ, то другой никакъ не предъявитъ претензіи своей на обладаніе этимъ же самымъ мѣстомъ. Другой можетъ забрать себѣ это мѣсто только послѣ того, какъ первый его броситъ, но раньше нѣтъ. Это было бы святотатствомъ. Здѣсь вы почти что не услышите жалобы между сообщниками на то, что такой-то отбилъ такое то мѣсто у такого-то. Крестьяне работаютъ «промежъ себя», каждый владѣетъ «своимъ», и община блюдетъ, чтобы ея сочлены не обижали другъ друга и жили бы согласно нравамъ «дѣдовъ и отцовъ». Описанная форма пользованія сохранилась вполнѣ въ Петрозаводскомъ уѣздѣ, въ Повѣнецкомъ, сѣверныхъ и сѣверозападныхъ частяхъ Олонецкаго уѣзда. Здѣсь даже тѣ поля, которыя обработываются по трехпольной системѣ, остаются въ отдѣльномъ пользованіи перваго, кто ихъ захватилъ. При всемъ этомъ «община, міръ и въ Олонецкой губерніи значитъ для крестьянина—*все*». Крестьяне говорили г. Л—шу, что «если бы общество», «обчество», захотѣло отобрать у крестьянина участокъ, то могло бы это сдѣлать свободно, и что никто не сталъ бы противорѣчить этому». Но по внѣшнимъ признакамъ легко принять этотъ способъ пользованія за подворный, какъ его ошибочно и принимаютъ, напр., межевые чиновники по выдачѣ государственнымъ крестьянамъ владѣнныхъ записей [1]). Но по мѣрѣ увеличенія населенія и возрастанія цѣнности земли, нѣкоторая часть земли, близълежащія трехпольныя пашни и болѣе цѣнные изъ сѣнокосовъ, поступаютъ въ передѣлъ, но исключительно между жителями той или другой деревни; остальная же земля по прежнему остается въ нераздѣльномъ владѣніи всего общества, и право пользованія ею зависитъ отъ перваго захвата. Луга, расчищенные отдѣльными крестьянами,

---

[1]) О Сибирской общинѣ въ послѣднее время появились интересныя изслѣдованія, напр., Щапова въ запискахъ Сибирскаго отдѣла Географическаго общества. Въ статьѣ Колмогорова: «Собственность и община» въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1858 г. т. 119 сообщаются также любопытныя данныя, но авторъ совершенно невѣрно думаетъ—будто Сибирская община представляетъ высшую степень развитія сравнительно съ великорусской.

остаются въ ихъ владѣніи или до ближайшей ревизіи, или впродолженіе 40 лѣтъ, на томъ основаніи, что расчистившій долженъ получить вознагражденіе за свой трудъ. Вотъ въ какихъ словахъ описываютъ крестьяне этотъ способъ пользованія: «Мы, крестьяне Лодейнопольскаго уѣзда, 22-хъ деревень юкавскаго сельскаго общества, передѣляемъ наши трехпольныя пашни по ровну при всякой ревизіи, хотя и по приговору всего сельскаго схода (древней волости—общины), но лишь между однодеревенцами, а равно и тѣ изъ сѣнокосовъ, которые считаются платежными; что же касается сѣнокосовъ, расчищенныхъ отдѣльными домохозяевами, не считающихся платежными, то они или вовсе не передѣляются, находятся въ пользованіи того, кто ихъ обработалъ, или если и поступаютъ въ передѣлъ, то не ранѣе не то ревизіи, не то 40 лѣтъ пользованія, или, наконецъ, по усмотрѣнію сельскаго схода, могутъ быть передѣлены и раньше, не дожидаясь ни ревизіи, ни 40-лѣтняго срока пользованія..., хотя сходъ обыкновенно оставляетъ ихъ, по крайней мѣрѣ, на 40 лѣтъ во владѣніи того, кто ихъ обработалъ. Вся остальная земля находится въ нашемъ общемъ владѣніи, гдѣ право пользованія зависитъ отъ перваго захвата, обусловливающагося, съ одной стороны, незанятостью извѣстнаго мѣста, а съ другой—рабочей силой: кто сколько можетъ, столько и работаетъ. Оброчную подать, а равно и всѣ остальные платежи, мы платимъ подушно, по ровну со всякаго работника, безъ всякаго отношенія къ количеству и качеству владѣемой земли». Съ дальнѣйшимъ измѣненіемъ въ количественномъ отношеніи населенія къ землѣ, съ возвышеніемъ цѣнности земли измѣняется способъ разселенія: мелкіе поселки соединяются въ большія села, и является новый видъ пользованія землею съ періодическимъ передѣломъ пахатной земли, ежегоднымъ дѣлежомъ сѣнокосовъ, причемъ каждому дается равная доля въ общинномъ полѣ. Въ нераздѣльномъ пользованіи остаются только выгоны, лѣсъ и угодья.

Равенство въ пользованіи этой нераздѣльной частью достигается косвенно пропорціональной раскладкой налоговъ: кто рубитъ больше лѣсу или пасетъ больше скота, тотъ и платитъ больше. Этотъ типъ, господствующій повсемѣстно въ централь-

ныхъ губерніяхъ, съ каждымъ годомъ распространяется все болѣе и въ сѣверныхъ губерніяхъ. Тотъ же процессъ совершается въ настоящее время и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ, отличающихся обиліемъ земли при рѣдкомъ населеніи. Въ западной Сибири, на ряду съ владѣніемъ на основаніи перваго захвата, существуетъ другой типъ землевладѣнія, при которомъ поля находятся въ постоянномъ владѣніи, луга, расположенные вблизи деревни, подвергаются періодическому передѣлу, а остальная земля и лѣсъ находятся въ нераздѣльномъ пользованіи и распоряженіи всей общины. Но г. Грыцько (въ статьѣ о Сибири, въ «Современникѣ» 1858, т. 72, стр. 160—208) справедливо предполагаетъ, что съ увеличеніемъ населенія и здѣсь необходимо должны явиться періодическіе передѣлы полей [1]). Въ землѣ Донскаго войска землею пользовались сначала также на правѣ перваго захвата. Первоначально каждый казакъ имѣлъ право, гдѣ ему было угодно, распахивать землю, косить траву, рубить въ лѣсу деревья и т. д.: вся земля считалась собственностью цѣлаго войска. Но естественно, что казаки той или другой станицы пользовались землями, расположенными въ окрестностяхъ ихъ жилищъ. Когда населеніе увеличилось и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличилась потребность въ землѣ, между станицами возникли пограничные споры, для прекращенія которыхъ было признано необходимымъ опредѣлить точныя границы владѣній — юртъ — каждой станицы. Возникавшіе затѣмъ споры рѣшались совѣстнымъ судомъ или какимъ-либо нарочно выбраннымъ для этой цѣли старымъ казакомъ, пока, наконецъ, при общемъ размежеваніи въ 1850 г., юрты не были совершенно точно разграничены другъ отъ друга. Казаки каждой станицы пользовались своимъ юртомъ по праву вольной оккупаціи. Съ теченіемъ времени первоначальное равенство было, однако, значительно нарушено. Когда въ концѣ прошлаго столѣтія исчезла

[1]) Повидимому, этотъ именно способъ господствовалъ на Двинѣ до XVIII вѣка. Изъ актовъ видно, что крестьяне владѣли участками отдѣльно другъ отъ друга, отчуждали ихъ, вслѣдствіе чего образовалось между ними значительное неравенство въ земельныхъ участкахъ. Но сомнительно, чтобы это было частное землевладѣніе, какъ принимаютъ Ефименко и другіе изслѣдователи.

всякая опасность внѣшняго вторженія татаръ, казаки стали разселяться изъ станицъ мелкими хуторами, состоявшими изъ незначительнаго числа дворовъ. Наиболѣе цѣнные луга стали теперь подвергаться передѣлу, но степь по прежнему была предоставлена въ свободное, неограниченное пользованіе перваго захватившаго извѣстный участокъ. Установился обычай, въ силу котораго всякій, поставившій шалашъ, могъ пользоваться землей на пространствѣ 50 сажень кругомъ. Но, по мѣрѣ того, какъ населеніе и цѣнность земель все болѣе возрастали, обнаруживались дурныя послѣдствія такого способа владѣнія, возможнаго только при слабомъ населеніи. Болѣе достаточные казаки, имѣвшіе много скота, захватывали большіе участки, прибѣгая къ различнымъ хитростямъ, чтобы обойти обычай: они нанимали работниковъ, устраивали во многихъ мѣстахъ шалаши, оставляя пространство въ 40—50 сажень вокругъ ихъ необработаннымъ для луга и запахивая болѣе отдаленныя полосы. Мало того: они стали раздавать бѣднымъ казакамъ участки земли изъ извѣстной доли урожая, выдавая этихъ арендаторовъ за наемныхъ работниковъ. Такимъ образомъ, бывали случаи, что вся земля, на пространствѣ 40 и болѣе верстъ вокругъ деревни, попадала во владѣніе нѣсколькихъ богачей. Бѣдные, которымъ не удалось занять хорошихъ участковъ, должны были довольствоваться худшей землей или обработывать отдаленныя мѣста. Такъ какъ и то, и другое было неудобно, то они арендовали землю у зажиточныхъ казаковъ, платя за нее, большею частью, трудомъ. Положеніе ихъ становилось все тяжелѣе; жалобы станичному начальству оставались безъ послѣдствій, такъ какъ оно поддерживало охотнѣе зажиточныхъ. Недовольство росло и стало проявляться нерѣдко въ насиліяхъ. Изъ этого труднаго положенія могло бы быть два выхода: введеніе или подворнаго владѣнія, или великорусскаго типа общиннаго землевладѣнія. Казаки выбрали послѣднее, и станичные юрты стали поступать въ передѣлъ, совершенно также, какъ и въ Великороссіи. При новомъ размежеваніи станицъ, по закону 1835 г., на душу дано было 30 десятинъ. Обыкновенно часть земли казаки оставляютъ въ запасъ для будущихъ поколѣній, а десятинъ по 15 распредѣ-

ляютъ въ пользованіе наличныхъ членовъ общины. Въ промежутки между передѣлами, которые въ Казанской станицѣ, напримѣръ, бываютъ чрезъ 17 лѣтъ, казакъ распоряжается своимъ участкомъ самостоятельно. Пастбищами пользуются сообща. Но тѣ, которые имѣютъ болѣе скота противъ средняго, платятъ за каждую лишнюю голову опредѣленную сумму. Пользованіе лѣсами также точно регулировано [1]). Въ землѣ Уральскаго войска часть земель выдѣлена въ пользованіе станицъ, а остальною землею казаки пользуются по праву перваго захвата (Рябининъ, «Земля Уральскаго войска»). У черноморскихъ казаковъ принципъ этотъ принимается еще въ большей степени. Но нѣтъ сомнѣнія, что и здѣсь современемъ установится великорусская система передѣла. Но составляетъ ли эта система крайній предѣлъ развитія общиннаго пользованія землею? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, община для достиженія равенства прибѣгаетъ еще къ болѣе совершенному способу распредѣленія, раздѣляя между своими членами не землю, а самый продуктъ. Но указываютъ ли эти случаи на будущую форму общины, или они составляютъ явленіе временное, вызываемое необходимостью въ нѣкоторыхъ случаяхъ совокупнаго труда,— рѣшить не беремся.

Постараемся теперь уяснить себѣ, въ чемъ заключается различіе тѣхъ формъ, чрезъ которыя проходила община въ своемъ развитіи. На эту сторону дѣла изслѣдователями разсматриваемаго явленія не было обращено почти никакого вниманія. Бѣляевъ ограничивается лишь указаніемъ на различіе въ единицѣ распредѣленія, которою въ теперешней общинѣ служитъ душа, тогда какъ древнерусское распредѣленіе земли соразмѣрялось со средствами и рабочими силами плательщика податей, не дѣлая изъ этого факта никакихъ выводовъ. Но разница не только въ этомъ отношеніи. Община—волость имѣла, вопервыхъ, гораздо менѣе власти надъ своими членами, чѣмъ теперешняя,

[1]) Кузьминъ, «Объ условіяхъ владѣнія землями въ войскѣ Донскомъ». «Русскій Вѣстникъ», 1864, № 2 и 3; Ветчинкинъ: «Очеркъ поземельнаго владѣнія на Дону въ связи съ развитіемъ межеванія», въ «Трудахъ Донскаго статистическаго комитета»; Keussler, «Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland», стр. 77—80; Попка, «Черноморскіе казаки».

ведущая хозяйство по принудительному сѣвообороту и имѣющая, вслѣдствіе этого, совершенно отличный отъ древнерусской формы отпечатокъ. Вовторыхъ, принципъ равенства проводится съ гораздо большею строгостью по мѣрѣ перехода отъ общинно-волостной системы къ передѣльной. Въ древней Россіи крестьянинъ могъ брать и не брать землю; теперь за нимъ признается не только право, но и обязанность брать въ свое пользованіе равный съ другими жеребій. Надо, однакожъ, замѣтить, что община рѣшалась ограничивать индивидуальную свободу своихъ членовъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда равенство нарушалось слишкомъ сильно. Наконецъ, древнерусская община отличается отъ современной гораздо меньшею замкнутостью относительно пріема новыхъ членовъ. Въ древней Россіи до введенія крѣпостнаго права постоянно и повсюду происходило сильное передвиженіе населенія: деревни то и дѣло превращались въ деревнища, между тѣмъ какъ рядомъ возникали новые поселки, точно также и дворы то оставлялись своими жителями, то занимались новыми пришельцами. Но куда бы ни приходилъ земледѣлецъ, вездѣ онъ находилъ общину, готовую принять его на совершенно-равныхъ условіяхъ со своими старожильцами, даже предоставлявшую ему въ первые годы льготы отъ податей. Членомъ же нынѣшней общины, вслѣдствіе недостатка земли и законодательныхъ ограниченій, можетъ быть de facto только родившійся въ ней.

Тотъ же коллективизмъ, основанный на всеобщности труда и равенствѣ въ продуктѣ, внесъ русскій крестьянинъ и во всѣ другія сферы экономической дѣятельности. И этотъ коллективизмъ подчиняется въ своемъ развитіи тѣмъ же законамъ и проходилъ тѣ же стадіи развитія, какіе мы нашли относительно землевладѣнія. Благодаря собраннымъ въ послѣднее время даннымъ [1]), въ настоящее время представляется воможнымъ дать довольно полный очеркъ способовъ пользованія рыбными угодьями, мѣстами ловли птицъ и другими природными богатствами.

[1]) Особенно цѣнный матеріалъ собранъ въ трудахъ г-жи А. Ефименко: «Артели Архангельской губерніи», въ «Сборникѣ объ артеляхъ», т. 1. 2. и г. П. Ефименко: «Народные юридическіе обычаи Архангельской губ.» и «Юридическіе знаки» въ «Ж. М. Н. Пр.» 1874, Октябрь.

Владѣніе ими всегда соединялось неразрывно съ владѣніемъ землей. Способы пользованія совершенно тожественны въ обоихъ случаяхъ. Угодья повсюду считаются, подобно землѣ, общинною собственностью. Но какъ и относительно земли, пользованіе ими находится въ зависимости отъ многихъ условій и чрезвычайно разнообразно по своимъ внѣшнимъ формамъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ угодій этихъ въ избыткѣ, или гдѣ промыселъ не имѣетъ важнаго значенія для мѣстности, община не имѣетъ нужды для огражденія интересовъ своихъ членовъ прибѣгать къ какой либо регламентаціи, и ловъ остается свободнымъ; въ противномъ же случаѣ, т. е. когда угодій не много, или когда промыселъ на нихъ доставляетъ важныя выгоды, или когда, наконецъ, размѣры производства требуютъ совокупнаго участія всѣхъ членовъ общины, міръ принимаетъ въ свое завѣдываніе и устанавливаетъ общую, принудительную систему пользованія. И въ томъ, и другомъ случаѣ комбинаціи бываютъ весьма разнообразны. Разсмотримъ ихъ по возможности подробнѣе. При вольномъ ловѣ пользованіе основывается 1) на правѣ перваго захвата. Напримѣръ, на рѣкѣ Поноѣ (крайнемъ селеніи на Терскомъ берегу) къ концу августа, по окончаніи главнаго лова семги на морскихъ тоняхъ, всѣ желающіе участвовать въ ловлѣ семги на этой рѣкѣ собираются съ особаго рода сѣтями, гарвами и поѣздами въ деревню Поной 24 августа – и, послѣ молитвы, всѣ разомъ бросаются къ лодкамъ, поставленнымъ у берега. Каждый спѣшитъ къ избранному имъ на рѣкѣ мѣсту, достигнувъ котораго, забиваетъ два-три кола въ знакъ того, что беретъ его въ свое владѣніе. Затѣмъ впродолженіе всей осени захватившій спокойно пользуется ловомъ на своей «заводи». День для начала ловли назначается по общему согласію. (Совершенно тотъ же порядокъ при ловлѣ рыбы практикуется и у Уральскихъ казаковъ). Точно также въ селеніи Тулгасѣ, Холмогорскаго уѣзда, зимою, когда ловъ вольный, тотчасъ по замерзаніи Двины, каждый спѣшитъ на берегъ съ цѣлью захватить рыболовный участокъ, которымъ онъ и пользуется цѣлую зиму; для охраны владѣнія и здѣсь считается достаточнымъ лишь забить колъ. Но 2) въ большинствѣ случаевъ, при вольномъ ловѣ, для пользованія

угодьями составляются товарищества, такъ какъ ловъ рыбы требуетъ значительныхъ затратъ, превышающихъ средства отдѣльнаго крестьянина и, кромѣ того, при неодинаковыхъ качествахъ различныхъ частей угодья, представляется необходимымъ уравнять шансы участвующихъ, что трудно достигается при правѣ захвата. Эта послѣдняя цѣль—уравненіе шансовъ, равно какъ и уравненіе труда участвующихъ, достигается различными способами. На рѣкѣ Пинегѣ нѣсколько человѣкъ заблаговременно входятъ между собою въ соглашеніе для выбора тони и очистки дна рѣки. Работы производятся или въ извѣстномъ порядкѣ: сначала плыветъ одна лодка, по возвращеніи ея на мѣсто—другая и т. д., или работаютъ всѣ вмѣстѣ. Иногда отдѣльныя лодки «свирываютъ» свои сѣти вмѣстѣ, составляя такимъ образомъ одну артель. Уловъ дѣлится въ такомъ случаѣ пропорціонально количеству доставленныхъ сѣтей и труда, причемъ на каждый пай стараются дать одинаковое количество какъ крупной, такъ и мелкой рыбы одинаковаго достоинства. Вообще, относительно дѣлежа продукта, артели можно раздѣлить на двѣ группы: 1) въ однѣхъ онъ распредѣляется пропорціонально доставленному каждымъ количеству орудій производства: сѣтей, лодокъ; 2) въ другихъ дѣлится на равныя доли. Различаются также артели по количеству доли въ пользу капитала, по обязательности и необязательности личнаго труда. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Для ловли сельдей на Сороцкой губѣ составляютъ небольшія артели человѣка въ три или шесть. Ловъ сельдей требуетъ нѣкоторыхъ затратъ: здѣсь нуженъ неводъ и карбасъ (лодка) на три работника. Далеко не каждое семейство можетъ выставить на промыселъ все необходимое, вслѣдствіе чего отдѣльныя лица и принуждены соединяться, составляя такимъ образомъ промысловую единицу, артель. Продуктъ дѣлится въ такой артели на пять частей или паевъ: по паю на каждаго изъ работниковъ и по паю на карбасъ или неводъ. Такимъ образомъ можно быть членомъ артели и не принимая участія въ дѣлѣ трудомъ, а доставляя ей неводъ или карбасъ. Въ томъ случаѣ, когда неводъ составляется изъ сѣтей, принадлежащихъ отдѣльнымъ лицамъ, называемымъ также пайщиками, каждый изъ совла-

дѣльцевъ получаетъ часть пятой, пропорціонально количеству внесенныхъ сѣтей. По свойству самаго промысла, требующаго, чтобы при каждомъ неводѣ было непремѣнно двѣ лодки, эти маленькія артели соединяются по двѣ, каждая со своимъ неводомъ; невода закидываются въ такихъ случаяхъ одинъ послѣ другого, а рыба дѣлится на 10 частей и распредѣляется между 6 работниками, двумя неводами и двумя карбасами. Такія же маленькія артели составляются и въ селеніи Кандалакшѣ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что здѣсь, вслѣдствіе большей стоимости невода, иногда достигающей 100 рублей, владѣльцу его дается уже не пай, равный паю рабочаго, а два или три такихъ пая. Въ Усть-Цылемской волости, гдѣ ловъ семги также вольный, число членовъ каждой изъ составляющихся тамъ артелей не опредѣлено: къ артели можетъ пристать каждый, кто внесетъ извѣстное количество сѣтей, веревокъ и бочекъ. Выборъ мѣстъ ловли дѣлается по взаимному соглашенію. Однѣ артели ловятъ исключительно семгу (въ такихъ случаяхъ ловятъ поплавнями), другія ловятъ бѣлую рыбу — сиговъ и омулей (неводами). Случается, что неводная и поплавная артели ловятъ въ одномъ мѣстѣ; тогда онѣ чередуются поденно: одна ловитъ, другая просушиваетъ сѣти. Выловленная рыба дѣлится между членами артели тотчасъ послѣ улова пропорціонально доставленному каждымъ количеству сѣтей. Работы распредѣляются по общему соглашенію: одинъ гребетъ, двое выметываютъ и вытягиваютъ поплавень. Артель эта держится, между прочимъ, почтеннаго обычая посылать, при обильномъ ловѣ, часть свѣжей или просоленной рыбы въ свою деревню — для раздачи бѣднымъ. При участіи въ работѣ нѣсколькихъ поплавней, напримѣръ 10 и болѣе, устанавливается слѣдующій порядокъ: проплывъ нѣсколько верстъ до опредѣленнаго мѣста, ловцы начинаютъ одинъ за другимъ, съ перваго, вытягивать поплавни; по возвращеніи отправляются снова, но уже въ другомъ порядкѣ, который измѣняется до тѣхъ поръ, пока каждому доведется быть первымъ, такъ какъ первому, очевидно, достается больше выгодъ, чѣмъ слѣдующимъ. Во всѣхъ этихъ артеляхъ дѣлежъ добычи производится пропорціонально труду членовъ и количеству орудій, внесенныхъ каждымъ членомъ.

Но въ такомъ же примѣненіи и равный дѣлежъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Весьма любопытно въ этомъ отношеніи устройство артелей для ловли сельдей въ селеніи Тулгасѣ, Холмогорскаго уѣзда, и въ мѣстности около Холмогоръ. Дѣлежъ добычи здѣсь производится по количеству ловушекъ и рабочихъ: если количество тѣхъ и другихъ одинаково, или если первыхъ меньше, добыча дѣлится между товарищами поровну. Впрочемъ, здѣсь еще нѣтъ полнаго равенства: при раздѣлѣ добычи принимается въ разсчетъ посуда, устройство ловушекъ и большая или меньшая опытность въ дѣлѣ рабочихъ. Въ другихъ артеляхъ принципъ равенства примѣняется строже. На Двинѣ для ловли семги требуется большой неводъ рублей въ 200, для пріобрѣтенія котораго обыкновенно составляется артель изъ 4 человѣкъ. Каждый изъ артельщиковъ участвуетъ въ дѣлѣ своимъ трудомъ. Но, несмотря на неравенство въ количествѣ работы, деньги, вырученныя отъ продажи продукта, дѣлятся между всѣми поровну. Въ виду неодинаковости качества тоней, различныя артели чередуются ими, уравнивая, такимъ образомъ, выгоды. Около Холмогоръ отдѣльныя семьи, договорясь промышлять стерлядей, сообща условливаются. чтобы ихъ стерляжьи заводи состояли изъ одинаковаго числа самолововъ (самоловъ—длинная веревка, поперекъ которой прикрѣпляются короткія веревочки съ крючками); затѣмъ доходъ отъ продажи выловленной рыбы дѣлится поровну, хотя бы рыбы на отдѣльныя заводи попалось и неровное количество. Въ Усть-Вагѣ, Шенкурскаго уѣзда, артели для ловли различной рыбы неводомъ, составляемымъ изъ отдѣльныхъ сѣтей, дѣлятъ уловъ между своими членами иногда слѣдующимъ способомъ: разложивши рыбу на равныя кучи, бросаютъ жеребій, который и рѣшаетъ, кому какая куча достанется. Сѣверный крестьянинъ умѣетъ провести принципъ равенства и при болѣе сложныхъ условіяхъ. Въ деревнѣ Ухть-Островѣ, Холмогорскаго уѣзда, съ 6 декабря по 18 января устраиваютъ на рѣкѣ небольшіе заборы для ловли налимовъ. Всѣ, желающіе участвовать въ ловѣ, собираются на рѣкѣ и сообща размѣряютъ, далеко ли дѣлать заборъ отъ забора и въ какомъ мѣстѣ. При устройствѣ заборовъ, пользованіе ими распредѣляется

по жеребію. Въ большинствѣ случаевъ такимъ способомъ достигается желанное равенство: каждому достается часть въ срединѣ и часть по краямъ, но иногда случается, конечно, кому нибудь получить и во всѣхъ десяти заборахъ паи по срединѣ. Рыбы здѣсь не дѣлятъ: каждый пользуется тѣмъ, что ему попадется. Но иногда нѣкоторые изъ пайщиковъ до жеребія соглашаются дѣлить всю выловленную рыбу по ровну.

Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію способовъ пользованія угодьями въ тѣхъ случаяхъ, когда производителемъ является цѣлое общество. Въ селеніи Умбѣ и близьлежащихъ деревняхъ: Кузѣ, Оленицѣ и Сальницѣ, рыболовными угодьями міръ пользуется сообща, придерживаясь слѣдующихъ правилъ. Одинъ разъ въ году, на новый годъ жители всѣхъ перечисленныхъ деревень собираются въ Умбу и дѣлятся тутъ на 3 части, называемыя четвертями, между которыми, посредствомъ жеребья, кидаемаго представителями четвертей, и распредѣляется часть моря, принадлежащая волости. Для уравненія шансовъ добычи четверти чередуются въ пользованіи участками, подобно тому, какъ сотни и десятки поземельной общины чередуются въ пользованіи сѣнокосами. Каждая четверть дѣлится далѣе на десять частей, дружинъ, которыхъ въ трехъ четвертяхъ, слѣдовательно, 30. Соединеніе въ дружины предоставляется волѣ соединяющихся; мѣсто для ловли указывается каждой дружинѣ жеребьемъ. Въ распоряженіи своимъ угодьемъ дружины не ограничены ничѣмъ: если дружина не можетъ сама ловить, по недостатку средствъ, или по другимъ причинамъ, она вольна продать право на свою долю какому-либо отдѣльному лицу или другой дружинѣ. Выловленная рыба между членами дружины дѣлится по ровну. Въ сосѣднемъ селеніи Кандалакшѣ, расположенномъ на одномъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ бѣломорскаго берега относительно ловли сельдей, ловъ производится въ нѣкоторыхъ случаяхъ также цѣлымъ міромъ. На сходѣ рѣшается, сколько нужно работниковъ для производства промысла, и со сколькихъ долженъ быть выставленъ одинъ работникъ. Положимъ, что требуется одинъ работникъ съ трехъ душъ, въ такомъ случаѣ—дворъ, имѣющій три души, посылаетъ на промыселъ одного, дворъ, имѣю-

щій меньше трехъ душъ, соединяется съ какимъ-нибудь другимъ дворомъ, выставляя сообща съ нимъ число работниковъ, пропорціонально количеству заключающихся въ обоихъ дворахъ душъ. Орудія производства доставляются также въ складчину, и каждый работникъ обязанъ внести приходящуюся на него часть этихъ орудій и соли. Уловъ продается весь разомъ, а вырученныя деньги дѣлятся по числу работниковъ, принимавшихъ участіе въ ловѣ.

Ловля семги, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, производится цѣлымъ міромъ, который или отдаетъ угодья въ аренду постороннимъ лицамъ, или пользуется ими непосредственно. Въ томъ и другомъ случаѣ отношенія комбинируются самымъ разнообразнымъ способомъ. Для насъ представляетъ интересъ только послѣдній случай. Пять крайнихъ селеній на Терскомъ берегу, Поной и четыре лопарскихъ погоста, сообща пользуются семужьимъ ловомъ. Впрочемъ, эта общность соблюдается только относительно одной морской тони Орловской, которая, вслѣдствіе особенныхъ выгодъ своихъ, не причислена ни къ какому погосту, а отдается съ торговъ въ аренду, причемъ выручаемыя деньги обращаются на покрытіе расходовъ всего міра. Остальныя тони распредѣлены между погостами. Но пользованіе ими внутри погоста строго уравнивается между всѣми жителями его. Для этой цѣли къ каждой тонѣ погоста приписывается одинаковое число душъ: напр., въ русской части Понойскаго погоста, составляющей отдѣльную общину отъ лопарской части того же погоста, тоня раздѣлена на 7 частей, къ каждой изъ которыхъ пріурочено по три души. Въ видахъ достиженія возможно полнаго равенства, тони, обыкновенно распредѣляемыя по жребію при каждой ревизіи, переходятъ послѣдовательно отъ одной группы къ другой. Души, владѣющія одной частью тони, уже ловятъ сообща. На Лѣтнемъ берегу въ деревняхъ Сюзьмѣ и Солзѣ мірское пользованіе организовано нѣсколько иначе. Въ Сюзьмѣ 90 ревизскихъ душъ, а семужьихъ тоней 9, но приписывается не по 10 душъ къ тонѣ, а къ восьми тонямъ пріурочено по 11 душъ, а къ 9-й только 2: остальныя части этой послѣдней тони отдаются на церковь.

Порядокъ пользованія опредѣляется сначала (при ревизіи) жребіемъ, а потомъ очередью. Нечего и говорить, что каждые 11 человѣкъ, приписанные къ одной тонѣ, составляютъ артель, ведущую дѣло совокупнымъ трудомъ и орудіями производства, собранными въ складчину. Каждый членъ артели вноситъ по 10 сажень сѣтей, которыя и сшиваются вмѣстѣ, и, кромѣ того, доставляетъ карбасъ. Если у кого-нибудь нѣтъ карбаса, тотъ долженъ внести больше сѣтей, чѣмъ другіе; если у него нѣтъ ни карбаса, ни сѣти въ такомъ количествѣ, чтобы замѣнить ею судно, а между тѣмъ въ его семьѣ нѣсколько душъ, въ такомъ случаѣ одинъ изъ артельщиковъ, владѣющій судномъ, снимаетъ съ него долю на одну душу. Не желающіе совсѣмъ принимать участіе въ ловѣ передаютъ свое право «съ празги», т. е. въ аренду, совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и при сдачѣ «съ празги» сѣнокосовъ и пахатныхъ земель. Работы исполняются по очереди, соблюдаемой, какъ и всегда, строго. Всеобщность и уравненіе труда влекутъ за собою уравненіе и въ участіи въ промысловой добычѣ: сумма, вырученная отъ продажи ея, дѣлится на 11 равныхъ частей. По нашему мнѣнію, трудно было бы придумать болѣе раціональный способъ пользованія и распредѣленія, въ такой мѣрѣ обезпечивающій членамъ ассоціаціи, въ одно и то же время, свободу и равенство. Весьма интересенъ способъ пользованія въ деревнѣ Зимней Золотицѣ, на Зимнемъ берегу. Достоинство тоней здѣсь чрезвычайно различно: между тѣмъ какъ лучшая тоня даетъ 100—150 рублей въ хорошій годъ, худшая доставляетъ не болѣе 3—10 рублей. При такихъ условіяхъ трудно достигнуть равенства, но крестьянинъ не разстался съ своимъ излюбленнымъ принципомъ и здѣсь. Всѣ жители деревни дѣлятся на 4 четверти, по 60 душъ въ каждой. Затѣмъ каждая четверть получаетъ въ пользованіе ежегодно одну изъ лучшихъ, головныхъ, тоней, одну среднюю и одну худшую. Члены каждой четверти дѣлятся, въ свою очередь, на группы, артели, которыя чередуются въ пользованіи тонями. При каждой тонѣ выстроена для тонщиковъ изба, составляющая общественную собственность, по отношенію къ которой всѣ участвующіе -хозяева. Соль для посола

рыбы, невода и береговыя снасти вносятся по числу душъ. Другими предметами, необходимыми для житья въ промысловой избѣ, тонщики уравниваются различнымъ способомъ: одинъ доставляетъ, напр., котелъ для варки пищи, другой—карбасъ, третій какое-нибудь промысловое орудіе. Работы производятся съ возможной экономіей силъ и съ соблюденіемъ равенства. Во время страды сидятъ на тонѣ старики и мальчики, а кто не участвуетъ въ этомъ трудѣ, тотъ долженъ помогать въ полевыхъ работахъ семейству лица, сидящаго за нею, или позже, осенью, замѣняетъ старика. Добыча дѣлится между душами поровну: ни съ кого не дѣлается вычета за несидѣніе, такъ какъ не сидѣвшій чѣмъ нибудь вознаграждаетъ свое упущеніе. Каждая душа получаетъ равную часть изъ улова каждаго сорта семги—особо изъ заледки (семги, которая ловится до Иванова дня), изъ меженки (до Ильина дня), изъ закройки (до конца августа) и изъ самой поздней, осенней, такъ какъ всѣ эти сорта имѣютъ разную цѣнность. Иногда тонщики продаютъ рыбу, не развѣсивъ ее предварительно по душамъ, и тогда дѣлятся деньгами. Экономическія условія, въ которыхъ находится теперь крестьянство, привели, однакожъ, къ тому, что и этотъ порядокъ распредѣленія не ограждаетъ интересовъ слабыхъ отъ злоупотребленій сильныхъ, и бѣдные иногда бываютъ принуждены сдавать свое право на душевой надѣлъ въ тони за ничтожную плату. Эти же экономическія условія, а главнымъ образомъ необходимость исправно отбывать непосильные налоги, заставили общины отдавать рыболовные участки съ торговъ, а также въ аренду посторонним лицамъ, въ обоихъ случаяхъ—съ большой невыгодой для себя. Но, при мало-мальски благопріятныхъ условіяхъ, крестьянинъ всегда предпочитаетъ мірское пользованіе всякому другому, не останавливаясь даже предъ значительными трудностями, какъ, напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда деревни, входящія въ составъ общества, удалены другъ отъ друга на большое разстояніе. Подобный примѣръ представляетъ Пустозерская волость, гдѣ рыболовство составляетъ главное занятіе жителей. Населеніе этой волости разбросано въ 17 деревняхъ, на пространствѣ 120 верстъ, между которыми и приходится распредѣлить по возможности равномѣр-

нѣе ловъ въ рѣкѣ. Съ этой цѣлью во время каждой ревизіи всѣ домохозяева 17 деревень собираются въ Пустозерскъ и дѣлятся на 10 сотень, наблюдая при этомъ, чтобы каждая сотня была составлена изъ жителей одной деревни. Между этими десятью сотнями и дѣлятся рѣчные участки. Сотнѣ дается участокъ не вблизи ея деревни, какъ бы это казалось удобнѣе, но участки составляются изъ частей въ верховьяхъ и низовьяхъ рыболовныхъ дачъ, такъ какъ въ первомъ случаѣ равенство было бы рѣзко нарушено, потому что деревни, лежащія ближе къ устью, были бы въ выигрышѣ сравнительно съ деревнями, лежащими выше. Сотня затѣмъ дѣлитъ доставшіеся ей рыболовные участки—поплавни — между входящими въ составъ ея деревнями, опять таки стараясь уравновѣсить шансы составленіемъ участковъ изъ разныхъ частей. Напр., деревня Никитца имѣетъ два поплавня—одинъ на 70 верстъ ниже, другой на 100 верстъ выше и еще третій, состоящій изъ двухъ частей, лежащихъ другъ отъ друга на большомъ разстояніи: всего у нея пять поплавней. Послѣ общаго распредѣленія, каждая деревня дѣлитъ поплавни уже внутри себя, разсчитывая по скольку душъ приходится на каждый изъ доходныхъ поплавней. Въ названной выше деревнѣ распредѣленіе это производится слѣдующимъ образомъ. Въ ней 75 душъ. Сначала распредѣляются только три лучшіе поплавня; изъ остальныхъ одинъ отдается на церковь, другой составляетъ добавочный поплавень, поступающій въ дѣлежъ отдѣльно. Такимъ образомъ къ каждому поплавню приписывается по 25 душъ, которыя ежегодно и чередуются въ пользованіи своими тремя участками. Затѣмъ поплавень дѣлится уже между приписанными къ нему душами. Сначала высчитывается, сколько нужно работниковъ, чтобы вести ловъ на поплавнѣ, и потомъ поплавень по числу работниковъ дѣлится на паи, числу которыхъ соотвѣтствуетъ и количество группъ, приписанныхъ душъ. Положимъ, что на пай придется 5 душъ; въ такомъ случаѣ каждыя пять душъ выставляютъ отъ себя работника, нанимаемаго обыкновенно изъ доли улова (на основаніяхъ покрута), и доставляютъ нужное количество веревокъ и сѣтей. Промысловая добыча дѣлится на столько частей, сколько паевъ въ

поплавнѣ; наконецъ, пайщики, если они не члены одного семейства, дѣлятъ добычу по душамъ, вычтя предварительно долю покрутчика. Мы ограничимся этими примѣрами мірской организаціи лова, предоставляя интересующемуся читателю обратиться за болѣе подробными свѣдѣніями къ труду г-жи Ефименко. Но, вслѣдствіе чисто внѣшнихъ причинъ, самостоятельныя ассоціаціи на сѣверѣ Россіи съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уступаютъ мѣсто артелямъ, составленнымъ па началахъ найма изъ доли, *покрута.* Въ большинствѣ случаевъ, условія рыбнаго, а еще болѣе моржоваго и тюленьяго промысловъ требуютъ отъ предпринимателя значительныхъ затратъ на пріобрѣтеніе дорогихъ орудій производства и пищи для довольно продолжительнаго періода. Подобныя затраты отдѣльному современному крестьянину не подъ силу, и вслѣдствіе этого промыслы попали въ руки капиталистовъ. По историческимъ даннымъ, мы можемъ прослѣдить въ общихъ чертахъ борьбу народныхъ началъ съ все болѣе получающимъ господство хозяйскимъ производствомъ. Напримѣръ, еще въ XVII в. моржовый промыселъ производился артелями, въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, съ обязательнымъ участіемъ въ общемъ трудѣ и равнымъ дѣлежемъ добычи. Артели состояли обыкновенно членовъ изъ 8, каждый изъ которыхъ имѣлъ право на долю «и въ кочѣ (судно), и въ кочевыхъ снастѣхъ, и въ лодейномъ карбасѣ, и въ парусѣ, и въ якорѣ, и въ маткахъ, и въ фоперѣ. и въ завозахъ (сѣтяхъ), и въ артельномъ котлѣ». Еще въ XVIII вѣкѣ артели эти были въ такомъ распространеніи, что въ «Морскомъ уставѣ» того времени, составленномъ со словъ мезенскихъ промышленниковъ, артельная организація принята за нормальную для моржоваго промысла. Но уже въ концѣ XVII столѣтія, съ легкой руки холмогорскихъ архіепископовъ, промыслами завладѣваютъ капиталисты-хозяева, которые или просто нанимаютъ работниковъ, или составляютъ вмѣстѣ съ ними артели на началѣ покрута, долевыя товарищества, члены которыхъ — «покрученники» — вносящіе въ предпріятіе одинъ трудъ, получаютъ въ вознагражденіе извѣстную долю добычи, которую они дѣлятъ между собой. Способъ дѣлежа добычи

между покрученниками и особенно обычаи и правила, наблюдаемые артельщиками при взаимныхъ отношеніяхъ, доказываютъ, однакожь, что старыя общинныя начала, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, вліявшія впродолженіе послѣднихъ столѣтій на экономическій бытъ и нравственное міровоззрѣніе сѣвернаго крестьянина, сохранились до сихъ поръ и какъ бы ждутъ той поры, когда, съ устраненіемъ внѣшнихъ препятствій, они могутъ возродиться съ прежней силой. Единицей распредѣленія добычи служитъ *ужна* — доля средняго артельщика. Большая часть добычи (въ Поморьѣ, Кемскаго уѣзда, $^2/_3$ паевъ) идетъ капиталисту; остальная часть или дѣлится между всѣми поровну или соотвѣтственно количеству и качеству труда. Кормщикъ, управляющій судномъ и вообще всей операціей промысла, получаетъ въ Кемскомъ уѣздѣ отъ 2 до $2^1/_2$ паевъ; его помощникъ (полукормщикъ) вдвое менѣе, другой помощникъ (полуяженщикъ) вдвое менѣе этого послѣдняго. Простые покрученники получаютъ разныя доли, отъ $^1/_4$ пая до полнаго пая. Готовящіе обѣдъ, стерегущіе суда и вообще исполняющіе общественныя обязанности получаютъ полный пай; даются также ихъ части заболѣвшимъ. Доли умершихъ выдаются наслѣдникамъ. Хозяева эксплуатируютъ покрученниковъ до крайней возможности, не только отнимая большую часть добычи себѣ, но и заставляя покрученниковъ продавать себѣ ихъ паи и при томъ не за деньги, а за разные негодные продукты; но этотъ примѣръ не оказываетъ, однакожь, вреднаго вліянія на взаимныя отношенія рабочихъ. До какой степени развито въ артельщикахъ чувство солидарности и убѣжденіе въ необходимости подчиненія частныхъ интересовъ интересамъ общественнымъ доказываютъ слѣдующіе факты, сообщенные академикомъ Бэромъ. Ему не удавалось наловить на Новой Землѣ мышей. «Тогда я обѣщалъ, разсказываетъ Бэръ, 15-ти лѣтнему сыну хозяина 1 р. с за первую мышь, которую онъ мнѣ принесетъ, 50 к. за вторую и по рублю мѣдью за слѣдующую. Вскорѣ Александръ Аоанасьевичъ принесъ мышь, но, отведя меня въ сторону, убѣждалъ съ стѣсненнымъ сердцемъ, еслибы я точно хотѣлъ дать ему деньги, не говорить о томъ отцу, потому

что и онъ состоитъ въ артели. Я возражалъ ему, что ловля мышей, конечно, не относится къ ихъ промыслу, и что хотя морскіе звѣри, и птицы, и самыя перья идутъ въ дѣлежъ, но что за мышей на Новой Землѣ, конечно, съ сотворенія міра, никто еще не давалъ ни копѣйки. Это все такъ, отвѣчалъ онъ, но отецъ не дозволитъ мнѣ оставить деньги. Получивъ деньги, честный мальчикъ не выдержалъ до вечера и разсказалъ отцу о полученномъ рублѣ. «Этотъ рубль принадлежитъ артели, сказалъ отецъ, и долженъ быть раздѣленъ также, какъ и тѣ, которые ты получишь» [1]). Вообще честность и искренность проникаютъ всѣ отношенія артельщиковъ и, подобно тому, какъ въ общинѣ относительно пользованія землей, признаются базисомъ общежитія. «Никто одинъ другого не обманываетъ, говоритъ Бэръ, — но каждый поступаетъ честно, ибо не извѣстный за честнаго не въ состояніи составить артели и не можетъ быть въ нее принятъ. Я никогда не слыхалъ, чтобы, въ похвалу, кого либо называли добрымъ, какъ бываетъ часто въ Россіи, но всегда честнымъ... Удивила меня въ этой странѣ всеобщая безопасность и неприкосновенность чужой собственности, при совершенномъ отсутствіи полиціи и правителей. Избы, въ кои укрываются временные жители Новой Земли, не имѣютъ замковъ. Обыкновеніе это имѣетъ, повидимому, силу закона. Но изъ такой избы никогда и ничто не пропадало, и еслибъ вся артель вымерла, то и тогда наслѣдники получили бы слѣдующее имъ. Я самъ видѣлъ избу, всѣ жители которой вымерли отъ цынги. Это было извѣстно, и многіе промышленники входили въ нее, но вещи лежали тамъ въ томъ же порядкѣ, какъ ихъ оставили хозяева, только сихъ послѣднихъ уже не было. Вещи эти состояли въ мѣхахъ, которые въ тѣхъ мѣстахъ равноцѣнны деньгамъ; сверхъ того, тамъ былъ сундукъ съ мелкими вещами и, съ надписью: вмѣсто замка, «Этотъ сундукъ принадлежитъ работнику Нестору». Въ концѣ лѣта отправились бывшіе тамъ промышленники въ избу, чтобы вмѣстѣ пересчитать все, что въ ней осталось, и доставить наслѣдникамъ. Но законъ обычая, препятствующій красть, простирается тамъ еще далѣе. Если убитаго звѣря, по отдаленности отъ избы, не удобно тотчасъ

[1]) Сборникъ народныхъ юридич. обычаевъ Арханг. губ., II Ефименко.

же перенести туда, то промышленникъ втыкаетъ возлѣ него палку; это и служитъ доказательствомъ, что звѣрь кому-то принадлежитъ, что онъ оставленъ съ умысломъ и потому неприкосновененъ. Я самъ видѣлъ лодку на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за три года передъ тѣмъ оставилъ ее штурманъ Пахтусовъ, который не могъ взять ее съ собою, потому что его судно расколотило льдомъ, слѣдовательно, онъ бросилъ ее; но такъ какъ стоялъ еще шестъ, къ которому лодка была привязана, то никто не смѣлъ взять ее. Вещь съ подобнымъ знакомъ считается неприкосновенною. Какъ-то на берегахъ Лапландіи я нашелъ лодку съ сѣтями и разными рыболовными орудіями и возлѣ наклонно-воткнутое весло. Я хотѣлъ было опереться на него, какъ вдругъ нѣсколько промышленниковъ бросилось ко мнѣ и просило не трогать весла, потому что это грѣхъ. Только впослѣдствіе объяснили мнѣ эти слова и увѣряли, что еслибъ я оставилъ на Новой Землѣ часы, воткнувъ возлѣ нихъ палку, то ихъ, конечно, «никто бы не тронулъ.» Эти взгляды и отношенія сохраняются до сихъ поръ. Тѣми же началами солидарности и взаимности проникнуты отношенія между самими артелями. Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого различія между самостоятельными артелями и артелями покрученниковъ. Какъ тѣ, такъ и другія считаютъ своею священною обязанностью помогать другъ другу въ случаѣ несчастій и опасностей отъ бурь, льдовъ и т. д. и притомъ совершенно безкорыстно. Для совмѣстнаго лова звѣрей и предупрежденія неизбѣжныхъ столкновеній, жизнь выработала весьма полный кодексъ обычаевъ, соблюдаемыхъ до сихъ поръ точнѣе всякихъ законовъ. Когда нѣсколько артелей соединяются въ одну, называемую *котляной* (отъ общаго котла для варки пищи), съ цѣлью общей работы, добыча дѣлится между участвующими поровну, хотя бы нѣкоторыя изъ артелей промышляли безъ успѣха. Навыкъ къ веденію дѣла сообща такъ силенъ, что артели составляются иногда мгновенно: напр., когда нѣсколько артелей неожиданно съѣзжаются у стада моржей, отдыхающихъ на льду (большой наледицы), то достаточно одного знака рукой, чтобы онѣ соединились въ одну котляную артель, называемую въ подобномъ случаѣ *смашною* [1]).

---

[1]) Въ «Сборникѣ матеріаловъ объ артеляхъ» собраны свѣдѣнія о многихъ

Въ виду приведенныхъ фактовъ не можетъ быть болѣе сомнѣнія, что въ средѣ нашего крестьянства существовала съ первыхъ дней его жизни, и существуетъ теперь, совершенно законченная система соціально-экономическихъ отношеній, принципіально отличная отъ господствующей у насъ и на Западѣ. Давая каждому возможность приложить свой трудъ и обезпечивая безспорное пользованіе продуктами этого труда, народная система, въ противуположность господствующей, отрицаетъ приложеніе принципа собственности къ тому, что̀ не составляетъ продукта труда,—къ землѣ, признавая ее неотчуждаемою собственностью всѣхъ жителей извѣстной территоріи. Основанная на началахъ взаимности и общинности, на началахъ совершенно противуположныхъ тѣмъ, которыя лежатъ въ основѣ господствующей системы и которыя можно назвать началами индивидуализма и соперничества интересовъ, народная система установляетъ равенство членовъ въ трудѣ и продуктѣ, во всѣхъ выгодахъ и потеряхъ, признавая этотъ путь единственнымъ для практическаго осуществленія идеи общаго блага. Начала эти, составляющія продуктъ народнаго самосознанія, воспитаннаго на вѣковомъ опытѣ, проникаютъ весь строй экономической жизни крестьянства даже и въ настоящее время, несмотря на всевозможныя неблагопріятныя вліянія. Ихъ прочность, вслѣдствіе этого, не подлежитъ сомнѣнію. При всемъ томъ, вопросъ о будущности общиннаго строя внушаетъ серьезныя опасенія. Внутри общины, конечно, нѣтъ и, повидимому, не можетъ явиться причинъ къ саморазрушенію; напротивъ, какъ мы старались доказать, она обладаетъ замѣчательною способностью приспособляться ко всѣмъ возможнымъ условіямъ, не отступая ни въ чемъ отъ своихъ основныхъ началъ. Отвѣчая болѣе, чѣмъ система индивидуализма, реальнымъ потребностямъ народа [1]),

---

другихъ артеляхъ, но мы считаемъ лишнимъ говорить о нихъ, такъ какъ основанія ихъ устройства болѣе или менѣе одинаковы съ описанными.

[1]) Въ статьяхъ Кавелина объ общинномъ владѣніи (Недѣля 1876 г., № 3 и слѣд.) читатель найдетъ весьма обстоятельное изложеніе преимуществъ общиннаго пользованія, съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ, надъ индивидуальнымъ. Въ книгѣ Посникова объ общинномъ землевладѣніи читатель найдетъ систематическій разборъ главнѣйшихъ возраженій противъ поземельной общины.

общинная система пользуется повсемѣстно самою крѣпкою привязанностью со стороны народа [1]), которую, по выраженію одного лица, сообщавшаго свои наблюденія коммиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства, можно искоренить только «насильственными мѣрами». Опасность грозитъ совсѣмъ съ другой стороны. Общественное мнѣніе, значеніе котораго въ данномъ случаѣ, какъ выразителя взглядовъ заинтересованной и притомъ вліятельной стороны, не подлежитъ сомнѣнію, въ послѣднее время стало относиться къ ней все болѣе и болѣе враждебно. Выставивши назадъ тому 20 лѣтъ цѣлый рядъ талантливыхъ и энергическихъ защитниковъ общины въ литературѣ и въ средѣ губернскихъ комитетовъ, предъ сокрушающими доводами которыхъ должна была, наконецъ, совершенно замолчать незначительная партія противниковъ, которой не помогли ни авторитеты политической экономіи, ни измышленія о фискальномъ происхожденіи общины, общественное мнѣніе послѣ уничтоженія крѣпостнаго права явно стало склоняться на сторону насильственнаго уничтоженія общиннаго землевладѣнія. Для доказательства, напомнимъ читателю пренія по докладу г. Бушена на сельскохозяйственномъ съѣздѣ 1865 года, ходатайство Петербургскаго земства въ 1870 г. о введеніи подворнаго владѣнія и, наконецъ, мнѣнія большинства лицъ, выслушанныхъ коммиссіей для изслѣдованія сельскаго хозяйства 1872 года. Даже прежніе горячіе защитники общины, какъ, напримѣръ, г. Кошелевъ, стоявшій до уничтоженія крѣпостнаго права за возможно полную самостоятельность ея, стали теперь находить, что крестьянамъ даны были слишкомъ широкія права, совершенно несоотвѣтствующія ихъ развитію, и видѣть въ общинѣ причину неудачи крестьянской реформы. Вѣрной своимъ прежнимъ взглядамъ осталась лишь одна группа защитниковъ, но очевидно,

---

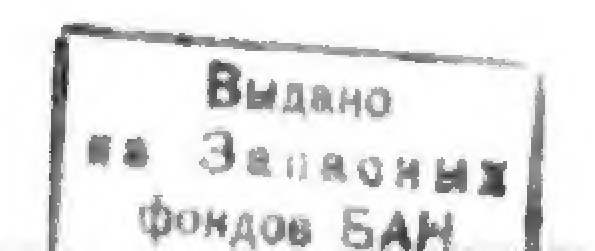
[1]) Въ Докладѣ сельскохозяйственной коммиссіи 1872 года, у Якушкина въ его книгѣ «Обычное право» и въ названныхъ статьяхъ Кавелина собраны убѣдительныя фактическія доказательства привязанности крестьянъ не только къ общинному землевладѣнію, выражающейся въ пріобрѣтеніи земли въ общинное владѣніе, въ возстановленіи передѣловъ послѣ ихъ уничтоженія, но и къ другимъ особенностямъ общиннаго устройства, напр., къ единогласному рѣшенію всѣхъ мірскихъ вопросовъ.

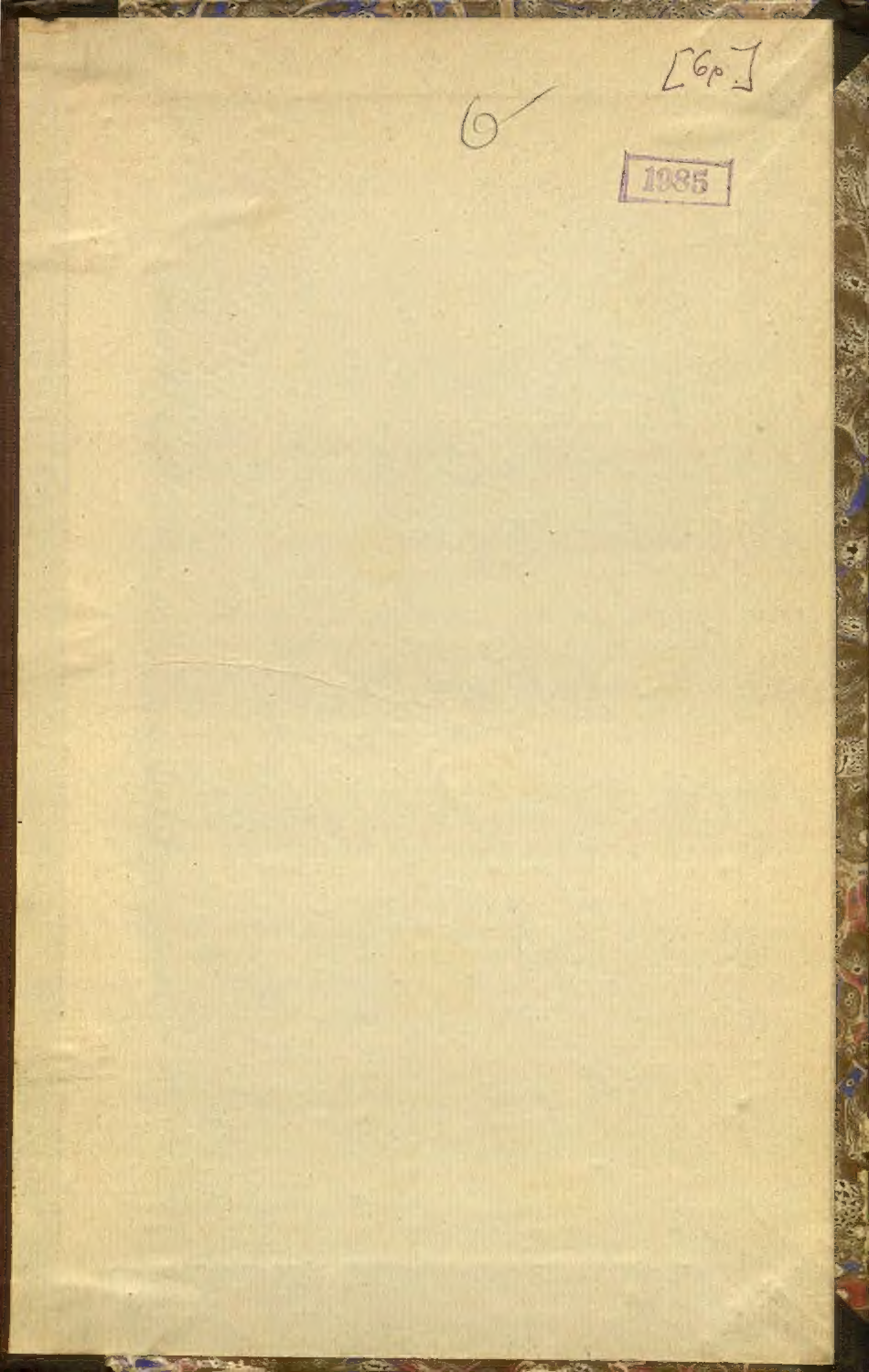
что одна она не можетъ вести успѣшной борьбы. Положеніе 19 февраля служитъ памятникомъ безпристрастнаго отношенія законодательства къ народной системѣ распредѣленія земли. Правда, нѣкоторыя статьи Положенія доказываютъ слишкомъ ясно, что отдѣлъ объ общинномъ владѣніи составленъ подъ вліяніемъ мысли о неизбѣжномъ естественномъ саморазрушеніи поземельной общины: въ Положеніи весьма точно, напримѣръ, опредѣлены правила, которыхъ слѣдуетъ держаться при переходѣ отъ общиннаго къ подворному владѣнію, между тѣмъ какъ даже не предполагается возможнымъ обратное явленіе. Нѣкоторыя постановленія даже облегчаютъ такой переходъ, именно предоставленіе права раздѣла общинныхъ земель на подворные участки 3/4 голосовъ мірскаго схода, вмѣненіе въ обязанность общинѣ выдѣлять въ одномъ обрубѣ участокъ домохозяину, желающему выйдти изъ общины и уплатившему всю приходящуюся на его долю часть государственной ссуды, предоставленіе усадьбы въ наслѣдственное пользованіе семьямъ и, наконецъ, введеніе начала большинства, вмѣсто обычнаго начала единогласія; но во всемъ Положеніи нѣтъ и намека на какое либо намѣреніе насильственно ускорить процессъ разрушенія общины. Въ докладѣ же Высочайше учрежденной коммиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства въ Россіи, 1872 г., мысли о содѣйствіи къ выходу изъ общины, напротивъ, дано широкое развитіе, а разосланные въ 1876 году въ Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ вопросы объ удобнѣйшемъ выполненіи этой мѣры, и вообще о способахъ замѣны общиннаго владѣнія подворнымъ, доказываютъ, что заключенія коммиссіи приняты во вниманіе. Будемъ, однакожь, надѣяться, что примѣръ западныхъ странъ, сожалѣющихъ теперь, въ лицѣ лучшихъ представителей науки, о преждевременномъ уничтоженіи общины, и безпристрастное отношеніе къ насущнымъ интересамъ народа спасутъ русское крестьянство отъ новыхъ испытаній, и что, напротивъ, ему будетъ предоставлена большая противъ теперешняго возможность развивать далѣе свои излюбленныя формы быта.

П. Соколовскій.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

стр.	*Строка сверху.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
1	10	малъ	мало
5	26	народовыя	на родовыя
23	4		на сѣверѣ описываемой мѣстности
33	23	хозяйствомъ	хозяйства
—	2-е прим. 1-я строка	клетники	кочетники
—	2-я строка	названія	названія половниковъ
38	27	фабрикамъ и	
40	16	550	500
42	8	полымъ	пошлымъ
43	2-е примѣчаніе	Осторжевой	О сторожевой
54	12	въ нихъ	
58	28	80	93
64	15	не мало	мало
—	17	выставить	возстановить
65	13	земли	землей
67	1-е примѣч. слѣдуетъ отнести къ 15 строкѣ на 70 страницѣ.		
74	26	рогу	рощи
79	23	буржуазіею	буржуазіи
81	5	соимѣній	селенія
—	7	бы	
82	4	подвижнаго	подворно—
95	9	XVII	XVIII
97	6	вводитъ	вводило
—	7	въ	въ прежній порядокъ:
108	9	постава	посѣва
—	16	Cognaliones	cognationes
—	17	Communaule	communauté
121	1-е прим. 5-я строка	общинное	частное
129	2	необязывалъ	обязывалъ
—	1-е прим. 2 строка	также и	
130	10	хотя	такъ какъ
131	17	вѣчс	вѣчѣ
138	1-е прим. 2 строка	приведенный	приведенной
142	17	общины	общинъ
149	28	держать	удержать
162	1-е прим. относится къ 5-и строкѣ на 164 страницѣ		
166	11	принимается	примѣняется




[6р]
6
1985